

Валентин Мохначев

Сага Дераверна
ЗАПОВЕДЬ ДРАКОНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валентин Мохначев

**Сага Дераверна.
Заповедь Дракона**

«Автор»

2026

Мохначев В.

Сага Дераверна. Заповедь Дракона / В. Мохначев — «Автор»,
2026

В мире Дераверна, где летоисчисление ведут с последнего вздоха чёрного дракона, древние легенды не угасли — они лишь ждали своего часа. На просторах обетованной земли, среди бескрайних равнин, восточных гор и холодного дыхания Великого моря, прошлое продолжает жить в тени настоящего. Сэнд, эльв, чья жизнь прежде казалась предсказуемой и спокойной, однажды получает таинственный знак, который навсегда меняет его путь. То, что начиналось как личная тайна, оборачивается дорогой к истине, страшнее любых преданий. И чем ближе Сэнд подходит к разгадке, тем яснее становится — пробуждённые древние силы уже невозможно удержать в забвении. Это история о мире, где свет не обещает спасения, а тьма умеет говорить голосом судьбы. О выборе, за который придётся заплатить слишком высокую цену. О начале пути, который приведёт к событиям, способным изменить Дераверн навсегда. Заповедь Дракона — первая часть трилогии.

© Мохначев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог - о землях и судьбах	5
Глава 1 - Таинственный сон	11
Глава 2 - Трущобы	17
Глава 3 - Получение ответов	28
Глава 4 - Башня	40
Глава 5 - Пробуждение	54
Глава 6 - Ирида	65
Глава 7 - Тайны под маской	73
Глава 8 - Певчие	83
Глава 9 - Отправление	89
Глава 10 - Вэйс	98
Глава 11 - Встреча	112
Глава 12 - Спасение	124
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Валентин Мохначев

Сага Дераверна. Заповедь Дракона

Пролог - о землях и судьбах

*"Постичь все тайны и распри
нашего мира - труд, непосильный
для смертного века. Но невозможно
отрицать величие уходящих эпох.
Драконы, эльвы, гномы и, наконец,
люди - каждый вплел свою нить в
этот прекрасный гобелен"*

Дерион, герцог королевства Артрейн

На утесе, где стонет ветер, спит
черный дракон. Тот, чье пламя
когда-то пожирало рассвет, а тень
внушала трепет живым. Его время
миновало, и ярость угасла,
оставив лишь холодный обсидиан
чешуи. Сквозь бесконечные ночи он
правил пеплом и страхом - владыка
огня и густых теней. Теперь его
дыхание замерло, став лишь пылью
на скалах. Там, где веками дрожали
от его имени, робко пробивается
свет былой надежды. Мрак, что он
сеял, сотрется из памяти, и лишь
в суровых песнях о доблести
помянут зверя, чья гибель стала
вольным даром для народов
Дераверн.

Было бы ошибкой начинать это сказание, не коснувшись самой сути земли и тех, кто ее населяют. Хроники мира Дераверна ведут свой отсчет с того мрачного дня, когда последний черный дракон испустил свой последний вздох. Никто уже не помнит, что стало причиной его гибели, но с тех пор, как говорят старцы, минуло четыре тысячи сорок четыре года. Сами жители называют этот край Дераверном, что с эльвского означает земля обетованная. На востоке края в самое небо вонзаются заснеженные пики гор, величия которых подавляют любого путника. Сами же владения тянутся на сотни лиг, упираясь на юге в бескрайнее Великое море. Не счесть смельчаков, пытавшихся покорить его воды, но ни один корабль так и не вернулся из тумана. Лишь редкие слухи доносят вести о заморских чудесах - о краях, не знавших ужасов войны, и о народе, сумевшем познать мощь "селитры". Впрочем, для большинства это лишь пустые байки трактирных сказочников, приукрашенные ради лишней кроны. С запада же равнины стиснуты Золотым лесом - у него нет ни начала, ни края - кажется, великие деревья стояли здесь вечно: живые, пугающие и удивительно красивые. Говорят, чем глубже заходишь под его сень, тем быстрее гаснет разум. Человек перестает быть собой, превращаясь

в легкую добычу для природы, или, что еще хуже, становясь ее частью - очередным безмолвным деревом в бесконечной чаще.

Веками единственными господами, повелителями Дераверна, были черные драконы. Они тайно наблюдали за первыми проблесками жизни, будучи существами не столько злыми, сколько тяготившимися своим одиночеством и накопленной мудростью. Кем была дарована им эта мудрость - загадка; возможно, они обрели ее сами, а может, это был дар еще более могущественных сущностей, чьи имена стерло время. Когда мир стал меняться, на свет вышли новые народы. Первыми из них были эльвы - тогда еще дикое, неистовое и опасное племя. Неизвестно, из какой тьмы они явились, но их страсть к познанию была безгранична. Черные драконы, увидев в них искру разума, почувствовали удивительное сходство и полюбили их, как отец любит новорожденного сына. Многие из драконьего рода добровольно стали наставниками для эльвов. Они обучали их тонкому искусству магии, но при этом неустанно предупреждали о той опасной черте, за которой нет возврата. В те стародавние времена магия была естественным дыханием мира - она подчинялась эльвам с пугающей легкостью. Сегодня же это искусство почти забыто - им владеют лишь единицы - те, кто отмечен особым благословением и прошел через нечеловеческие испытания. А тогда могущество эльвов росло с каждым днем, подпитываемое новыми и новыми откровениями их учителей. Но в сердцах эльвского народа, ныне именуемо Аванед, таился изъян - глубокая трещина, которую невозможно было разглядеть невооруженным глазом. Драконы то ли не видели беды, то ли намеренно закрывали на нее глаза. Продолжая делить с учениками свои тайны, они, сами того не ведая, отягощали разум их учеников. Жажда власти росла, становясь ненасытной. Все больше погружаясь в пучину мрака, эльвы создали искусство "крови" - запретное, пугающее и чудовищно могучее. Никто уже и не скажет, кто и когда первым пролил жизнь в чашу ради заклятия, но эта магия - она отравляла саму суть существ, пробуждая в них первобытную ненависть и даруя власть над всем живым. Постепенно магистры Аванед, ослепленные гордыней, начали поработать своих же учителей, черных драконов. В небо вонзились исполинские храмы из черного камня, вершины которых вечно тонули в багровых всполохах. Там, на алтарях, совершались кровавые ритуалы, позволявшие магистрам продлевать и без того неестественно долгую жизнь. Но такое грехопадение не могло длиться вечно. В знак мести, в момент великого отчаяния, драконы сотворили проклятие, ударившее в самое сердце их народа - детей. Проклятие это не давало им взростеть, обрекая на вечное, беспомощное детство и медленное угасание. Год за годом народ эльвов таял, и тень вымирания легла на их величественные города. Однако, нашлись среди них те, в ком еще теплилась память о корнях, те, чью волю не сломило безумие власти и искусство крови. Их возглавил самый молодой из магистров - Анарэл. Вспыхнувшая война была долгой и беспощадной - более ста лет непрерывно бился каждый за свою истину - и в огне этой борьбы древняя цивилизация обратилась в прах. Горстка уцелевших мятежников бежала с руин своей родины, растворившись в тенях своей истории. Спустя сотни лет, в уже известную эру, среди людей поползли слухи, будто остатки эльвов нашли приют в Золотом лесу. Говорят, что по ночам они крадут человеческих детей и уносят их в чашу, чтобы совершать кровавые обряды и в надежде восстановления былого величия. Но правда ли это? Правда ли, что мы не знаем победителя войны? Или просто еще одна легенда, которую матери рассказывают непослушным детям, чтобы те не уходили далеко от дома. Верно одно - лишь редкие крупинки истории доходят о народе, что когда-то правил континентом, а после утонул в собственной гордыни.

Доподлинно неизвестно и то, откуда на континенте появились и люди. Об этом спорят до сих пор и каждое из двенадцати королевств рассказывают свою собственную легенду, будто именно в ней скрыта истина. Одни говорят, что люди пришли из-за великого моря с южных берегов, принесенные штормами и голодом. Другие уверяют, что они вышли из глубин смой земли подобно гномам, из забытых пещер и каменных чрев мира. Третьи шепчут, будто человек был не рожден, а сотворен могущественной сущностью - в насмешку древним народам или

в противовес им. Но в одном все предания сходятся. Все они рассказывают о всаднике на черном драконе. Человеке сумевшим сделать то, чего не удавалось никому ни прежде, ни после - подчинить себе существо и склонить его на свою сторону. Имя этому человеку и поныне проносят шепотом, с некоторой опаской - Арлей Жестокий. Именно он объединил весь континент под одной рукой и воздвиг империю, ту, хоть и недолго, но сумевшую объединить каждое живое существо от горных чертогов до морских берегов. Просуществовала та империя всего двадцать четыре года, однако даже этого короткого срока хватило, чтобы оставить на земле шрам, который не затянулся и по ныне. Сама история о том, как Арлей покорил дракона, давно обросла множеством домыслов. Кто-то говорит, что он победил чудовище в бою и заставил склониться перед своей силой. Кто-то - что заключил с ним кровавый договор, отдав самое сокровенное, что у него было - своего кровного брата. Есть и такие, кто считает, что дракон подчинился ему не из страха и не по принуждению, а потому что увидел в человеке нечто, прекрасное зловещее, родственное ему. Как бы там ни было, мир более ничего подобного не видел. И хотя немало безумцев пытались повторить этот подвиг, почти все они заканчивали одинаково - быстрой, страшной и бесславной смертью. Для людей то было время величия. Для прочих народов - время страха, унижения и крови. Особенно тяжкая доля выпала эльвам из народа Аванед, тем немногим, кому посчастливилось скрыться в тени лесов и руин. Тех, кого ловили солдаты империи и заковывали в цепи и обращали в рабов. Они гнили в грязных кварталах и сырых трущобах, где по ночам шуршали крысы, а вонь стояла такая, что даже стражники старались не задерживаться там без нужды. Гномов постигла иная участь, но не менее горькая: торговали металлом и оружием, редкими камнями, надеясь, что золотой и ремесло уберегут их от гнева нового владыки континента. Но Арлей не терпел подобного. Слишком богатых он стремился унижить, слишком гордых - сломить. Так гномы, некогда державшиеся с достоинством, нередко оказывались при дворе в роли слуг, потешных мастеров, обязанных работать на чужую славу. Для народа чтившего честь и труд превыше всего, это было унижением хуже рабства. Империя Арлея держалась не только на силе оружия. Она правила хитростью, страхом и памятью о показательных расправах. Там, где нельзя было подчинить мечом, действовали угрозы. Там, где не хватало угрозы, в ход шло золото, шантаж, ложь и древние заклятия. Люди склоняли головы не только перед императором, но и перед тенью того, что стояло за его троном - черным драконом. Но времена меняются, империи гибнут, пало и государство Арлея. Есть множество версий. Больше всего рассказов сохранили гномы. По их преданиям конец империи пришел откуда не ждали - изнутри. Во время пира, устроенного после очередной великой победы, собственный сын императора предал отца. Среди музыки, хмельных речей и звона кубков он подошел к Арлею вплотную и вонзил меч ему в сердце. Тем ударом он убил не только самого императора, но и черного дракона, который был связан с ним чарами. После этого, если верить старым сказаниям, убийца заключил меч в камень - как печать на собственном поступке - и исчез. Люди же чаще держатся другой версии, более благородной и потому, быть может, более удобной для памяти. В ней говорится не о предательстве, а о тяжелом выборе. Будто между отцом и сыном давно зрел разлад из-за престола. Арлей жестокий не желал передавать власть никому и ослепленный жаждой вечного правления, искал путь продлить себе жизнь с помощью запретной магии крови. Но подобные замыслы редко приводят к тому, чего, желает смертный. Сын императора, понял, к чему все идет и решился остановить отца, пока тот окончательно не переступил черту. Он сделал то, на что не отважился бы никто другой, а затем тоже исчез - то ли скрывшись, то ли погибнув. Какая из этих историй правдива, теперь уже вряд ли кто скажет наверняка. Возможно ложью стали обе. Возможно истина куда хуже рассказанных историй. С тех пор империя распалась на двенадцать государств и никто не смог из них достичь подобного могущества. Первое среди них по праву называют южное королевство Артрейн - самое сильное и богатое. Именно там когда-то стояла столица павшей империи Вейс - серебряный город, чьи башни сияют так, будто выкованы не из камня, а из застывшего света. Артрейн -

земля широких равнин, мирных на вид и обманчиво щедрых. Здесь живут трудолюбивые люди, умеющие пахать землю, строить, воевать и умирать по приказу. Зимы в этих краях не видели уже почти сотню лет и старики говорят об этом как о благословении, а иные - как о дурном знаке, за которым однажды последует расплата. Поля здесь плодородные, дороги полны повозок, а деревни, на первый взгляд, кажутся спокойным и сытыми. По под этим внешним порядком чувствуется нечто жесткое и почти железное. Населения Артрейна предано своему герцогу почти безоговорочно. Немалую роль в этом играет действующая при дворе религиозная организация, известная как Инквизиция. Она не терпит инакомыслия, выжигает ересь прежде, чем та успевает дать росток и зорко следит за каждым кто смеет думать иначе, чем дозволено. Здесь слишком громкие вопросы могут стоить человеку свободы, а порою и жизни. Магия здесь находится под строжайшим запретом. Благодаря усердию Инквизиции любое колдовство считается скверной, которую следует искоренять без жалости. Если же у кого-то обнаруживается дар, жизнь его редко складывается счастливо. Одни исчезают в подвалах дознавателей. Другие бегут, бросая дом, имя и прошлое. Немногие выживают достаточно долго, научившись скрывать свою природу. Главной бедой Артрейна остаются гномы, которые до сих пор не забыли унижений, нанесенных им во время империи. Память у этого народа долгая. Чаще всего из подземных городов выходят небольшие отряды: быстрые, молчаливые, хорошо знающие цены внезапному удару. Они нападают на приграничные поселения, грабят склады, уводят скот и что особенно часто, забирают зерно и хлеб, чтобы унести все это в свои каменные чертоги под землей. Впрочем, не каждая стычка заканчивается кровью. Порой герцог предпочитается откупиться золотом, в этом есть своя мрачная ирония - то, что для людей служит знаком власти и достатка, для гномов всегда было почти живым соблазном, близким к сердцу не меньше доброй стали. Так в этих землях держится хрупкое равновесие.

Север Артрейна примыкает к королевству Фирдэн - краю, который во всем противоположен своему южному соседу. Если на юге тепло и плодородно, то здесь холод держится почти круглый год. Мороз проникает под одежду и будто въедается в самую плоть, а ветер воеет так, словно пытается сорвать с людей последние крохи тепла. Шерстяная одежда не всегда помогает и даже у очага можно продрогнуть до костей. Большинство жителей Фирдэна спускается в шахты, где и проходит их жизнь. Они трудятся там без передышки, добывая золото из недр земли - но дожить до старости удается в целом немногим. Чаще шахта становится для человека одновременно, и рабочим и последним пристанищем, а затем тела уносят снег, где они быстро теряются среди бескрайней белизны. Есть у людей и другой путь - пойти в королевскую армию. Однако и там их не ждут ни достаток, ни покой. Основная обязанность военных охранять караваны и сопровождать припасы в столицу - город Сейр, где ныне живет король Дорик со своим двором, жадно стерегущим свои накопленные богатства. Вся жизнь там подчинена страху потерять золото, поэтому армия служит не столько короне, сколько защите этого богатства. Неудивительно, что жители Фирдэна тесно связаны с гномами. У них слишком много общего: привязанность к золоту, уважение к металлу и умению выживать в суровых условиях. Именно благодаря этому союзу нынешняя династия до сих пор остается у власти. За золото гномы поставляют броню и оружие высшего качества. Их доспехи настолько прочны, что даже арбалетный болт, выпущенный с близкой дистанции, не всегда способен их пробить. А мечи, выкованные из гномьей стали почти не тупятся и служат очень долго. На западных рубежах, в самом сердце золотого леса, затерялось третье королевство. До сих пор люди гадают, как его обитатели не лишились рассудка, поселившись в месте, где деревья шепчутся даже в самые тихие ночи. Ходят слухи, что народ это края заключили тайный пакт с эльвами. Название этого края меняется в зависимости от того, кто о нем говорит. Недоброжелатели называют его Земрис, вкладывая в это слово все свое презрение к предателями человеческого рода. Иные используют слово Авандар. Совсем иная участь у девяти соседних королевств, в хрониках их называют обидным прозвищем Даборис - ничтожные. Эти земли - вечная разменная монета в

играх сильных мира сего. Они переходят от одного хозяина к другому, вынужденно присягая на верность всякому, кто обладает властью. Но вопреки всеобщему пренебрежению, дух народов живущих в этих краях не сломлен. Свою боль и надежду они вкладывают в строки песен, которые звучат вопреки всему:

«В вихре вечных потрясений,
Там, где гордость не в чести,
Даборис бредут как тени
На извилистом пути.
Их не видят, их не слышат,
Словно прах в степной пыли.
В речах их лишь горечь дышит,
Угасая в серой дали.
Но под гнетом унижений
Жар сердец не перестал.
Пусть зовут нас "тенью теней",
Наш черед еще не встал.
Мы восстанем из тумана,
Веры свет в руках сжимая.
Пусть твердят, что мы ничтожны —
Высь небес для нас родная».

Не раз говорилось и о гномах, живущих в своих подземных Осоргарх - огромных городах, сокрытых глубоко в недрах земли. Народ они мрачный, упрямый и больше всего заботятся о собственном благополучии, о камне, металле и драгоценностях, что веками копятся в шахтах. Их застывшая, древняя система власти почти не оставляет простому жителю шанса изменить свою жизнь. Здесь каждый рождается уже в тени своего места и родителей. Их общество делится на пять крупных общин. Пятая из них - агар. Сюда чаще всего попадают те, кто оказался в долгах, преступил закон или был занесен в книгу страданий. Искупить свою вину почти невозможно, единственным способом, смерть в бою. Живут они в самых глубоких шахтах, куда никогда не прокает дневной свет. Там в вечной сырости и темноте, на них без конца нападают пауки и иные мерзкие твари. Участвовать в выборах они не имеют права и их голос в жизни города почти ничего не значит. Четвертая община - Агарет - это полусвободные жители, стоящие слегка выше. Именно они выступают надсмотрщиками за представителями пятой общины. Нередко они устраивают рабовладельческие бои на крупных аренах - это и способ наживы, и редкая возможность для представителя общины агар по сути раба хоть на миг обрести славу. Среди гномов о таких боях говорят с горькой усмешкой - путь в один конец. Кроме того, многие из агарет становятся искусные торговцами, продавая товары добытые в глубинах шахт. Однако, подняться выше своего статуса они не могут, даже если располагают большими богатствами. и Все же у них есть собственный наместник, представляющий их интересы в совете города. Третья община - Ретагар. Свободные гномы, живущие как правило в более спокойных районах города. Они составляют основу гномьего общества. Среди них есть ремесленники, торговцы и воины. Ремесленники - мастера работы с металлом. День за днем они трудятся без отдыха, создавая вещи, чья красота и прочность редко встречаются даже среди лучших изделий на поверхности. Торговцы делают ставку на вывоз товаров за пределы городов, ведь внутри Осоргаров им трудно соперничать с четвертой общиной, у которых сосредоточены многие товары из глубин шахт. Но если гном пробудет на поверхности больше шести месяцев, покуда светит звездная ночь - двери Осоргаров закроются навсегда. Тогда они остается у врат, где вместе с собратьями возводит поселение и живет рядом с своим настоящим

и закрытым домом. Лишь немногим позволено забрать свою семью, но это редкое исключение. Не стоит забывать и о воинах свободных гномов. Это главные защитники городов, стоящие на страже всех пяти общин. В темных латах, с оружием в руках, они первыми выступают на встречу врагу, выстраиваясь в единый, непреклонный, сомкнутый строй. Когда-то гномы еще могли собирать свои великие армии, но теперь они заняты лишь мелкие дрязгами за драгоценности из шахт. Вторая община - Ретор - правящие, и именно из их числа выбирают так называемых тиранов - правителей отвечающих за внутреннюю и внешнюю политики. Их должность выборная и длится двадцать гномьих лет. Однако, власть тиранов ограничена традициями и мнение других общин, имеющих право участвовать в городских советах. Сами тираны стремятся к полной власти, но каждый раз терпят неудачу, ведь гномы до сих пор помнят времена пятой общины - Окаргар - королей завоевателей. То была старая династия Мортамант, мудро правившая едиными городами-государствами. Но чем старше становился гномия род, тем слабее делалась их абсолютная власть, правители все чаще погружались в долгий сон, уставая от государственной дел. И именно тогда, во время темного затмения, случившегося после смерти последнего черного дракона, из шахт хлынули неизвестные существа. Ужасные и безжалостные, они подчиняли себе города, туннели и рудники доводя гномов до полного уничтожения. А после исчезли. Таковы народы Дераверна, прошедшие долгий путь к четыре тысячи сорок четвертому году со смерти последнего черного дракона - со своими обычаями, легендами и страхами. Но мир уже не так молод, как прежде. И над ним поднимается новая эпоха.

Глава 1 - Таинственный сон

Многие гадают, как все было на самом деле, другие превращают это в мифы, но лишь единицам ведомо, через какой кошмар ему довелось пройти, чтобы вырвать свой народ из лап гибели.

Лорик Золотые уста. Наемник

Белесая хмарь затопила лес, слизывая одно дерево за другим, пока листья деревьев окончательно не утонули в мареве. Разглядеть что-то дальше собственного стало невозможно. Ряды стволов стояли непроницаемой стеной, а сам туман не походил на обычную утреннюю дымку - он был необычной плотным, вязким и нес в себе тяжелый запах, от которого перехватывало дыхание. Чтобы не задохнуться, приходилось прикрывать лицо краем одежды, а точнее рукавом накидки. «Некто» застыл среди этого безмолвия, не понимая, как здесь очутился. Память подбрасывала лишь скудные обрывки - вроде бы только что была открытая равнина, а оказался в густом лесу.... Откуда взялись это заросли? Откуда этот тошнотворный туман? Ответов не было, но и оставаться на месте было опасно - неизвестно, какие лихие люди или твари рыщут в такой темени. В голове всплывали старые байки, которыми в родных трущобах пугают детей. Сказки о старых курганах, скрытых в самой глуши, где мертвецы не находят покоя. Говорили, что они вечно поджидают несчастных странников, чтобы забрать их жизнь и перевоплотиться в другом обличье. Страх вползла под кожу, пробирал до самых костей. Идти становилось все труднее, ветви сплетались плотнее, закрывая обзор. Совсем недавно еще можно было различить золотистые отблески листы, напоминавшие гномье золото из далеких Осаргаров. Вязкое отчаяние накрывало с головой точно ледяная волна. «Некто» начал шептать, надеясь, что звук собственного голоса отгонит безумие:

— А если выхода нет? Если я так и сгину в этом мареве?

— Вспомни что говорила мать.... она предупреждала, что в сердце чащи можно лишиться рассудка.

— Нет, чушь! Я не такой, как другие. Все детство мне твердили о моем даре, каждый сосед, каждый глупый эльф, даже матушка это признавала, когда мы возились с братом во дворе. Проклятье! Как же хочется вернуться назад... К тем играм, деревянным мечам, к теплу дома. Он резко тряхнул головой, отгоняя нахлынувшую тоску.

— Хватит. Нужно взять себя в руки и двигаться. Двигаться вперед.

Разобравшись в собственных мыслях, «Некто» двинулся дальше, все глубже уходя в чащу. Лес не становился приветливее — напротив, чем дальше он шел, тем теснее смыкались вокруг деревья, тем гуще ложился туман. В некоторых местах белесая мгла делалась такой плотной, что казалась почти осязаемой, словно ее можно было раздвинуть руками. И все же у этого проклятого леса была одна странность. Стоило коснуться золотых листьев, кое-где уцелевших на ветвях, как туман ненадолго отступал. Не рассеивался полностью, но словно пятился назад, давая несколько коротких мгновений ясности. Вместе с этим прояснялась и голова. Мысли, еще недавно вязкие и спутанные, вдруг становились острыми и понятными. Каждая идея обретала форму, делалась почти зримой — такой близкой, будто до нее можно дотянуться рукой. И всякий раз, когда казалось, что вот-вот удастся ухватить что-то важное, невидимая сила будто отталкивала его в последний миг, не позволяя коснуться ответа. Так продолжалось снова и снова, пока лес внезапно не изменился. Мгла дрогнула и стала редеть. Потом отступила разом, будто по чьей-то безмолвной воле. Перед ним открылась река. «Некто» замер.

Это казалось невозможным. Еще совсем недавно вокруг стояла сплошная чаща, и не было ничего, кроме стволов, ветвей и проклятого тумана. Откуда здесь вода? Откуда простор? Он даже подумал о мираже, но тут же отбросил эту мысль. Миражи рождаются в зное и пусты-

нях, а не в сыром, мертвенно-тихом лесу. Он сделал несколько осторожных шагов вперед. Река и впрямь была настоящей. Ее поверхность блестела так ярко, словно в ней растворили жидкое серебро. На волнах дрожал солнечный свет — теплый, мягкий, почти забытый. Первые лучи касались воды и будто возвращали миру цвет, согревая не только кожу, но и самые кости, давно продрогшие в холодной сырости леса. И тогда он почувствовал жажду. Не просто желание выпить — нет. Это была жажда мучительная, дикая, будто она все это время пряталась где-то внутри, а теперь разом проснулась и вцепилась в горло. После долгого блуждания в тумане, после колючих ветвей, хлещущих по лицу и рукам, после тяжелого запаха сырости и гнили, устоять было невозможно. Он почти бросился к воде. Опустившись на колени у берега, «Некто» жадно зачерпнул ладонями холодную воду и принялся пить. Пил быстро, захлебываясь, не чувствуя ни меры, ни осторожности, словно изголодавшийся зверь, наконец достигший добычу. Вода была ледяной, чистой на вкус, текла по губам, по подбородку, стекала на одежду, но он все равно не мог остановиться. Казалось, чем больше он пьет, тем сильнее становится жажда. Лишь через какое-то время он оторвался от реки, тяжело дыша, и хрипло пробормотал:

— Хм... странно. Она не утоляет жажду. Он нахмурился, вытер рот тыльной стороной ладони и снова посмотрел на воду.

— Нет... такого быть не может. Это точно ненормально. Может, вода проклята? Вроде я что-то слышал о таком... Да нет, если бы была проклята, я бы, наверное, почувствовал. Хотя... кто знает. Может, она заколдована? Или вовсе не такая, какой кажется? От этой мысли по спине пробежал холодок. И в тот же миг сбоку послышался шорох.

Он был негромким, но в тишине леса прозвучал резко, почти как удар. Словно кто-то продирался сквозь кусты и низкие ветви, не пытаясь скрыться. Сучья трещали, листья шуршали, и в этом звуке было что-то тяжелое, уверенное. Не мелкий зверек. Нечто крупнее. «Некто» мгновенно напрягся. Он резко обернулся, всматриваясь в заросли. Глаза метались из стороны в сторону, пытаясь уловить движение, найти, где спрятаться, за что схватиться, чем защититься. Но под рукой не было ничего. Ни дубины, ни камня, ни хотя бы жалкого ножа. И тут, как вспышка, мелькнула мысль:

— «Точно... у меня же был кинжал. Отец подарил мне бронзовый кинжал... Где он?»

Он лихорадочно обшарил карманы, потом пояс, потом снова карманы, будто от спешки оружие могло появиться из ниоткуда. Но пальцы находили лишь пустоту да прорехи в ткани, которые давно следовало зашить. Ничего. Сердце заколотилось еще сильнее. Тогда он выпрямился и, сам не зная зачем, встал в неуклюжую, почти жалкую боевую стойку. Колени были чуть согнуты, руки напряжены, ладони дрожали. Пот катился по спине, хотя воздух у реки был прохладным. Он понимал, насколько нелепо выглядит, и все же отступать было некуда. Шорох становился ближе. Теперь к нему примешивался звук, похожий то ли на низкое рычание, то ли на тяжелое хриплое дыхание. На миг ему подумалось — медведь. Потом — волк. Но почти сразу он понял, что ни то ни другое не подходит. Существо двигалось странно. Не так, как ходят звери на четырех лапах. В его поступи слышалось что-то иное — неровное, но почти человеческое. От этой догадки стало еще страшнее.

— «Оно идет на двух ногах...» Мысль мелькнула и тут же показалась безумной. — Человек? Разбойник? Может, эльф? — Нет.

Он тут же отверг последнее. Эльвы, если верить всем рассказам, умели жить в подобных лесах так, будто сами были их частью. Тихие, быстрые, неуловимые — если бы это был эльф, он бы ничего не услышал. И, скорее всего, уже был бы мертв. Нет, это было что-то другое. Шум раздался уже совсем рядом. Ветки дрогнули. Что-то тяжелое с треском раздвинуло заросли у самой кромки леса. И «Некто», затаив дыхание, понял, что сейчас наконец увидит того, кто все это время шел за ним сквозь туман.

Наконец из леса показалась не грозная тварь и не страшный хищник, а всего лишь белка — пушистая, почти смешная в своей деловитости. Напряжение сразу спало. «Некто» шумно

выдохнул, вытер ладонью пот со лба и осторожно шагнул ей навстречу. Белка, не обращая на него особого внимания, быстро вильнула хвостом и принялась рыскать взглядом по сторонам, будто и сама искала добычу или укромное место. Ее необычные, сине-белые глаза переливались в сумрачном свете леса, а маленькие лапки нетерпеливо перебирали землю. Существо казалось почти милым, если бы не эта странная, настороженная дикость, таившаяся в каждом движении. Подойдя ближе, но все еще стараясь не делать резких движений, «Некто» медленно протянул руку и выставил вперед указательный палец, словно пытался подманить зверька. Белка замерла. Несколько долгих мгновений она смотрела на него, будто решая, стоит ли бояться. А потом вдруг взвилась на ближайшее дерево, встала там в боевую позу и издала низкое, свирепое рычание. И прямо на глазах начала увеличиваться в размерах. Сначала «Некто» даже не сразу понял, что происходит. Потом до него дошло, и по спине пробежал ледяной страх. Он резко развернулся и почти бегом бросился прочь, уже не надеясь ни на осторожность, ни на здравый смысл. Но в тот же миг лес словно взбесился. Поднялся резкий, злой ветер, такой сильный, что с деревьев начали срываться кроны и мелкие ветви. Воздух ударил в лицо, в глаза, в грудь, сбивая дыхание. Берег реки окатило брызгами, и капли летели во все стороны, будто сам воздух разорвался на холодные осколки. «Некто» пытался рукой стряхнуть воду с глаз и бежал дальше, ничего толком не видя перед собой. Затем грянул гром. Слишком громкий, слишком близкий. Почти сразу следом сверкнула молния, разрезав небо ослепительной белой вспышкой. Удар пришелся в одну из крон, и дерево, несмотря на сырость и хлещущий дождь, вспыхнуло ярким, жадным пламенем. Огонь пошел дальше быстро, почти мгновенно, подхваченный ветром, будто тот только и ждал этой искры. Понимая, что отступить уже поздно, «Некто» принял решение, настолько отчаянное, что потом сам бы назвал его безумным. Прорываться. Он собрал остатки сил, рванул вперед, ближе к огню, ближе к ослепительному свету, и в тот же миг земля ушла у него из-под ног. Мир перевернулся. Он сорвался в пропасть. Не успев даже осознать случившееся, он уже падал в пустоту. Края ущелья исчезли мгновенно, словно их и не было. Падение казалось бесконечным. Скалы проносились мимо темными, вечными стенами, и в их неподвижности было что-то страшнее самой смерти. Казалось, им не было конца, и даже легенды о бессмертии меркли перед этим долгим, беззвучным падением сквозь мрак.

А потом — тьма оборвалась. Под ним снова оказалась река.

Тот же берег. Тот же лес. Та же тихая, спокойная погода, будто ничего и не происходило. Ни пожара, ни ветра, ни молнии. Все вокруг было целым и неподвижным. Первое чувство, которое пришло к нему, было странным и почти детским — будто он родился заново, вырвавшись из чего-то старого и страшного. «Некто» с трудом выбрался из воды, отживая с одежды холодные струи. Он тряс ногами, пытаясь вытряхнуть воду из своих потрепанных кожаных ботинок, а потом тяжело опустился на берег и лег на спину, позволяя редким лучам солнца касаться лица. Постепенно дыхание выровнялось, а тревога начала уходить. Справа от него появилась фигура. Ее было трудно описать, потому что само ее присутствие будто сопротивлялось взгляду. На ней был огромный плащ, скрывавший очертания тела, а глубокий капюшон не позволял разглядеть волосы. Лица почти не было видно — вместо него блестела бронзовая маска, не дававшая понять, молодо это существо или старо, человек перед ним или нечто иное. Ростом фигура заметно превосходила всех, кого «Некто» видел прежде. Выше людей, выше эльвов, крепче даже гномов. Люди же попадались всякие — от худых и долговязых до коренастых. Эльвы же, как правило, были высокими, стройными, почти изящными. Но незнакомец не походил ни на кого из них. При своем росте он казался удивительно собранным, точным в каждом движении, а его осанка и спокойствие невольно напоминали о королевской крови. И вместе с его появлением в голове «Некто» зазвучала музыка. Сначала это было похоже на далекий хор. Не человеческий и не звериный — какой-то иной, лишенный привычного пола и лица. Голоса нарастали с каждым шагом незнакомца, будто шли не снаружи, а прямо изнутри

черепа. Они давили, заполняли собой все пространство мысли, вытесняли страх, усталость, боль, даже собственное имя. Слова разобрать было невозможно. Это был не язык, а скорее поток чужих, странно сплетенных звуков, в которых чувствовалась древность и какая-то непереносимая тоска. Голову «Некто» пронзила резкая боль. Удар был настолько сильным, что отозвался во всем теле. Он схватился за голову и рухнул на землю, вскрикнув так громко, что даже незнакомец невольно отшатнулся назад. Но хор не стихал ни на миг. Наоборот, он становился все гуще, ярче, невыносимее. Перед глазами начали всплывать образы. Они были неясными, будто осколки разбитого зеркала: в каждом дрожали чьи-то силуэты, чьи-то руки, лица, тени. Казалось, эти существа где-то далеко, за тонкой гранью мира, пытаются пробиться наружу. Потерянные, измученные, они в то же время излучали такую силу, что от этого становилось еще страшнее. Постепенно боль начала притупляться. «Некто» начал привыкать — не к страданию, нет, а к самому присутствию этого звука и этих видений. И тогда хор вдруг перестал быть хаосом. Он стал складываться в нечто цельное. Образы сливались, и сквозь крики наконец проступили слова:

— Спаси нас... освободи нас... мы пленники... в сердце нашем — страх... С трудом, через лому в голове, «Некто» попытался ответить:

— Кто вы? От кого вас спасти?

Ответа так и не последовало. Наступила тишина. В ней не слышалось ни шороха листвы, ни злого свиста ветра, ни отзвуков той страшной музыки, что еще недавно терзала голову «Некто». Боль отступила так же внезапно, как и пришла, оставив после себя лишь слабую дрожь в висках и тяжелое, неровное дыхание. Некоторое время он просто сидел, приходя в себя и не решаясь до конца поверить в то, что все это действительно закончилось. А потом поднял взгляд и стал внимательно рассматривать фигуру, медленно приближавшуюся к нему по влажной земле. С первого взгляда стало ясно: перед ним не простой путник. На поясе незнакомца висел туго набитый кошелек, из-за которого ткань и кожа слегка оттопыривались в сторону. По виду он был тяжелым — таким обычно небрежно щеголяли только богатые. Кошелек был сделан из дорогой, отлично выделанной кожи, украшенной тонким золотым орнаментом. Подобная работа требовала мастерства, терпения и немалых денег. Нищие и бродяги таких вещей не носили — слишком заметная добыча. В трущобах подобный кошелек скорее стал бы причиной ограбления или ножа под ребра, чем признаком достатка. И уж тем более стража не стала бы вмешиваться: «Некто» и сам не раз видел, как людей избивали почти до смерти, а стражники проходили мимо, будто перед ними лежал не человек, а мусор. В таких местах это считалось обычным делом. Богачи же, напротив, любили выставлять свое богатство напоказ. Их набитые золотом и серебром кошельки не столько берегли имущество, сколько дразнили тех, у кого не было ничего. Это было не просто хвастовство — это был вызов. Напоминание о власти, о положении, о том, кто здесь живет в тепле и сытости, а кто гниет в грязи. И люди, и гномы, и даже эльвы были склонны к подобной гордыне, каждый по-своему. Еще большее внимание привлек кинжал, висевший рядом с кошельком. Он был аккуратно вложен в ножны из той же дорогой кожи, но орнамент на них был уже иной — сложный, почти гербовый. Сам клинок сразу выдавал вещь редкую и опасную. Это был не кухонный нож и не простой дорожный инструмент. Такую форму не выбирали случайно. Остальная одежда незнакомца тоже не казалась случайной. Особенно выделялись сапоги — черные, высокие, без единой грязной отметины. В лесу, после бури и падения, они должны были быть в плачевном состоянии, однако выглядели так, будто их надели только утром и ни разу не касались сырой земли. Незнакомец подошел еще ближе и без спешки снял перчатку. Кожа под ней оказалась почти мелово-белой, словно никогда не знала солнца.

Первым заговорил он сам:— Здравствуйте. В такие опасные времена особенно важно не забывать о хороших манерах. Вы согласны? Голос звучал вежливо, но за этой вежливостью отчетливо слышалась насмешка. Словно ничего не произошло. Ни падения, ни бури, ни мол-

ний, ни той невыносимой музыки, что еще недавно разрывала голову. От этого спокойствия становилось только хуже. «Некто» почувствовал, как внутри снова поднимается раздражение. Он все еще не мог прийти в себя, а в памяти, как заноза, стояли те страшные голоса — хор, умоляющий о спасении. И тогда в голове родилась первая, почти очевидная мысль: этот странный гость наверняка связан со всем произошедшим. Злость прорвалась наружу.

— Кто вы?! — выкрикнул он, с трудом сдерживая дрожь. — Что я здесь делаю? Почему вы в маске? Эти голоса они ведь связаны с вами! Это вы во всем виноваты! Вопросы посыпались один за другим, вместе с обвинением и плохо скрываемой яростью.

Незнакомец на мгновение замолчал. Казалось, его по-настоящему задел не сам тон, а то, насколько мало в этих словах было уважения. Он чуть склонил голову, и в его движении чувствовалось холодное недовольство.

— Ну-ну. Как можно обвинять меня, даже не зная, кто я такой? — произнес он ровно. — Простите меня за мои манеры, но представиться я не могу. По крайней мере, сейчас. Я вижу, что у вас много вопросов. Не торопитесь. Лучше вытрите грязь со лба. Вы, похоже, упали. И присядьте. Так вам станет легче. Заодно и дух переведете.

«Некто» раздраженно сжал зубы. Манера этого существа выводила его из себя. Слишком спокойно. Слишком учтиво. Слишком уверенно. Так разговаривают либо с теми, кого считают ниже себя, либо с теми, кого уже не боятся. Но выбора не было. С усилием он вытер лицо, сел на землю и постарался хоть немного привести мысли в порядок. Вежливость незнакомца раздражала, но вместе с тем странным образом заставляла прислушаться.

— Скажите хоть, где я? — наконец спросил он, уже тише. — Я вообще ничего не понимаю. Сначала вокруг была одна лишь мгла.

Незнакомец ответил почти сразу: — Это сейчас не имеет значения. Все, что вы рассказали, бесполезно. Не просто так я здесь появился. Если говорить честно, меня послали.

— Значит, вам от меня что-то нужно, — мрачно сказал «Некто». — Я и сам не до конца понимаю, что это за место, но либо вы объясните все нормально, либо наш разговор закончится прямо сейчас. Я хочу понять, что происходит.

Фигура в маске тяжело, почти раздраженно выдохнула и шагнула ближе. Теперь он стоял совсем рядом, так близко, что в его спокойствии уже чувствовалась угроза. — Сразу скажу, — холодно произнес он, — для меня вы — ничтожество. Причем ничтожество невоспитанное. Не думайте, будто вы избранный. По тому, что я успел увидеть, более жалкого эльва мне еще не доводилось встречать. Еще одна дерзость с вашей стороны — и все закончится очень плохо. На ваши вопросы ответ будет дан. Но сначала вы должны меня выслушать. И желательно, не открывая рот без нужды.

Лицо «Некто» вспыхнуло от унижения. Злость затмила рассудок. Он сжал правый кулак и, почти не думая, попытался ударить незнакомца. Это было глупо с самого начала. Он не был ни сильным, ни опытным, ни крупным. Эльфийское тело, каким бы ловким оно ни считалось, все же не предназначалось для грубой силы. Незнакомец легко уклонился, одним движением перехватил его руку и резко вывернул. Следом последовал короткий, точный удар ногой в живот. Удар выглядел почти небрежным, но сила в нем оказалась неожиданной. «Некто» отлетел назад и с силой врезался головой в дерево, едва не потеряв сознание. По лесу прокатился громкий смех. Посланник, казалось, даже не пытался сдерживаться. Напротив, в его голосе слышалось холодное, почти веселое удовольствие — как у того, кто наконец-то выплеснул давно копившееся раздражение. Он медленно подошел ближе, наклонился, снятой перчаткой приподнял подбородок «Некто» и сказал уже тише, но куда опаснее:

— Это все, на что ты способен? Ты лишь подтвердил мои слова. И что же мой господин мог найти в таком, как ты? Хотя это уже не важно. Теперь слушай внимательно. Каждый мой слог. Еще одна выходка — и все станет куда хуже.

Когда он наконец закончил, тишина снова опустилась на берег, но теперь она была другой — тяжелой, натянутой, как струна перед разрывом. «Некто» долго молчал, не в силах сразу осмыслить услышанное. Наконец он выдохнул:

— Черт возьми Ты хочешь сказать, что это сон? Не просто сон, а «Врата сновидения»? Те самые, куда могут попасть только маги? Но я ведь ничего не умею. У меня нет никакой силы. И ты еще говоришь, что твой господин дал тебе приказ найти эльфийского старейшину?

— Попасть во Врата сновидения непросто, — ровно ответил посланник. — Многие маги учатся этому годами. Для других это проклятие, которое заканчивается смертью. Я скажу лишь одно: мой господин отметил тебя. И, как бы странно это ни звучало, его выбор не обсуждается. У тебя есть только два пути — повиниться или умереть. «Некто» стиснул зубы.

— По твоим словам, я сейчас где-то далеко от эльфийских земель. Как мне найти старейшину? Как мне выбраться из тех трущоб, где я жил? Что мне, бросить матушку? Брата? Ты этого от меня хочешь? За маской снова мелькнула та же холодная, неприятная усмешка.— Повторю в последний раз. Выбора нет. Он поднял плащ, и в воздухе тут же закружился тугий вихрь, поднятый движением его руки. За считанное мгновение фигура растворилась в этом темном, рваном потоке и исчезла, будто ее и не было. А над рекой снова поднялся могучий шторм, сметающий все на своем пути. Ветер ударил в деревья, взметнул воду, сорвал с земли листья и пыль, будто сам мир на миг содрогнулся от чьей-то воли. «Некто» остался один. Но теперь он уже знал главное:

Все только начиналось.

Глава 2 - Трущобы

*Никогда не забывай свою семью.
Стой на своем до конца
и защищай тех, кто тебе дорог,
даже если мир вокруг давно
погрузился во тьму.*

Элай. Воитель

— Сэнд! Просыпайся! Уже восемь часов! Мне нужна твоя помощь! Вставай, слышишь? Позавтракаешь потом! Быстрее! - Сказано было, громким и одновременно твердым женским голосом.

Крик матери разбудил Сэнда раньше, чем он успел окончательно выбраться из вязкой пелены сна. Он открыл глаза и несколько мгновений лежал неподвижно, глядя в темный потолок, будто надеясь, что кошмар, из которого его вырвали, еще не успел окончательно рассеяться. В голове гудело. Мысли ворочались тяжело и лениво.

— Что это было?.. Опять дурной сон, — мелькнуло у него. — «Ладно, потом разберусь. Сейчас времени нет. Надо идти помогать матушке. И пить вчера надо было меньше. Не стоило слушать трактирщика» - вытирая свой лоб проговорил Сэнд.

Он с трудом поднялся и огляделся. Дом, в котором жила их семья, выглядел так, будто сам давно просил пощады у времени. Старые деревянные стены почернели от сырости, местами покрылись гнилью и трещинами. Запах в доме стоял тяжелый, затхлый, с примесью мокрого дерева и плесени. В щелях и тени без страха хозяйничали осы, муравьи и мыши. Мышиные шорохи давно стали привычной частью здешней жизни. Часть стен была заделана глиной. Это было обычное дело в таких местах: глина стоила дешево, а иногда и вовсе доставалась почти даром, если хватало сил накопать и правильно замесить ее самому. В верхних районах, где жили те, у кого водились деньги, дома строили из куда лучших материалов. Здесь же никто не мечтал о красоте. Эльвам было важнее, чтобы не снесло крышу и чтобы зимой можно было хоть как-то согреться. Крыша была соломенной — ветхой, потемневшей, неровной. Камень, черепица, прочное дерево — все это было доступно лишь богатым, приближенным к герцогу, магам, служителям инквизиции и тем немногим, кто сумел вырваться выше остальных. Простые солдаты тоже часто жили в таких же домах, как и крестьяне - жалованья едва хватало на жизнь, а за воровство карали не только виновного, но и всю его семью. Поэтому большинство предпочитало терпеть, чем испытывать судьбу. Сэнд, наконец, спустился по скрипучей лестнице и сразу заметил стол. Завтрак показался ему почти неправдоподобным. На нем лежал свежий черный хлеб. От него еще поднимался слабый пар, а значит, его только что вынули из печи. Рядом стояла большая миска пшенной каши и кружка молока. После такого завтрака хотелось не только поесть, но и на мгновение поверить, что день будет не таким мрачным, как обычно. Сэнд застыл, не веря своим глазам. Последние дни они ели почти что угодно, лишь бы не умереть с голоду. Иногда это была похлебка из корок, иногда — пойманная им мышь, когда денег не оставалось совсем. А тут вдруг такой стол, будто в доме появился кто-то очень щедрый. Он быстро отломил кусок хлеба, сунул его в рот и, пережевывая, подумал:

— Ничего вкуснее я давно не ел. Но откуда это взялось?.. Денег у нас уже давно не было. Только бы матушка не натворила глупостей. Если она это украла, беды не миновать. Стража сюда обязательно придет, и тогда все закончится очень плохо, — волнение пробиралась через каждое слово все сильнее.

Голод, ставший для Сэнда обыденностью последние два года, наконец отступил. С тех пор как не стало отца, в доме воцарилась нужда: матушка из кожи вон лезла, чтобы достать хоть

корку хлеба, а старший брат давно сгинул, не оставив о себе и вести. Сэнд толкнул скрипучую дверь. Она отозвалась жалобным стоном, осыпав порог гнилой щепой. Снаружи ударил резкий, ослепительный утренний свет, заставив юношу зажмуриться. Когда зрение вернулось, перед ним предстало привычное убожество: лабиринт из кривых лачуг, соломенных крыш и липкой грязи. Но над всей этой нищетой, пронзая облака, возвышались исполинские стены Вейса. Серебряный город. Говорили, что древние драконы помогали возводить эти укрепления, чтобы защитить людей от порождений тьмы. Конечно, серебра там не было и в помине — лишь искусная хитрость архитекторов, заставивших камень ловить каждый луч солнца и луны. Сэнд часто представлял, как он, облаченный в тяжелые доспехи, шагает по этим неприступным гребням, охраняя покой королевства. Когда-то он даже грезил об Инквизиции. Не то чтобы он верил в их догматы, нет — его манили их латы. Удивительно, как люди, не знавшие толку в тонкой работе с металлом, умудрялись ковать такое совершенство. Жрецы освящали сталь, наделяя её почти магической силой. Но путь туда был закрыт. Инквизиторы презирали «инородцев». Эльвы и гномы для них были мусором, а эльвы — в особенности, из-за их врожденной связи с магией. Магия в Артрейне была под запретом, опасная и непредсказуемая. По ночам в трущобах шептались о «кровавом искусстве». Говорили, будто эльвийские старейшины посылают своих в гетто, чтобы похищать детей для жутких ритуалов. Доказательств не было, эльвы лишь горько усмехались в ответ на обвинения, но страх пустил глубокие корни. Любому чуду нужен заряд, а кровь — самая дорогая монета. Инквизиция взяла магию в железный кулак. Лишь одиннадцати магам — Коллегии — дозволялось служить королю. Ирония судьбы: возглавлял их эльв по имени Инаэль - статный, черноволосый, пугающе холодный. Обитатели трущоб, шептались, что Инаэль ненавидит собственный род пуще смерти. Те, кого он уводил на допрос, больше никогда не возвращались. Сэнд при одном упоминании о нем старался скрыться с глаз — слишком уж страшно было даже случайно привлечь внимание главы Коллегии. Для таких, как Сэнд, талант был лишь красивым словом. Его уделом оставалось гнуть спину на скудных полях и доживать свои дни в смраде. И все же вонь в трущобах была такой невыносимой, что люди годами не снимали с лиц тряпок, смоченных уксусом. Даже стража иногда задыхалась: стоило на час забыть о предосторожности, как человек или эльв падал без чувств, и через пять минут его уже обчищали до нитки, а тело уносили в неизвестном направлении. Единственным маяком во тьме был - сам Маяк Вейса. Огромный столб света, видимый из любой точки, обещал путникам приют, а местным — надежду на перемены.

Законной династии в Артрейне не было давно. Матушка Сэнда всё вспоминала рассказы о сыне Арлея Жестокого: мол, когда он вернется, инородцы вздохнут свободно, инквизиция падет, а жадные аристократы взойдут на эшафот. Но пока их миром правил восемьдесят первый герцог — Дерион. Одни видели в нем тень великих королей прошлого: беловолосый, со спокойным голосом, способным укротить ярость толпы. Говорили, что он печется о народе больше, чем о себе, неделями не выходит из кабинетов, разбирая прошения, а если случается беда — первым надевает доспех и берет в руки родовой меч. Дерион не боялся советоваться с эльвскими старейшинами и вел торговлю с гномами, что выводило из себя священников. Он был единственным, кто открыто противостоял Инквизиции, видя в фанатиках главную заразу своего королевства. Наконец, Сэнд снова посмотрел на блестящие стены. Там, за камнем, кипела жизнь, решались судьбы, а здесь, в тени величия, он просто пытался не забыть, каково это — дышать полной грудью.

Сэнд помнил, как в детстве герцог Дерион ушёл на войну с тёмными существами. О них в народе почти ничего не знали. Никто толком не представлял, как они выглядят и откуда берутся. Полгода Дериона не было в столице вместе с его могучим воинством. Вернулся он триумфатором. Народ встречал его как спасителя, но с тех пор герцог всё реже показывался перед людьми. Ходили разные слухи. Одни говорили, что ему мешают советники, не позволяя заняться бедностью и преступностью, которые, как плесень, расползлись по Вейсу. Другие

шептались, будто самого герцога давно держат в темнице, а на людях появляются лишь его тени и приказы. Эти воспоминания всегда всплывали в Сэнде, стоило ему взглянуть на чудеса города и в тоже время труппы. Серебряные стены, высокие башни, маяк, разрывающий ночную тьму светом, — всё это казалось почти сказкой. Но сказка быстро рассыпалась, стоило опустить взгляд ниже, туда, где начинались труппы. Он достал свою старую тряпицу, повязал её на лицо, завязав узел на затылке, чтобы руки остались свободны, и побежал к матери, которая уже давно звала его к себе. Матушка была старой эльвкой и старость легла на неё куда тяжелее, чем на людей. Эльвы в этом были странным народом. Когда-то они жили вечно, но те времена давно ушли. Теперь они доживали до восьмидесяти, а после шестидесяти старость наваливалась на них сразу. Морщины покрывали её лицо и руки, волосы стали ломкими и редкими, а спина, ещё недавно державшаяся прямо, теперь заметно согнулась. На ней висела такая же потрёпанная одежда, как и вся их жизнь, а на ногах не было обуви. Видно, денег не хватало даже на это. Наконец она улыбнулась, хоть улыбка и вышла усталой.

— Сэнд, дорогой мой, ну сколько тебя можно ждать? Я зову тебя уже почти час. Опять в облаках витаешь? Лучше помоги мне отнести эти вёдра с землёй. Они нам ещё пригодятся. — доброта исходила из голоса.

— Прости, матушка. Мне приснился глупый сон. Сейчас помогу, — ответил он, подбегая ближе. Потом, помедлив, всё же спросил: — А откуда завтрак? У нас ведь не было денег И старший брат не приходил?

Улыбка на лице матери погасла почти сразу. Она напряглась, и в голосе её появились холодные, сухие нотки.

— Опять твои глупые расспросы. Какая тебе разница? Еда есть — и на том спасибо. А твой старший брат не придёт. Будто ты сам до сих пор этого не понял. Сэнд осёкся.

В голосе матушки прозвучала боль, и он сразу понял, что задел то, о чём ей и думать тяжело. Он и правда почти забыл об этом. Его старший брат, Элай, ушёл из дома после одного происшествия и больше не возвращался. В семье Элай был любимцем. На него возлагали большие надежды, потому что талант у него был во всём, за что бы он ни брался. Он работал не покладая рук, учился фехтованию и считался лучшим бойцом среди жителей труппы. Не раз он побеждал даже тех, кто был опытнее и старше. Особую славу Элай получил на последнем турнире в труппах, который устроили в честь победы герцога Дерриона над тёмными существами. В тех состязаниях участвовали стражники и рыцари, и уже само это казалось чудом для таких мест. Элай прошёл шесть этапов, сражаясь разным оружием, а на финальном встретился с самим начальником стражи. Сэнд хорошо помнил тот бой. Финальный этап сильно отличался от остальных: каждому разрешали выбрать любое оружие. Элай взял изогнутый эльфийский меч и щит. Щит был странной формы, с прорезями по бокам. На вид он казался неудобным, почти нелепым, но Элай говорил, что именно в этом и был смысл: им можно ловить удары, сбивать ритм противника и даже ломать его оружие. Противник у него был страшный. Начальник стражи в своих доспехах казался настоящей горой — громадный, выше двух метров, тяжёлый, как кузница на ногах. В руках он держал огромный молот, на конце которого была вырезана голова дракона. Схватка затянулась надолго. Зрители уже начали перешёптываться: неужели они до сих пор не устали? Сколько можно биться в доспехах? Но ни один из бойцов не хотел уступать. Элай полагался на скорость и технику. Он легко уходил от ударов, а затем мгновенно отвечал, пытаясь добраться до слабых мест лат — туда, где броня сходилась и была уязвима. Особенно под коленом. Но соперник был не глуп. Он умело закрывал открытые места, не рискуя лишним раз. Зато каждый его удар был страшен: земля под ногами дрожала, и всё же Элай умудрялся парировать эти удары своим щитом, пользуясь боковыми прорезями, словно ловил ими саму силу. Наконец оба выдохлись. Тогда, как вспоминал Сэнд, Элай отбросил щит, уклонился от очередного удара молотом и, поймав момент, добрался до щели под коленом. Его изогнутый меч сверкнул — и бой закончился. Противник рухнул на землю, Элай сорвал с

него шлем и приставил клинок к лицу. Победа далась ему нелегко. И всё же он не стал унижать поверженного. Элай помог начальнику стражи подняться. Тот, в свою очередь, после поражения предложил Элаю вступить в ряды охранителей порядка. От таких предложений не отказываются, особенно если ты эльв из трущоб. Элай согласился, и в тот день в их семье было столько радости, сколько не бывало уже много лет. Матушка гордилась им. Гордился и Сэнд. Он всегда уважал старшего брата не только за силу, но и за его честь, упрямую справедливость и редкое для этого мира чувство долга. Элай не отлынивал от работы, не искал лёгких путей и правда хотел помочь каждому, кто попадал в беду. Конечно это нравилось не всем.

У Элая была семья, которую он обрёл уже во время службы. Тогда это казалось ему редкой удачей - после мрака трущоб, после грязных переулков, крови и постоянной вражды у него наконец появилось то, ради чего стоило возвращаться домой. Но служба приносит не только защиту. Вместе с долгом она приносит и врагов. За годы Элай успел посадить в темницу немало преступников, и многие из них запомнили его слишком хорошо. В трущобах обиды не забывают быстро, а месть там живёт дольше совести. В один из дней он вернулся домой и вместо привычного тепла увидел трупы. Горе Элая было таким тяжёлым, что оно словно выжгло в нём всё живое. Он не знал, кто это сделал. За три года под его рукой побывали сотни преступников, и каждый из них мог таить в сердце жажду расплаты. В тех местах, где царили нищета и страх, ненависть легко переходила из рук в руки, как грязная монета. После случившегося Элай замкнулся в себе. Он всё чаще пропадал в трактире, пытаясь утопить боль в дешёвом пойле, и всё реже возвращался домой. О младшем брате он почти забыл. Матушка говорила, что однажды он явился к начальнику стражи и потребовал одного — вырезать всех преступников, которые могли быть причастны к гибели его семьи. Разумеется, такого приказа ему никто не дал. Даже те, кто ещё помнил его прежнюю честность и заслуги, пытались образумить его, обещая сами найти виновных и покарать их по закону. Но Элай не слушал никого. Месть затмила ему разум. Он собрал вокруг себя тех, кто устал от беззакония, грабежей и убийств, тех, кто сам потерял близких из-за уличных банд. Откликнулись лишь пятеро — эльвы из стражи, его ближайшие соратники, такие же израненные службой, как и он сам. После этого по трущобам поползли страшные слухи. Сэнд догадывался, что они перебили немало людей в поисках виновного, но так и не нашли зачинщика. Убийства не прекращались, и это было хуже всего. Значит, тот, кто всё начал, всё ещё оставался где-то в тени. А прошло уже больше трёх лет. Иногда Сэнд замечал старшего брата издалека, и каждый раз сердце у него сжималось. Перед ним был уже не тот Элай, которого он знал. Тот Элай умел говорить спокойно и смотреть прямо в глаза. Теперь же он стал грубым, ожесточённым, почти чужим. Он постоянно пил и мог нагрубить любому, кто осмеливался к нему обратиться. Элай и его люди обосновались в трактире «Косой глаз». И, если верить слухам, ничем не отличались от разбойников. Те, кто ещё помнил его мать, приходили к ней домой и рассказывали, что он творит: грабит караваны, убивает невинных, живёт так, будто закон для него больше не существует. Стража, из какого-то остатка уважения, которое Элай заслужил в прошлые годы, ничего не предпринимала. На всё это смотрели молча, спуская дело на самотёк. Начальник стражи, как говорили, однажды даже заметил, что, возможно, это единственный путь, который остался Элаю после тех страшных событий. Сэнд каждый раз слушал эти слухи с горечью. Не раз он пытался прийти в трактир и поговорить с братом, но всякий раз всё заканчивалось одним и тем же: его не подпускали к Элаю, и разговор так и не начинался. В конце концов Сэнд оставил эти попытки. Похоже, выбора у него всё равно не было.

Но все таки сейчас было не до раздумий. Матушке нужна была помощь. Сэнд подошёл к вёдрам с землёй и понёс их на задний двор. Эту работу ему поручали часто, и он давно перестал задавать вопросы. Но теперь, пока руки делали привычное дело, в голове снова всплыл странный сон.

— Кто был тот незнакомец? — думал он. — Он сказал, что я владею магией. Интересно, какой именно? И как ей пользоваться? Доделаю сегодня эти дурацкие поручения, а потом попробую разобраться.

Спустя некоторое время у него осталось последнее задание: матушка отправила Сэнда в центр трущоб — забрать письмо у её знакомого. Там находился рынок, где местные жители покупали всё необходимое для жизни. Правда, назвать это место приятным было нельзя. Ни о каких изысках там и речи не шло. Чаще всего на прилавках лежало мясо зверей, которых ловили в канализациях. Курица считалась почти деликатесом — редким и дорогим, таким, что простым людям оставалось только смотреть на него издали. Сэнд решил идти сразу. Он взял тряпку промоченную уксусом, чтобы прикрыть нос от вони, и, конечно же, не забыл кинжал, оставшийся ему от отца. Это был подарок и единственная память о нём. Лезвие кинжала было тёмным, как ночное небо, и холодно поблёскивало в лунном свете. Он всегда брал его с собой, когда выходил в трущобы. В одиночку там было опасно, особенно теперь, когда осень вступала в свои права и темнело всё раньше. Пусть в королевстве Артрейн климат и был мягким, но осенью и зимой сумерки наступали рано. А это было любимое время для разбойников, поджидавших одиноких прохожих в переулках. Выйдя из дома, Сэнд направился по узким улицам и, чтобы не привлекать внимания, накинул на голову капюшон. Так было проще избегать ненужных встреч. Такая жизнь всё равно оставляла на нём свой след. Он не хотел сталкиваться ни с ростовщиками, которым, возможно, была должна его семья, ни со своими «друзьями», которые при первой же возможности напомнили бы ему о долгах. Проходя мимо таких же эльвских бедняков, закутанных в плащи и прячущих усталые, потухшие лица, а у некоторых и шрамы.

Сэнд вдруг услышал из одного переулка знакомую песню. Он смутился. Воспоминания из сна начали складываться в единую картину. Звук становился всё громче, а вместе с ним усиливалась и головная боль. Она словно проникала всё глубже, будто лезвие ножа медленно входило в кожу головы. Сэнд резко повернулся к тёмному переулку, сжал голову ладонью и начал различать голоса, вплетённые в песню:

— Спаси нас. Нас пытаются. Нам не дают освободиться. Верни нам свободу! Сэнд тряхнул головой.

Песня просто отголосок сна, — попытался убедить он себя, но ноги уже сами несли его в темноту. Переулок оказался не таким узким, как виделось снаружи: здесь могли спокойно разойтись трое рослых эльвов, а по бокам зияли провалы тупиков и ответвлений, похожие на голодные пасти. Рука привычно легла на рукоять отцовского кинжала. В таком месте смерть ходит тихо, в обносках и с заточкой в рукаве. Чем глубже он уходил, тем меньше оставалось надежды встретить хоть что-то живое. Под ногами хлюпала нечистоплотная жижа, в нос бил запах гнили и застарелого страха. Вдруг чье-то ледяное прикосновение легло на плечо. Реакция была мгновенной. Сэнд резко дернулся в сторону, одновременно выхватывая кинжал. Короткий, выверенный выпад в область живота — он не хотел убивать сразу, лишь выпустить кишки, чтобы лишить врага воли. Но лезвие разрезало лишь пустой воздух. Неизвестный с кошачьей грацией перехватил его запястье и отвел руку в сторону. Тьму разорвал сухой, дребезжащий смех.

— Здравствуй. И опять ты, идиот, пытаешься меня ударить, — голос резанул по ушам знакомой издевкой.

Глаза Сэнда расширились. Из теней выступила высокая фигура в той самой маске, которую он видел во сне. Тот же наклон головы, та же пугающая манера держаться, будто весь мир был для него лишь декорацией к дурной шутке. Сердце пропустило удар. Реальность поплыла, смешиваясь с кошмаром.—Так, значит это был не просто сон? Ты настоящий? — выдавил Сэнд, не шевелясь.

— Куда уж реальней, — маска наклонилась ближе. — И я здесь не ради прогулок. Ты что, забыл приказ моего господина? Приходится разжевывать снова: у тебя нет выбора. Найди эльфийского старейшину. И сделай это быстро, пока время не вышло.

— Но зачем?! — выкрикнул Сэнд, чувствуя, как внутри закипает бессильное раздражение. — В чем смысл? И как, по-твоему, я должен это сделать? Оглянись вокруг — это трупщобы! У меня нет ничего: ни нормального меча, ни еды, ни монет. И матушка она стара, она не переживет, если я просто исчезну!

Фигура картинно вздохнула, потирая пальцами фарфоровый подбородок маски. — Как же я устал от твоих стенаний. Каждый раз одно и то же. Ладно, дам тебе подсказку, раз твой ум так же ограничен, как этот переулочек. Твой брат. Иди к нему. У Элая будет и сталь, и провизия, и всё, что тебе понадобится.

— К Элаю?! — Сэнд едва не расхохотался от горечи. — Откуда ты вообще про него знаешь? Думаешь, я не пробовал? Он видеть меня не хочет. Меня вышвыривают из «Косого глаза» раньше, чем я успеваю порог переступить. Он стал чужим. Голос Сэнда дрогнул. Перед глазами всплыло лицо брата — не того заросшего щетиной пьяницы, а смеющегося воина, который когда-то катал его на плечах. Он ведь пытался помочь. Даже сам рыскал по самым гнилым углам города, пытаясь найти тех, кто вырезал семью брата, готов был жизнь отдать, лишь бы вернуть Элаю покой. Но всё было впустую.

— До чего же ты слеп, — усмехнулся незнакомец, и в его голосе промелькнуло нечто, похожее на снисхождение. — Неужели не понимаешь, почему он тебя прогоняет? Впрочем, гадай сам. Иди. Часы тикают. Фигура начала медленно растворяться в сумраке, разворачиваясь, чтобы уйти.

— Постой! — крикнул Сэнд в спину уходящему видению. — Ты слышал её?! Эту песню ты тоже её слышишь?

Маска на мгновение замерла. Сэнд готов был поклясться, что под фарфором незнакомец нахмурился. Воцарилась тяжелая, липкая тишина.

— Хм. Любопытно — пробормотал незнакомец, но оборачиваться не стал. Через миг тени в переулке стали длиннее, а он просто исчез, оставив Сэнда один на один с запахом гнили и далеким, затихающим плачем невидимых голосов. Он постоял минуту, вслушиваясь в бие-ние собственного сердца. До него наконец дошло, происходящее — не бред и не лихорадочный сон. Грядет нечто темное, и таинственный гость был ключом, который он, по глупости, пытался сломать. Нужно было готовиться. Прежде всего — матушка. Она была единственным якорем, державшим его в этих проклятых трупщобах. Сэнд надеялся, что сможет объяснить ей всё, найти в её словах поддержку — ведь она всегда верила в его особенное предназначение. Не могла же она отвернуться от него теперь, когда судьба схватила его за горло? Вечерело. Вечернее небо давило на крыши хижин. Вспомнив про поручение, Сэнд сорвался на бег. На рынке в это время становилось опасно: тени удлинялись, и из щелей выползали те, для кого чужая жизнь стоила дешевле куска хлеба. Добравшись до торговой площади, он замер, пытаясь выхватить взглядом нужную фигуру. Матушка говорила о гноме по имени Лорик. Дружба между эльвом и гномом в этих краях была делом неслыханным, почти противоестественным, но Лорик когда-то вытащил его отца из кровавой потасовки с разбойниками. Сэнд судорожно вспоминал описание: рыжий, борода до пояса, невысокий — едва до груди человеку, — и с изрядным брюшком, как и полагается его племени. Но главное — глубокий шрам через глаз. Сэнд лавировал между прилавками, по пути ловко стянув у зазевавшегося пекаря теплую горбушку: в желудке давно выли волки. Стражи и соплеменников-эльфов было в избытке, но нужного лица всё не было.

— Да где же этот чертов гном?.. — прошипел он сквозь зубы.

— Эй, остроухий! А ну, топай сюда! — гроыхнуло сбоку так, что Сэнд вздрогнул.

Перед ним стоял он. Только матушка явно приукрасила его округлость — под поношенным плащом угадывалась литая мощь доспеха и мышц, не знавших отдыха. Гном выглядел сурово, а шрам не просто перечеркивал лицо — вместо одного глаза у Лорика была пустая, пугающая впадина. Гном протянул широкую, как лопата, ладонь. Сэнд, привыкший к изящным эльфийским поклонам, помедлил, но решил не злить коротышку и ответил на жест. Его пальцы будто попали в тиски. Кожа гнома была грубой, в застарелых мозолях, а хватка — такой силы, что кости жалобно хрустнули. Сэнд попытался высвободиться, но тщетно. Лорик внезапно залился хриплым смехом и разжал пальцы

— А ты крепкий малец! Выдержал и не взвизгнул. Я — Лорик. Ну, чего застыл, как соляной столп? Пошли в трактир, там и потолкуем.

В его грубом голосе, вопреки внешности, сквозило странное, почти родственное тепло. Сэнд, чуть расслабившись, быстро зашептал, что в таверну ему ходу нет — люди брата вышвырнут его в канаву. По пути он в красках описал ту беду, что разделила их с Элаем. Гном слушал молча, лишь методично жевал полоску вяленого мяса, не сводя с эльва единственного зоркого глаза.

Когда рассказ был окончен, лицо Лорик потемнело.

— Да уж... — буркнул он, пряча остатки мяса в карман и поправляя ремни доспеха. — А чего мы тогда лясы точим? А ну, ходу за мной!

На город опустилась туманная ночь. Лорик шел быстро, не оборачиваясь. За его угрюмостью Сэнд всё отчетливее чувствовал надежность — из тех, что ценят выше золота. Впереди показалась громоздкая вывеска «Косой глаз». Лорик довольно хмыкнул, предвкушая кружку доброго эля.

— Пришли, малец! Живее, заходим!

Прозвище кололо самолюбие Сэнда, ведь он привык считать себя «особенным», особенно после той странной песни, что до сих пор эхом отзывалась в его голове. У входа дежурили двое эльвов в грязном тряпье, лениво поигрывая ножами. Раньше здесь не было охраны, но Элай превратил кабак в свою крепость. Лорик подмигнул Сэнду, накинул капюшон и кивнул — мол, тихо, без шума. Пока стражники клевали носами, они тенью проскользнули мимо и скрылись за тяжелой дверью.

— Учись, парень. Искусство гномов — не в топоре, а в голове, — прошептал Лорик, расплываясь в ухмылке. Сэнд лишь закатил глаза.

Внутри пахло дымом и выпивкой. Зал «Косого глаза» казался островком роскоши посреди гнилых трущоб. Огромный камин ревел, бросая на стены пляшущие тени. Глядя в огонь, Сэнд вдруг почувствовал холод: в детстве ему казалось, что в этих языках пламени можно увидеть картины былых битв и смерти. Они устроились у стойки. Трактирщик выглядел так, будто не спал вечность — мешки под глазами были чернее сажи. Лорик заказал две кружки густого пшеничного эля, жадно отхлебнул и, нахмутив рыжие брови, посмотрел на спутника.

— Так, малец. Слушай сюда. У меня есть послание для твоей матери. Я отдам его тебе сейчас, потому как времени у нас скоро не останется. Но пообещай мне одно: даже не вздумай его вскрывать. Это только для её глаз. Ты меня услышал?

От внезапной перемены в голосе Лорика по коже Сэнда пробежал мороз. Гном стал чужим, холодным, словно высеченным из того самого камня, о котором любил ворчать.

— Я понял. Не трону печать, даю слово, — Сэнд спрятал конверт поглубже под куртку. — Но всё же... к чему эта таинственность? Почему времени в обрез? Ты ведь что-то задумал, Лорик, я же вижу. Объясни мне. До сих пор не могу взять в толк, зачем тебе, старому вояке, ввязываться в наши беды. Это выглядит... странно.

Лорик не ответил сразу. Он сделал тяжелый, долгий глоток дешевого эля, смахнул пену с усов и неспешно вытянул из-за пазухи трубку. Вещь была старой, явно сделанной на заказ:

темное дерево покрывали искусные узоры, теперь уже порядком стертые годами странствий и бесконечными битвами. Пока гном раскуривал ее, в глазах его отразилось пламя свечи.

— Верные вопросы задаешь, парень. Понимаешь, мы с твоим отцом прошли через такое дерьмо, которое тебе и в кошмарах не снилось. А ты... ты мне его напоминаешь. Те же светлые волосы, взгляд тот же — спокойный, будто за ним бездна прячется. И эта твоя привычка докапываться до сути... То, что ты рассказал про брата, меня сильно задело. Не должно быть так.

— Сэнд нервно усмехнулся. — Ну надо же, великий гном расчувствовался. Только вот даже матушка никогда не говорила, что я на него похож. Обычно это доставалось Элаю.

— Эх, давай потише, — Лорик быстро оглянулся на пьяную толпу за соседними столами. — Если прознают, что мы его имя здесь ищем, всё закончится очень кроваво.

Лорик смотрел на него и видел перед собой старого друга. Сэнд говорил быстро, отчаянно жестикулируя, чтобы придать своим словам веса. Со стороны казалось, будто он с кем-то яростно ругается, и гнома это искренне забавляло. Но время, этот невидимый враг, поджимало. Нужно было решать вопрос с Элаем здесь и сейчас. Внезапно Лорик вскочил. Движение было резким, пугающе быстрым для его комплекции.

— Сиди здесь. И не вздумай идти за мной, — бросил он через плечо и направился напрямиком к дверям кухни.

Сэнд попытался было возмутиться, вскочил следом, но гном уже исчез в кухонном мареве. Прошло несколько минут. Сэнд механически приложился к кружке, пытаясь унять дрожь в коленях, как вдруг из недр таверны донесся оглушительный грохот. Звон меди, треск ломающегося дерева и чей-то захлебывающийся крик. Сэнд, забыв о предосторожности, бросился на шум так неуклюже, что едва не снес соседний стол, поймав на себе десяток недобрых взглядов. Ворвавшись на кухню, он замер. Лорик держал местного повара за горло. Мозолистая пятерня гнома сжалась на шее бедолаги стальным капканом, лишая того возможности вымолвить хоть слово. В воздухе пахло паром от огромного котла, над которым Лорик склонил свою жертву. Еще дюйм — и лицо повара встретится с кипящим бульоном.

— Ты что творишь?! — закричал Сэнд, бросаясь к ним. — Брось его, нас же прямо здесь и прирежут!

Гном даже не обернулся. Он лишь слегка повел плечом, отпихивая Сэнда, словно назойливую муху. Удар пришелся парню в грудь, и тот, не обладая весом воина, отлетел к стене, больно ударившись о полку с утварью. В глазах Лорика в этот момент не было ничего, кроме холодного, расчетливого неистовства.

— Говори сейчас же, ты, недоносок, — прорычал гном, и в его голосе явственно слышался хруст ломаемых костей. — Где сейчас Элай? Где твой хозяин прячется?! Я из тебя душу вытрясу раньше, чем ты успеешь взмолиться своим богам!

Повар побелел, как свежий заслон извести. Ноги его обмякли, и только железная хватка гнома не давала ему сползти в котел. На лбу выступил холодный пот, глаза расширились от ужаса — он понял, что этот коротышка не шутит и убьет его просто ради экономии времени. Трясаясь всем телом, он выдавил из себя едва слышный, сиплый шепот:

— Я ничего не знаю! Пощадите! У меня дома жена, дети малые ждут я просто хочу жить! Отпустите, ради всех богов! - с явным страхом проговорил повар.

Лорик даже не шелохнулся. Ему не впервые приходилось выбивать правду из тех, кто привык её прятать. В те годы, когда они на пару с отцом Сэнда проливали кровь в наемничьих отрядах, такие сцены были обыденностью. Плен — участь страшнее смерти: для своих ты становишься предателем, для врага — лишь мешком с информацией, из которого нужно вытрясти всё до последней капли. И гном знал: нет такого существа под луной, чья воля не треснула бы под правильным нажимом. Лорик не находил в пытках удовольствия, он относился к этому как к заточке топора — скучное, грязное, но необходимое ремесло. Сэнд снова дернулся, желая остановить это безумие, но гном мазнул по нему таким тяжелым, свинцовым

взглядом, что парень замер. В этом взгляде читалось холодное предостережение: «Не лезь». Понимая, что спорить бесполезно, Сэнд решил принести хоть какую-то пользу. Он встал у дверей кухни, вглядываясь в полумрак обеденного зала через щель. Вечер в трактире — время светное, любой зевака мог помешать их «беседе», а лишние свидетели им были не нужны. Глядя на Лорика со стороны, Сэнд невольно содрогнулся от того, насколько профессионально и буднично тот ломал чужую волю. Гном тем временем вернулся к делу.

— Говори сейчас же! — его голос вибрировал от скрытой угрозы. — Ты всё знаешь. Если не развяжешь язык, твоя голова вместе с этими жалкими эльфийскими ушами отправится напрямик в котел. Будет славный навар. А если не хватит — я приведу сюда твоих щенков и жену. Ты и представить не можешь, что я с ними сделаю, прежде чем их останки окажутся в той же похлёбке. Пальцы гнома сжались на горле повара еще сильнее, вминая его лицо в обжигающий пар. Кончик носа несчастного замер в паре дюймов от бурлящей поверхности супа.

— Нет! Прошу! — взвыл повар, захлебываясь слезами. — Я правда не знаю! Нам не говорят лишнего, мы всего лишь прислуга!

Ярость Лорика вспыхнула с новой силой. Свободной рукой он выхватил из-за пояса узкий нож. Сталь сухо блеснула в свете очага. Гном начал методично, почти ласково, чертить кинжалом по спине пленника. Он не бил глубоко, не хотел, чтобы тот истек кровью раньше времени. Он просто дарил ему боль — чистую, кристальную, лишаящую рассудка.

— Мне плевать на твои слезы, — прошипел Лорик. — Либо ты говоришь, либо я вырежу твое сердце и заставлю тебя его съесть.

Животный ужас окончательно сломил беднягу. В какой-то момент повар обмяк, и гном, почуяв перемену, ослабил хватку. Несчастному позволили осесть на колченогий стул. Он тяжело дышал, обливаясь потом, прижимая ладонь к порезам на спине, а в глазах его застыла пустота человека, видевшего край могилы. Сэнд подошел ближе, ловя каждое слово.

— Ладно ладно, я всё скажу, — прохрипел повар, утирая лицо грязным фартуком. — Элай здесь. В этой самой таверне. За винным погребом есть тайный покой, там он обычно собирает своих людей. Я ношу им еду и выпивку. Сегодня сегодня он долго сидел над картой города, чертил что-то, делал пометки. Я не знаю его замыслов, он не болтлив. А потом он отдал одному из своих запечатанный свиток, и вся банда ушла через задний ход.

Сэнд и Лорик переглянулись. Внутри парня вспыхнула искра надежды. Значит, он здесь. Значит, есть шанс встретиться лицом к лицу, поговорить, вразумить брата. Сэнд отказывался верить, что человек, с которым он делил кров и хлеб, мог в одночасье превратиться в хладнокровного разбойника. Должно быть какое-то объяснение, какая-то причина, скрытая за этой маской жестокости. — Говори быстрее, — надавил Лорик, поигрывая кинжалом. — Как попасть в ту комнату? Кто остался на страже? Если вздумаешь хитрить

Гном не договорил, но повару и не нужны были слова. Острие ножа, замершее у самого горла, объясняло всё гораздо доходчивее. Кровь проливать без нужды они не хотели, но рука Лорика была тверда. Повар тяжело сглотнул и отвёл взгляд.

— Мои «друзья», — хрипло произнёс он. — Подсказать я ничего не могу. На мне заклятие. Оно не даёт мне сказать, как пройти к главарю банды. Колдун, который его наложил, был, мягко говоря, не самым аккуратным. Снять его, наверное, можно, но я не знаю как. И лучше нам не задерживаться. Суп давно должен быть готов. Если я пропаду ещё хоть ненадолго, это заметят.

Сэнд и Лорик отошли в сторону и начали тихо обсуждать услышанное. Положение было хуже, чем казалось сначала. Тот странный человек говорил Сэнду, что он способен войти во Врата сновидения. Для обычного человека это звучало как бред, но Сэнд уже не мог отмахнуться от этих слов. Такое было по силам только магам, да и то далеко не всем. Даже глава коллегии смог бы сделать подобное лишь при достаточном запасе крови. Значит, шанс был. Пусть

и крайне слабый. Проблема заключалась в другом: Сэнд не умел колдовать. Он не знал заклинаний, не владел магическими кругами и никогда не пытался ничего подобного. Но отступить было некуда. Заклятие, наложенное на повара, нужно было снять. И если для этого потребуется рискнуть — значит, он рискнёт. Он кивнул Лорику и попросил того отойти чуть дальше. Гном недовольно нахмурился, но подчинился. Он тяжело переступал с ноги на ногу и ворчал себе под нос, явно не одобряя того, что Сэнд не рассказал ему о своём плане заранее. В его взгляде читалось раздражение, почти обида, но не злость. Лорик понимал: в их положении доверять можно было не каждому, и всё же он рассчитывал, что между ними будет больше откровенности.

— Тьфу ты, мальчишка, — пробормотал он, покачав головой.

Сэнд снял плащ. Ткань могла помешать, а сейчас ему нужно было двигаться свободно. Внутри у него всё сжималось от тревоги. Он сам не до конца понимал, что собирается делать. О магии он знал лишь по чужим рассказам — по слухам, которые передавали шёпотом у очага, и по байкам, что любили травить в трактирах. Говорили, будто заклинания легче всего питаются кровью. Не потому, что кровь была магической сама по себе, а потому что в ней заключалась жизнь — а значит, и сила, способная пробудить колдовство. Он положил плащ на ближайший стул рядом с поваром. Тот при этом побледнел ещё сильнее и заёрзал в своих путах, решив, видимо, что его вот-вот убьют или принесут в жертву. На его лице застыл настоящий ужас. Сэнд вынул отцовский кинжал и на мгновение замер, стиснув рукоять так крепко, что побелели пальцы. Сердце колотилось в груди так сильно, будто пыталось вырваться наружу. Каждая секунда казалась слишком долгой. Чем больше он тянул, тем сильнее сомневался, что вообще способен сотворить хоть что-то. Повар зашёлся в крике, дёргая руками и ногами, насколько позволяли верёвки. Деревянный пол под его каблуками скрипел и дрожал. Он снова и снова звал на помощь, не сводя глаз с кинжала, будто надеялся, что его чудом спасут в последнюю секунду.

— Стой! Что ты делаешь?! - яростно крикнул повар, пытаясь вырваться со стула.

Но Сэнд уже принял решение. Он резко провёл лезвием по ладони. Боль вспыхнула мгновенно, острой полосой прорезав всё тело. По коже тут же потекла густая тёплая кровь. Сэнд пошатнулся, но удержался на ногах. Стиснув зубы от обжигающей боли, Сэнд начал медленно обходить повара по кругу. Он пытался сосредоточиться на пульсации в раненой руке, взывая к той странной силе, что дремала где-то глубоко внутри. Ему нужно было нащупать ту невидимую нить, что связывала жизнь, волю и саму ткань реальности. И в этот миг пространство вокруг него надломилось. Свечи, расставленные в комнате, разом захлебнулись тьмой. По подвалу пронёсся резкий, ледяной порыв ветра, хотя все двери были заперты на засовы, а узкие окна заколочены. Доски пола под ногами Сэнда не просто закрипели — они начали вздыматься и опускаться, словно таверна стояла на спине пробуждающегося исполина. Сэнд рухнул на колени. Боль в ладони сменилась невыносимым давлением в витках. В голове зазвучала та самая песня — жуткая, монотонная, лишённая привычной человеческой мелодики. С каждой секундой она нарастала, превращаясь в нестерпимый, пронзительный вой, от которого, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Голоса вспыхнули в его сознании сотнями искр:

— Нет не делай этого! Остановись! Спаси нас! Уйди! - продолжали кричать в голове Сэнда, становясь все более неистовыми

Сэнд закричал, пытаясь заглушить этот хор, но его собственный голос потонул в грохоте магии. Из его окровавленной ладони вырвался пурпурный луч. Он не был похож на свет лампы - это была рваная, пульсирующая жила чистой энергии, которая шипела и извивалась, словно живое существо. Лорик, наконец осознав, что Сэнд вызвал силы, с которыми не в состоянии совладать, с коротким рыком бросился к другу, надеясь сбить его с ног и прервать ритуал. Но было поздно. Мощная волна невидимой силы ударила гнома в грудь. Его отбросило назад; он с грохотом снес тяжелый дубовый стол и затих, ударившись головой о каменную кладку стены.

Заклятие окончательно вышло из-под контроля. Воздух в комнате стал густым и вязким, он дрожал, как марево над выжженной пустыней. Огни в очаге за кухонной перегородкой взметнулись до потолка, приобретая мертвенно-бледный оттенок. Люди наверху, в общем зале, в панике бросились к дверям, слыша, как под полом пробуждается нечто древнее. Яростный пурпурный луч вонзился в грудь повара. Это не было физическим ранением — магия прошивала саму суть человека, выжигая чужое клеймо. Несчастный выгнулся дугой, его крик перешел в нечеловеческий хрип. Тьма и свет перемешались в безумном вихре, стирая границы реальности. И тогда дверь, ведущую в кладовую, вышибло мощным ударом. На пороге возник высокий силуэт эльва. Его лицо было спокойным, почти холодным, но в глазах отражалось понимание опасности. Не теряя ни секунды, он рванул на груди амулет — золотое солнце, переплетенное корнями древнего дерева. Вскинув артефакт над головой, эльв четко, во властном приказе, произнес слова на певучем, магическом языке Аванед.

— Андо анавин! - Звук его голоса был подобен удару колокола, который разом заглушил безумную песню в голове Сэнда.

В ту же секунду всё прекратилось. Ветер стих так же внезапно, как и начался. Пурпурное свечение опало пеплом. Земля под ногами замерла. Сэнд, полностью истощенный, без чувств повалился на пол рядом с поваром, чьи пути теперь бессильно свисали с запястий. В подвале воцарилась тяжелая, звенящая тишина, нарушаемая только треском догорающих в очаге поленьев. Эльв опустил амулет и медленно обвел взглядом разгромленную комнату. Заклятие было остановлено, но цена этой маленькой победы ещё только предстояла быть осознанной.

Глава 3 - Получение ответов

Воспоминания - самое ценное, что остается у живых существ, даже когда вокруг сгущается тьма. Пока они живы, в груди теплится искра надежды, и ни один мрак не способен отнять у них прошлого.

Инаэль. Верховный маг коллегии.

Сэнд приходил в себя долго, словно выплывая из вязкого, дурно пахнущего болота. Веки казались свинцовыми, прикипевшими к глазам, будто обожженные раскаленным металлом, и каждое усилие разомкнуть их отзывалось тупой пульсацией в висках. Он помнил, как звал силу, и помнил, как эта сила, не терпящего дилетантов, едва не истощила его дух досуха. Грань между истинным колдовством, и самоубийством всегда была тоньше волоса, а маги-самоучки, возомнившие себя хозяевами стихий, обычно заканчивали свой путь одинаково — плаха или безумие. Сэнду в целом везло. Пока что. Когда зрение наконец начало возвращаться, мир предстал перед ним размытым пятном, залитым тусклым, неверным, желтоватым оттенком, но даже так, сквозь пелену, он сумел разглядеть очертания комнаты. Первом делом взгляд зацепила за обычную тумбу. Массивная, из темного дуба — такая мебель стоила целое состояние и обычно украшала особняки аристократов в Верхнем городе, а не притоны или подвалы таверн, где он возможно находился. На ней сиротливо догорала единственная свеча. Больше в комнате не было ничего — ни личных вещей, не умывальника, ни даже мелкого окна. Абсолютная, гнетущая пустота, запертая в четырех стенах, еще и неизвестно где.

— Подземелье? Темница? — промелькнула, аккуратная паническая мысль. Рассуждения не заканчивались. — Если его бросили в казематы стражи, то где кандалы? Где магический ошейник, способный подавить магические способности и волю?

Вместо холодного камня под ним была относительно мягкая кровать, не домашняя, но достаточно уютная. А затылок тонул в подушке, набитой отборной овечьей шерстью — и это было также не обычно, ранее пределом мечтаний могла быть свежая солома, а здесь возникло ощущение безопасности. Сэнд попытался сесть. Тело ощущалось чужим, ватным, будто он прожал в этой тишине не один год. Он заставил себя напрячь всей свои оставшиеся мышцы, рванулся вверх и тут же сдавленно вскрикнул, рухнув обратно на кровать. Боль была чудовищной. Она не просто резала - — она текла по всем жилам. Особенно страдали кисти рук, через которые он пытался пропустить неограниченную мощь заклинания. Кожу жгло так, будто он все еще держал ладони в открытом пламени, и это пламя разгоралось с каждой секундой все яростнее. Он не мог даже прикоснуться к ним — любая попытка пошевелиться вызывала новую вспышку агонии. Наконец, оставив попытки встать, Сэнд устался в потолок, восстанавливая в памяти последние секунды перед обмороком.

— Гном... Лорик, — первая посетившая мысль, вызвала необъятный страх и смятение.

— Нет, он живой. Гномы просто так недохнут, — упрямо твердил он себе, пытаясь заглушить дрожь в голосе, звенящем лишь в его собственной голове. — Я не мог я не должен был его убить.

Он пытался убедить себя, что всё обойдется, но холодный ком в груди не таял. За то короткое время, что они провели вместе, Сэнд привык к гному. Это было странное, почти забытое чувство защищенности — будто рядом снова стоял отец или старший брат. Сэнд редко показывал свои чувства, пряча их за напускным спокойствием, но изнутри его пожирала привязанность к тем нескольким людям, что еще были рядом. Каждая утрата оставляла на его сердце глубокое клеймо, которое никогда не затягивалось до конца. Он до сих пор помнил отца. Как бы Сэнд ни выпытывал, матушка хранила гробовое молчание о том, как именно он встретил свой конец. Потом ушел и Элай, оставив после себя лишь пустоту. И вот теперь появился

Лорик — ворчливый, пропахший элем и табаком, но ставший за эти дни почти родным. У них была общая цель — найти брата, вразумить его и вернуть домой. Но сейчас Сэнда не покидало липкое ощущение провала. Всё вокруг шептало о том, что они совершили роковую ошибку. И виноват в этом был он сам. Сэнд не сумел совладать с заклинанием, он даже не понял, как эта сила вырвалась наружу, словно дикий зверь из клетки. Видимо, тот таинственный незнакомец в маске не лгал — в жилах Сэнда действительно дремал дар, темный и необузданный. Сердце сжималось от вины. Из-за его оплошности мог пострадать Лорик, а что случилось с тем беднягой-поваром? Тот принял на себя основной удар. У него ведь наверняка была семья, дом... Вряд ли обычный человек мог пережить такое столкновение с чистой магией. Но больше всего Сэнда пугала Песня. Она возникала из ниоткуда, не подчиняясь никакой логике, и приносила с собой такую агонию, что разум едва не разлетелся на куски. Почему именно он? За какие грехи эта музыка вгрызается в его мысли?

— Эти голоса... — прошептал Сэнд, и в тишине комнаты его собственный голос показался ему чужим.

Он пытался понять, чего они хотят. Может, эти голоса принадлежали тем, кто сам оказался в беде, и потому звали его на помощь. А может, они пытались предупредить о чем-то — о беде, что уже стояла у порога его дома. И всё же чаще всего они появлялись тогда, когда рядом возникал тот незнакомец в маске. Сэнд всё чаще ловил себя на мысли, что доверять ему не стоило. В этом человеке было слишком много тени, слишком много опасной воли, и слишком легко он мог оказаться не спасителем, а тем, кто тянет его в погибель. Сэнд перебирал одну догадку за другой и в конце концов пришел к мысли об одном, берущим начало из древних эльвских легенд - проклятии. Но кто мог наслать его? Соседи? Нет, это казалось глупым. Обычные бедные эльвы — им и без него хватало забот, земли бы своей не потерять да желудок хоть как-то набить да и способностей они не имели, для подобного колдовства, вот чем обернулось попытка Сэнда без опыта его совершить. Может, это были злые духи, что пытались дотянуться до него и утащить в свой мир? И такие случаи случались. Старики говорили об эльвийской болезни — страшной напасти, что приходит быстро, забирает и жизнь, и душу, оставляя после себя только пустую оболочку. Говорили, это кара за грехи древних, павшая на весь народ за древнюю вину перед черными драконами. Инквизиция не раз увозила тела павших, надеясь вырвать у мертвых тайну этой хвори, но всякий раз ответа не было. Но чаще всё шло по иному, куда более мрачному сценарию. Когда мор вспыхивал в трущобах, гнилые кварталы запирали на тяжелые засовы, лишая живых надежды на спасение. Заболевших сгоняли в один дом — место, ставшее преддверием ада. Там, за закрытыми дверями, над ними ставили опыты, прикрываясь святыми текстами. Жрецы монотонно бубнили молитвы, в которых не было ни тепла, ни капли милосердия, лишь холодный приговор. Толку от этих песнопений не было, хотя чернь заставляли верить в чудо. А тех, в ком еще теплилась искра воли, тех, кто осмеливался поднять голос против этого безумия, ждал костер прямо посреди площади. Огонь пожирал крики, и страх сковывал выживших надежнее любых цепей. Никто не решался выступить против. Если же эльвы, доведенные до отчаяния, пытались оказать хоть какое-то сопротивление, из своих башен спускались маги Коллегии. Эти холеные маги всегда охотно протягивали руку храмовникам, скрепляя союз веры и силы кровью тех, кому не посчастливилось родиться в нищете. Именно по этому Сэнд не мог рассказать никому о странной песне. Стоило ему произнести это вслух, и он мог подвергнуть опасности не только себя, но и тех, кто был рядом. Конечно, до соседей и прочих эльвов ему, в сущности, не было дела — они первыми сдали бы его, лишь бы спасти собственные шкуры. А вот близкие люди значили для него куда больше. Да и, если говорить совсем честно, он попросту не хотел закончить свою жизнь так скоро, не успев насладиться ее благами, ведь он еще не успел ничего — насладиться красотами девушек, славными битвами, встречами с товарищами.

После долгих размышлений он вдруг вспомнил одну деталь: голоса впервые появились после врат сновидения. До этого ничего подобного с ним не происходило. И в тот миг Сэнд словно нащупал тонкую, но верную нить, ведущую к разгадке. Значит, песня и то место были связаны между собой. Возможно, существа действительно находились именно там. И если ему снова доведется встретить фигуру в маске, он попытается осторожно выведать, как всё это связано. Очень осторожно, чтобы тот ничего не заподозрил. Однако существовала и другая мысль — а что, если именно он и устроил всё это? Что, если незнакомец лишь проверял его ради какого-то задания, о котором любил говорить с такой пугающей настойчивостью? Ответа у Сэнда не было. Сейчас же ему следовало лишь немного поспать, восстановить силы и перестать думать хотя бы на время. Сон уже тянул его к себе. Тело налилось тяжестью, мысли путались, а вялость, разлившаяся по рукам и ногам, только усиливалась. Эльвы, конечно, могли переносить большие лишения по молодости, но даже их выносливость имела предел. Особенно после применения кровавых заклинаний. Спустя некоторое время Сэнд всё же погрузился в сон. Он снова стоял у той самой реки, где когда-то впервые встретил незнакомца. Всё вокруг выглядело почти так же, как тогда, будто время замкнулось в тугой, зловещий круг. И почти сразу он понял: снова попал во врата сновидения. На этот раз песня проявилась мгновенно. Однако головной боли не было. Лишь голоса, тихие и странно тянущиеся, будто не приказывали, а умоляли о помощи. Они звали его негромко, почти ласково, и казалось, что исходят прямо из реки. Сэнд осторожно наклонился и опустил голову, прищурившись, пытаясь разглядеть источник этих звуков. Но кроме собственного отражения ничего не увидел. И всё же отражение не отпускало. Оно будто манило его глубже, становилось всё яснее, всё ближе, а затем вместо песни начали проступать голоса. Они дурманили разум, мешали трезво мыслить и быстро уводили сознание к опасной грани — к чему-то очень похожему на транс. Почти так же, как в тот первый раз, когда он применил магию, напитанную кровью. И тогда голос стал отчетливее. Жестче. В нем уже слышался приказ.

— Используй магию... Всё верно. Вытягивай души. Верни нас.

Услышав эти голоса, Сэнд с трудом оторвал взгляд от реки и от собственного отражения. Казалось, сама вода держала его, не желая отпустить. Но он все же заставил себя подняться и, почти на одних инстинктах, бросился бежать прочь от этого места, как можно дальше, не разбирая дороги. Однако крики не стихали. Они тянулись за ним, цеплялись за мысли, настойчиво звали вернуться и помочь им, будто он и впрямь был последней надеждой тех, кого скрывала тьма. И вдруг, во время этого отчаянного бегства, он почувствовал на своем плече прикосновение. Легкое, почти невесомое. Оно не было ни грубым, ни резким, не пыталось развернуть его силой и не несло в себе боли. Напротив — в этом касании было что-то удивительно знакомое, почти родное. Так, бывало, касался его брат в те дни, когда дом еще стоял, а жизнь не успела рассыпаться в прах под тяжестью случившегося. Сэнд замер. Неожиданно совсем рядом раздался голос — до боли знакомый, с легкой хрипотцой, которую он не смог бы спутать ни с чьей другой. Этот голос когда-то звучал рядом с ним слишком часто, чтобы забыться. И теперь, пробившись сквозь шепот рек и зловещие крики, он вернул в его сердце старую, давно погребенную тревогу.

— Сэнд! Сэнд, проснись! Что с тобой? — раздался голос Лорик.

Сэнд с трудом открыл глаза. Перед ним стоял Лорик — заметно потрепанный прошедшими событиями. Голова гнома была обмотана бинтами, уже подсохшими, но все еще испачканными кровью. Видимо, удар пришелся ему крепко, и рану толком не успели перевязать как следует. Но несмотря на это, Лорик выглядел удивительно бодрым. В его глазах даже светилось что-то похожее на радость — ведь его друг, вопреки всему, остался жив. Однако, куда больше внимания привлекал другой. Высокий, статный эльф в дорогом одеянии стоял чуть поодаль, словно не хотел нарушать чужую тишину. По очертаниям сразу было ясно — это был Элай — брат Сэнда. Его лицо было спокойным, почти безмятежным, а взгляд — таким, что в нем

одновременно чувствовались и надежда, и внутреннее равновесие, и, конечно, едва заметная эльфийская надменность. Элай молчал. Он просто смотрел на младшего брата, словно пытался разглядеть в нем все то, что было утрачено и вновь найдено. Особое внимание привлекал амулет на его груди. Он лежал на его груди, тяжелый и чуждый этой эпохе упадка, — кованое серебро, потемневшее от времени, но сохранившее внутренний блеск. Это не была просто побрякушка из леса, артефакт будто напоминал о тех временах, когда эльвийские города возвышались до самых облаков, а само имя их народа заставляло стихать бури и самих драконов. В центре оправы, переплетенной узорами, напоминающими корни древа-прародителя, пульсировал камень. В его глубине не было огня — лишь холодное, мерцающее сияние, похожее на свет звезд. Тонкие руны, выгравированные по краям, едва заметно светились, отсекая остатки враждебной магии, еще витавшей в воздух. Глядя на артефакт, Сэнд кожей чувствовал исходящий от него холод — равнодушный и властный, как сама вечность. Сэнд попытался приподняться, хотел что-то спросить у Элая, но Лорик тут же схватил его за плечи и начал трясти так, словно не верил собственным глазам. Он не ругался, но говорил так громко и быстро, что не оставлял другу ни единого шанса вставить хоть слово. От его встревоженного голоса у Сэнда снова заныли ушибы и старые раны.

— Малец! Ты что устроил? Я чуть не сдох! Меня этим столом так приложило, что я уж думал — все, конец. Гном, которого до смерти забил стол, вот только этого мне и не хватало! И мог бы хоть предупредить о своем плане!

Сэнд, едва собрав силы, посмотрел на него и почти шепотом спросил:— Лорик ты правда жив? Он не верил собственным глазам. Очень уж его пугала повязка на голове гнома. Вдруг тот пострадал куда сильнее, чем показывал? Вдруг просто не хотел этого признавать? Но вместе с этим в голове крутились и другие вопросы — те, что нельзя было откладывать ни на миг.

— А что с тем поваром? И что вообще здесь делает мой брат? Последние слова прозвучали особенно отчетливо. По ним сразу становилось ясно: судьба повара волнует Сэнда куда меньше, чем появление Элая. Лорик нахмурился. Элай же по-прежнему молчал.

Во время нависшей неловкой тишины — Сэнд стал замечать изменения в брате. Первое что бросалось в глаза, — отсутствие волос. За годы своей разбойничьей жизни в городе старший брат коротко остриг когда-то роскошные светлые волосы, те самые, что в юности сами собой вились мягкими кудрями. Теперь от них не осталось почти ничего. Впрочем, такой выбор был понятен — в дороге и в бою длинные волосы только мешают, а о лишней прихоти вроде красоты быстро забываешь там, где каждый день может стать последним. Да и грязь, кровь, дождь, копоть костров — все это не щадит никого. На его лице появилась татуировка, которой раньше не было. Темный узор тянулся от виска выше, уходил к черепу и частично скрывался под воротом, будто древняя вязь медленно вращалась в кожу. В этих линиях чудилось что-то до боли знакомое — словно рисунки из старых материнских сказок, где говорилось об ушедших временах, о великих эльфийских домах, о магах, что умели говорить с черными драконами и не сгорали от их взгляда. Когда-то такие знаки носили лишь избранные магистры. Их считали отмеченными судьбой, почти священными. Но после падения и долгих лет позора сами эльвы начали сторониться подобных меток. Слишком многое за ними тянулось — гордость, грех, древние клятвы и память о силе, которой их народ давно лишился. Со временем такие узоры стали воспринимать не как честь, а как клеймо — мрачное напоминание о том, что было утрачено, ровно как и семья Элая. Уши у него остались такими же, какими и должны быть у чистокровного эльфа — длинные, чуть ребристые, но не слишком выдающиеся, без нарочитой остроты. Они смотрелись удивительно естественно, будто сама его внешность была выточена рукой искусного мастера. Сэнд невольно поймал себя на странной мысли: без волос брат стал даже красивее. Не мягче — нет. Скорее строже, тоньше, опаснее. В его облике появилось что-то хищное, но оттого еще более притягательное. Лицо у Элая особенно приковывало взгляд. В нем без труда угадывалось родство с Сэндом — те же очертания скул, тот же разрез глаз, та

же холодная ясность черт. Но все в нем было словно заострено тяжелой жизнью. Где у младшего брата черты еще хранили остатки юности, у старшего они уже стали жестче, суше, грубее. Будто сама дорога год за годом снимала с него все лишнее, оставляя только выносливость, волю и усталость. Под глазами уже легли первые тени. Не такие заметные, как у человека, но и эльвийская кровь не могла вечно скрывать изнурение. Да, эльвы держались дольше других народов, умели терпеть голод, холод и бессонные ночи лучше многих. Но даже они не были сотворены из камня. А в той жизни, что выбрал Элай, отдых был роскошью, почти насмешкой. У разбойника не бывает настоящего покоя, всегда может случиться облава, предательство, погоня, чужая беда или новый приказ судьбы, от которого уже не отвернуться.

И все же Сэнд знал — брат пошел на это не ради вольницы и не ради крови. Немногие вообще понимали таких, как люди Элая. Со стороны их проще было назвать бандой, лесным сбродом, отребьем с большой дороги. Но Сэнд знал — большинство этих людей, как и сам Элай, не по доброй воле сменили уютные дома на сырые лесные чащи. Многие из них с радостью продолжали бы служить короне, если бы эта корона не прогнила до самого основания. Кто-то должен был взять на себя бремя справедливости там, где закон стал инструментом для произвола. Взгляд Сэнда скользнул ниже, по одеянию брата. На нем был сюртук из тончайшего черного шелка — вещь явно дворянская, дорогая и редкая в этих забытых богами краях. Даже герцог в свои лучшие дни не всегда позволял себе носить шелк такой выделки. Но внимание младшего брата приковала не ткань, а клинок, покоившийся в ножнах у пояса Элая. Рукоять меча, выточенная из тяжелого эбенового дерева, тускло мерцала в полумраке, а серебряные вставки на эфесе и крупный изумруд, венчавший навершие, говорили о том, что это оружие стоит целого состояния. И хотя Сэнд не видел само лезвие, по одному лишь виду эфеса было ясно: мастер, ковавший эту сталь, был гением своего дела. Завершив этот безмолвный, тяжелый осмотр, будто длившийся вечность, как вдруг Элай наконец решился сократить расстояние. Он не хотел кричать — его голос, привыкший отдавать команды в шуме битвы, сейчас звучал на удивление тихо и размеренно. Положив ладонь на рукоять меча, он слегка склонил голову набок и произнес таким умиротворяющим, но полным скрытой горечи тоном:

— Брат мой, что же ты наделал? В этих нескольких словах, едва слышных в тишине комнаты, сквозила такая беспросветная тоска, что у Сэнда по коже пробежал мороз.

Младший не сразу понял смысл упрека. Первая догадка обожгла разум: это все проклятое заклинание. Возможно, оно сорвалось с цепи и разрушило таверну? Или поставило под удар случайных людей, заставив Элая теперь разгребать последствия его магической неудачи? Сэнд сглотнул вязкий ком в горле и, собрав остатки воли, хрипло спросил:

— Элай, я не хотел тебе зла, — тихо сказал Сэнд, и голос его дрогнул. — Я просто хотел найти тебя. Хотел понять, почему ты ушел. Я искал тебя все это время я правда хотел помочь.

Слова вышли неровными, сбивчивыми. На глазах у него выступили редкие слезы — слишком долго он носил в себе эту боль, слишком сильно тосковал по старшему брату, чтобы сейчас суметь говорить спокойно. Разлука не стерлась из его сердца даже спустя три года. В это время Элай, не сводя с него тяжелого взгляда, коротко велел Лорику подать стул.

— Разговор будет долгим. Нам всем нужно разобраться в том, что произошло за последние годы, — произнес он.

Лорик без лишних слов повиновался и принес стул, не ворча и не задавая вопросов. В его молчании чувствовалось напряжение, будто сам воздух в комнате стал тяжелее. А Элай, чуть помедлив, наконец заговорил.

— Что ж, друзья мои, вам, должно быть, интересно, что творилось все эти три года. Скажу сразу: все куда хуже, чем кажется. Положение в нашем королевстве не просто тяжелое — оно пугающее.

После этих слов лица в комнате заметно изменились. Словно тень легла на стены, а вместе с ней и на души собравшихся. Даже Лорик, обычно крепкий и непошибаемый, начал заметно

нервничать. Нога его мелко подрагивала, и он никак не мог усидеть на месте. Наконец он полез в сумку и вытащил кусок вяленого мяса — верный запас на тот случай, когда руки сами ищут, чем занять волнение. Сэнд же, несмотря на усталость и слабость, слушал внимательно. Уважение к брату в нем не исчезло, как не исчезла и память о былых временах. Не смотря на боль, он теперь хотя бы мог сидеть, не падая обратно на постель, и для эльва это казалось немалым достижением. Элай заметно помрачнел. Когда он заговорил, голос его сделался суше и жестче, однако за этой суровостью не исчезала усталость — тяжелая, вымотавшая его до самого доньшка, словно время не щадило его ни на миг. Он начал рассказывать все, что было ему известно, не скрывая ни одного из тех звеньев, что связывали прошлое с настоящим. За прошедшие годы разлуки с семьей и домом в трущобах, его «организация», некогда рожденная лишь из отчаянного стремления найти убийц его семьи, выросла во что-то куда более значительное. Из малого круга людей и эльвов, ведомых такой же болью и памятью, она превратилась в разветвленную сеть, раскинувшуюся по всему Вейсу и, что еще примечательнее, далеко за его пределами. Элай выстраивал эту сеть терпеливо и расчетливо. Его агенты растворялись в самых разных слоях королевства Артрейн — одни собирали слухи в трактирных залах и на шумных рынках, другие втирались в доверие к чиновникам, а иные проникали еще глубже — туда, где тени при дворе герцога Дериона сгущались особенно плотно. Но самой главной его целью было не только найти правду. Он хотел большего — искоренить преступность, ослабить хватку нищеты, хоть немного облегчить жизнь тем, кого город давно перемолол в своей беспощадной пасти. И все же даже сам Элай не обманывал себя: задача эта была почти невозможной. Слишком велика пропасть между теми, кто властвует, и теми, кто вынужден выживать. И все же они двигались вперед — шаг за шагом, по крупницам исправляя то, что еще оставалось возможным исправить. Потом он заговорил о первом деле, с которого все началось. О том, как они нашли убийц его семьи. И как сам Элай привел приговор в исполнение.

Облегчения это не принесло.

Напротив — с каждым днем скорбь становилась лишь тяжелее. Правда, открывшаяся позже, оказалась не менее жестокой, чем сама утрата: это не было хладнокровным злодейством, не было продуманной расправой. Те люди не желали смерти его жене и детям. Они были загнаны голодом в такой угол, где уже не оставалось места ни для страха, ни для милосердия — только для отчаянного поиска пищи. Их заметили. И после этого у них уже не было выбора. Он все равно потерял семью. И именно тогда, в этой утрате, в нем что-то окончательно надломилось и изменилось. Его люди, его сеть, его дело — все это родилось из боли и скорби, из того мгновения, когда мир показал свою жестокую, беспощадную сущность. С тех пор Элай перестал верить в красивые слова, в обещания власти, в видимость порядка. Королевство трещало по швам, а те, кому следовало бы удерживать его от распада, лишь создавали иллюзию, будто им не все равно. Сэнд и Лорик слушали молча, потрясенные до глубины души. И в этой тишине, тяжелой и неподвижной, между ними обоими жило один и тот же вопрос — не проигнорированный, но слишком явственный, чтобы его можно было не почувствовать.

— Если ты сумел отомстить, почему же не вернулся домой? Почему ты все это время избегал встречи со мной, брат? — спросил Сэнд, чувствуя на себе тяжелые, настороженные взгляды тех, кто находился в комнате.

Элай на мгновение задержал взгляд, словно подбирая слова, а потом медленно ответил:

— Понимаешь, я не мог подвергнуть опасности ни тебя, ни нашу матушку. Путь, который я выбрал, слишком опасен. И даже сейчас, пока мы говорим, мы не можем быть уверены в безопасности. Возможно, люди моих врагов уже здесь. Возможно, они давно обо всем прознали и просто ждут удобного момента. Ответ звучал в духе Элая — в нем чувствовались и осторожность, и привычная забота о близких, даже если ради этого приходилось жертвовать собой. Но Сэнд слушал уже не столько о тайной сети и людях брата, сколько о другом — о том, что происходило с ним самим.

— Брат это ведь ты. Это ты прервал заклинание. Так значит я и правда владею магией? И тут его снова пронзила боль — острая, мучительная, будто что-то раскаленное вонзилось прямо в голову. Но на этот раз было иначе, песня, что прежде слышал только он, вдруг услышал и Элай.

Сенд согнулся, не в силах удержаться, и закричал. Даже старые раны не могли заглушить эту муку. Лорик, выронив солонину, метнулся в соседнюю комнату за лекарем. Но едва он открыл дверь, как, обернувшись, увидел — Элай уже достал амулет и вновь начал читать заклинание. — Анавин... Анарей... Аносей... Индо... — произнес он ровно трижды.

Песня в ушах оборвалась. Боль начала отступать, оставив после себя лишь тяжелые отголоски и липкий пот. Тело не могло вынести такого напряжения без последствий, особенно теперь, когда странная мелодия звучала все чаще. И это было дурным знаком. Элай смотрел на брата жестко и требовательно, ожидая объяснений.

— Брат я не понимаю, — с горечью выговорил Сенд. — Магия. Эта песня и незнакомец в маске. Объясни мне хоть что-нибудь. Я ничего не понимаю. В его голосе слышались растерянность и страх — первобытный, глухой, будто сама душа отступала перед чем-то неведомым.

Элай чуть смягчился.

— Не торопись, — сказал он тихо. — Иначе я не смогу тебе помочь. Давай по порядку. Сейчас это важнее даже моей информации. Она может подождать. А то, что я вижу перед собой, может причинить тебе куда больше вреда.

Сенд начал рассказывать с самого начала — о первом сне, о реке, о таинственном незнакомце, который время от времени являлся к нему и требовал исполнить волю своего повелителя. Он говорил и о песне, что терзала ему голову и душу, не давая ни покоя, ни забвения, и, наконец, о первом заклинании, которое ему удалось сотворить. Лорик не перебивал. Он и без слов понимал — происходит нечто дурное, нечто куда серьезнее обычных бед и ран. Но в магии он не смыслил ничего. У гномов, как известно, не было дара к ней. Это была единственная раса на континенте, которой магия будто бы всегда оставалась закрыта. Много раз их народ пытался создать нечто похожее — заклинания на крови, руны, начертания, песни гномьих шаманов, — но все это оказывалось либо пустым суеверием, либо самообманом. Большинство гномов и вовсе считало подобные вещи шарлатанством. К рунным мастерам обращались в основном кузнецы — им хотелось верить, что начертанный знак на клинке и впрямь сможет помочь своему владельцу. А к шаманам чаще шли старики — те немногие долгожители, что с годами начинали верить почти во все. Лорик и сам когда-то, еще до того как стал наемником, пошел к шаману с надеждой на защиту и благословение. Тогда его встретил старый, грузный гном, который только и умел, что бить в барабан, да вдыхать едкий запах пещерных грибов, бормоча себе под нос какие-то странные слова на гномьем языке. Лорик был еще молод, горяч и недоверчив. После того обряда он даже пригрозил старику смертью, если тот посмеет и дальше дурить гномов. Но теперь, после всего, что довелось увидеть за годы службы, он уже не мог сомневаться — заклинания существуют, но не для гномов, их удел другой — сталь.

Выслушав брата, Элай понял главное. Его сведения, события, что шли за ними по пятам, и сам Сенд — все это оказалось связано. Элай сразу признался, что и сам не знает, что это за песня и почему она проявляется именно у Сенда. Но одно было ясно наверняка — медлить нельзя. В таком состоянии Сенд долго не выдержит. И все же именно эта песня, как ни странно, и пробудила в нем силу творить кровавые чары. Не всякому эльфу или человеку дано подобное. Это, как говорили в старых сказаниях, была отметина черных драконов. Сам Элай не обладал врожденным даром к магии. Он мог использовать лишь защитные чары — и то только благодаря амулету их отца. Этот амулет переходил в их роду из поколения в поколение, напоминая о высоком положении семьи на давно погибшей эльвийской родине. Это был один из немногих сохранившихся артефактов их древнего дома. Тем удивительнее было видеть его здесь, в трущобах Вейса, где жили те, кого люди считали почти рабами, нужных лишь для работы,

для строительства и для собственных прихотей. Но все таки, особое беспокойство вызывал таинственный незнакомец. По сведениям агентов Элая, Сенд был не единственным, кому он являлся. Этот же человек был замечен и возле инквизиции, и при дворе верховного патриарха Герамора, и даже рядом с главой коллегии магов, Инаэлем. Зачем он появлялся там, до конца не знал никто. Стали подтверждаться самые главные опасения. Возможно, он виновен не только в пробуждении магии Сенда, но и в тех интригах, что опутывали королевство. А интриги, надо сказать, были для Артрейна делом самым привычным: здесь каждый норovil подняться повыше, укрепить свое положение и раздавить противника прежде, чем тот сделает первый шаг. Элай нахмурился, на миг проверил, плотно ли закрыта дверь, чтобы лишние уши не услышали лишнего. Затем пододвинул стул ближе, сел и, опустив руку на амулет, словно в нем самом искал опоры, тихо произнес:— Герцог Дерион мертв, — голос Элая прозвучал сухо, как хруст сухих веток. — И, судя по всему, к этому приложил руку тот самый гость из твоих видений. Не исключено, что он и сейчас греет уши в тенях — вся эта чехарда лишь фрагмент его большой игры.

Сенд и Лорик оцепенели. Новость ударила по ним тяжелее кузнечного молота.

— Погоди-ка... — Лорик первым обрел дар речи, нахмутив густые брови. — Старика Дериона никто не видел года два. Говорили, заперся в покоях, грехи замаливает или просто с ума сходит от старости. Но чтобы мертв? Ты уверен в этом, парень? И с чего вдруг винить того призрачного проходимца? Лорик говорил так, будто Элай совсем мальчишка.

Элай в который раз напомнил друзьям, что его сеть осведомителей уже успела опутать королевство невидимой паутиной. Его глаза были везде. Информацию принес человек, которого никто не принимал в расчет — безликий слуга при дворе верховного мага Инаэля. Тот, кто подносил вино, выносил ночные вазы и драил полы в покоях господ, слышал куда больше, чем советники на советах.

— Дерион изменился сразу после возвращения из того «победоносного» похода против темных сущностей, мы теперь их называем так, — продолжал Элай. — Вы же помните слухи? Замкнулся, перестал выходить к народу, превратился в затворника. Но дело было не в меланхолии. Он устроил в своем кабинете лабораторию, изучая то, что привез с войны.

Элай извлек из-под полы плаща пожелтевший, пахнувший сыростью и алхимическими солями пергамент. Это были путевые заметки самого герцога, выкраденные прямо со стола Инаэля. Сенд выхватил это у брата и впился глазами в строки, и чем дальше он читал, тем бледнее становилось его лицо. В один момент он просто отбросил лист в сторону, уставившись в пустоту.

— Проклятье... У меня нет слов. Это не просто безумие, это приговор нам всем.

— Да что там такое, малец?! — проворчал Лорик, подозрительно косясь на бумагу. — Изъяснитесь яснее, я в этих закорючках смыслю меньше, чем свинья в апельсинах.

— Раз брат лишился языка, объясню я, — Элай забрал пергамент. Он уже изучил его вдоль и поперек и говорил холодно, по существу. — Слушайте внимательно, мастер гном. Тут нет даже шифра — Дерион был так уверен в своей власти, что писал открытым текстом. Твари, с которыми он столкнулся на границе, не просто темные существа. Некоторые из них могут стать перевертышами — способными принимать облик любого живого существа, искажая его в кошмарное подобие самого себя. Обычная сталь их не брала — она лишь замедляла эту гниль. Когда припасы кончились, а солдаты начали сходить с ума от ужаса, герцог пошел на сделку. Элай сделал паузу, указывая на пятна на пергаменте.

— Двенадцать магов коллегии создали ритуал. Требовалась «сильная кровь» — жертва того, в ком течет древнее величие. Дерион отдал себя. Он стал живым якорем для заклятия, которое выжгло армию тьмы, но цена оказалась чудовищной. магическая чума, кровавый тлен. Тело герцога начало разлагаться заживо, покрываясь волдырями и язвами. Рассудок таял в агонии. Только легендарные черные драконы могли бы исцелить такую порчу, но их давно нет.

— Но самое страшное скрыто в конце. Твари не были просто выходцами из темнейших глубин, что под городами гномов. Это создания, части единого коллективного разума, ведомые кем-то высшим. Герцог верил, что за ними стоит черный дракон — или нечто, принявшее его мощь. Перед смертью Дерион успел поймать одну из этих мразей и привезти ее в столицу в железной клетке. До последнего вдоха, гния в своем кресле, он пытался понять, как убить создателя этой армии, прежде чем королевство захлебнется в собственной крови. И тот «незнакомец», Сенд, явно знал об этом исследовании больше, чем сам герцог.— Элай горько усмехнулся.

Слова Элая повисли в воздухе, и тишина после них казалась тяжелее кузнечной наковальни. Лорик переступил с ноги на ногу, почесал затылок и с усилием устался на пергамент так, будто мог проломить смысл лбом.

— Значит, старый герцог не просто сгинул, — наконец пробормотал он. — Он до последнего тащил на себе эту дрянь и пытался найти способ всех спасти. Сенд медленно поднял взгляд. В его глазах больше не было растерянности — только холодная, нехорошая сосредоточенность. — Лорик фыркнул. Элай не ответил сразу. Он снова посмотрел на пергамент, будто оттуда могло выскочить что-то ещё, гораздо худшее.

— Есть ещё кое-что, — произнёс он. — В записях Дериона есть описание одной детали. Он писал, что создания тьмы не просто подчинялись дракону. Они словно отзывались на его присутствие. Как стая на зов вожака. Но если вожака не было рядом, они начинали действовать иначе. Не глупо. Не хаотично. А самостоятельно. Будто у них оставалась часть чужой воли.— Коллективное сознание? — Сенд нахмурился.

— Да. И это значит, что уничтожение одного тела не решает проблему. — учтиво продолжал отвечать Элай.

— Вот уж радость, — буркнул Лорик. — Значит, прикончишь одного, а остальные полезут еще злее, так еще и рядом с гномьими королевствами.

Элай усмехнулся, но в этой улыбке не было ничего веселого.— И потому Дерион привез пленника в столицу. Он надеялся вырвать ответ у самого источника. Узнать, как устроены эти твари, кто ими управляет и как прервать связь. Он успел записать, что пленник реагирует на магию крови. Когда рядом оказывались маги с сильным даром, существо начинало... меняться. Дергаться. Как будто чуяло угрозу.

— И что стало с пленником? — спросил Сенд.— Вот это и есть самая скверная часть. В записках есть пометка, сделанная уже дрожащей рукой, почти на полях. «Не удержать. Оно учится». После этого — следы чернил, будто перо сорвали с листа. Дальше записи обрываются. — Элай замолчал на миг.— Отлично. Просто отлично. В столице сидит неведомая дрянь, которая умеет учиться, герцог при смерти, если уже не сдох. А мне, значит, снова ждать, пока беда сама постучит в дверь? — Лорик коротко выругался себе под нос.

— Не ждать, — спокойно сказал Элай. — Уже стучит. Он подошел ближе к окну и чуть отодвинул занавеску. За стеклом тянулись серые крыши, мокрые от сырого ветра. Внизу, на улице, люди спешили по делам, не зная, что тень уже легла на их дома.

— Если Дерион действительно содержал это существо в столице, значит, либо его выкрали, либо оно вырвалось. И если вырвалось... то нам нужно найти, куда оно ушло. Пока оно не добралось до кого-то важного.— Думаешь, оно способно принять чужую форму? — Сенд сжал кулаки. — Если верить пергаменту — да. И чем дальше оно находится среди людей, тем лучше подражает им.— Элай медленно повернулся.— Вот уж не хватало нам в городе чудища, которое прикидывается, слугой или стражником. У нас и без того жизнь не сахар. — Лорик мрачно хмыкнул.

— Поэтому мы не можем терять время, — сказал Элай. — нам нужно готовиться к худшему. Попробовать отыскать Герцога, можно рискнуть и обратиться к кому-то из сил коллегии

или инквизиции. — В записях есть имя? Хотя бы одно имя человека, который мог помогать герцогу?—Сенд опустил глаза на пергамент, затем резко поднял их обратно.

— Есть несколько, — ответил Элай. — Но одно повторяется чаще других. Маг-советник. Человек из коллегии, которому герцог доверял больше остальных. И если он связан с пропажей бумаг, то именно там нужно начинать.

— Ну, хоть какая-то зацепка. А то я уж подумал, что в этой истории вообще одни трупы и сумасшедшие.— Лорик хрустнул пальцами и криво усмехнулся.— Это только начало, Лорик. Дерион пытался спасти королевство ценой собственной жизни. Но если его исследования попадут не в те руки, то следующая война начнется уже не на перевале. Она начнется здесь. А дальше будет только хуже. Артрейн не сумеет устоять, нен в нынешнем состоянии — Элай сложил пергамент и спрятал его обратно под плащ. И в этот миг где-то далеко, за стенами дома, раздался глухой, протяжный звон — словно снаружи кто-то медленно ударил в колокол. Не церковный. Удары становилось все интенсивнее и быстрее. Будто оповещающая жителей о напасти. — Это еще что? —Сенд замер.

— Либо нас нашли, либо нашли кого-то другого.—Элай уже шагнул к двери.— Тогда, мальчики, давайте не будем выяснять это на месте и пошли посмотреть, кто решил испортить мне вечер. — Лорик схватил секиру и тяжело поднялся.

Элай распахнул дверь первым, сзади него стоял Лорик с заранее заготовленной секирой. Как вдруг в коридоре раздался резкий запах, пахло мокрой древесиной, воском и чем-то еще — резким, металлическим, почти ржавым. Лорик мгновенно это учуял и недовольно скривился.

— Кровь, — процедил он. Он знал этот запах, не мог его не знать, специфика работы наемником, сказывалась.

Сенд уже шел следом, осторожно, будто каждый шаг мог выдать их врагу. Внизу, в общей комнате постоялого двора, голоса стихли. Несколько посетителей испуганно обернулись к входу, когда сверху донесся короткий, хриплый вскрик. Элай спустился первым и остановился у стойки. На полу, возле лестницы, лежал молодой посыльный в сером плаще. Его сапог был заляпан грязью, рука судорожно сжимала помятый кожаный футляр. Рядом стояла хозяйка постоялого двора, бледная как полотно.

— Он ворвался внутрь и упал, — быстро сказала она. — Кричал, что его преследуют. Потом начал задыхаться.

Сенд уже присел рядом с посыльным. Хотя даже такие движения давались ему еще тяжело, но времени отлеживаться не было. Посыльный был еще жив, но лицо у него побелело так, будто из него разом вытянули всю кровь. На шее, под воротом, темнела тонкая полоска — не рана, а словно след от чужих пальцев.

— Не удушение, — сказал Сенд. — Что-то его коснулось.

Лорик наклонился ближе, фыркнул и отшатнулся.

— Ну да, прекрасно. Не просто напугали, а пометили. Как скотину на убой. Мы также делаем со своими из пятой общины, дабы не убегали.

Посыльный открыл глаза. Взгляд его метался, не задерживаясь ни на чем. Он попытался заговорить, но из горла вышел только сухой хрип. Элай осторожно взял его за плечо.

— Кто тебя преследовал?

Тот судорожно дернулся и, собрав остаток сил, протянул футляр.

— Для... для вас... — выдал он. С каждым словом, кашель с кровью, захлестывал его горло, он не мог остановиться.

Элай взял футляр. Лишний раз пытаясь сильно не травмировать своего посыльного. На сургучной печати был знак городской магистратуры, но печать уже сорвана и снова кое-как прижата на место, будто ее открывали и спешно запечатывали назад. Эту печать невозможно было не узнать, она имела специальный оттенок, который свидетельствовал о связи магистратуры и организации Элая, даже там он нашел себе связных

— Кто отправил? — резко спросил Сенд.

Посыльный с трудом сглотнул.

— Не... не знаю. Сказали... только... передать Элаю... и не открывать... пока не уйду... далеко... Его глаза вдруг расширились. Он уставился куда-то за спину Элая.

— Он здесь... — это были его последние слова.

В комнате мгновенно стало тихо. Даже ложки на столах замерли. Лорик развернулся первым, уже поднимая секиру. У входа никого не было. Но в стекле окна, над стойкой, на миг мелькнула чья-то фигура — высокая, слишком худая, с неестественно длинными руками. Она не отражалась как человек. Скорее как тень, решившая вспомнить, что у нее есть тело. Мерзкая, противная, даже через тень ощущалось инцестность этой фигуры.

Сенд выругался и рванул к окну, но фигура исчезла так же быстро, как появилась.

— Видели? — спросил он.

— Да, — сухо ответил Элай. — И мне это не нравится.

Лорик осторожно опустил секиру.

— Мне тоже. Особенно то, что у меня сейчас мурашки по спине бегут.

Элай сломал сургуч и раскрыл футляр. Внутри лежал сложенный вчетверо лист и маленький кусок черного воска, на котором был выдавлен странный знак — круг, пересеченный тремя рваными линиями. Он развернул письмо и быстро прочитал. По мере чтения лицо его становилось все мрачнее.

— Что там? — спросил Сенд.

Элай поднял глаза.

— Магистрата уже нет. Точнее, он мертв. Башню заняли люди, которые называют себя хранителями. Еще одна чертово сборище. Они ищут то, что он прятал. И, судя по письму, им известно, что один из нас уже слишком близко подобрался к правде.

— Чудесно. Значит, нас вычислили. — Лорик помрачнел.

— Не только нас, — тихо сказал Элай. — Послушай дальше. Он снова взглянул в письмо.

— «Не доверяй никому из круга. Пленник не был в клетке один. То, что привезли в столицу, было только частью. Остальное уже среди нас. Если герцог мертв, значит, оно нашло путь к сердцу города — это начало конца». Вот и все.

Сенд медленно выпрямился.

— Часть? Ты хочешь сказать... их было несколько?

Элай кивнул.

— Похоже на то.

Лорик тяжело выдохнул и провел ладонью по лицу.

— То есть у нас не одна тварь, способная прикинуться человеком, а несколько. И кто-то из них уже внутри города. Великолепно. И я так понимаю, это уродливое дерьмо, еще что-то ищет?

Снаружи снова раздался тот самый колокольный звук — только теперь ближе. Четче. И к нему примешался другой шум: крики на улице, топот, ржание лошадей.

Хозяйка постоялого двора побледнела еще сильнее.

— Что происходит?

Элай уже складывал письмо.

— Началось, — сказал он. — И если мы останемся здесь, нас либо убьют, либо используют.

Сенд быстро огляделся.

— Куда идем? Может соберем твоих подручных?

Элай посмотрел на него так, будто ответ был очевиден.

— В башню магистрата. Если там еще есть хоть кто-то живой, он знает, где искать вторую часть. А если нет... значит, нам придется искать по следам тех, кто ее уже нашел. А можем получиться и отыскать помощь, среди кого-то достойных.

Гор ухмыльнулся, но улыбка вышла мрачной.

— Наконец-то что-то похожее на план. — я уже думал, что вы эльвы совсем мозги потеряли. Он сжал рукоять секиры, так что побелили костяшки. — Башни, магистраты.... прекрасно... еще одно дерьмо нас ждет. Ненавижу его.

Элай посмотрел на дверь, даже в его глазах, стал чувствоваться страх.

— Отлично. Оно нас ждет. Добрый гном. Идемте не будем терять времени. Его и так уже нет.

И они отправились к башне магистрата — Сэнд, еще не до конца оправившийся после ран, Элай, терзаемый сомнениями, и Лорик, жаждущий ответов. Они шли туда в надежде найти истину, скрытую за ее мрачными стенами.

Глава 4 - Башня

Потерять себя. Значит изменить своим идеалам.

Сэнд.

Ночь уже опустилась на город, и редкие огни в окнах лишь слабо разрывали густую темноту. Узкие улочки у трактира тонули в тени, будто сама ночь стремилась поглотить их целиком. Сэнд, Элай и Лорик почти спешили — времени у них оставалось слишком мало, а беда с каждой минутой становилась ближе. Сэнд шел с трудом, все еще не до конца оправившись после раны. Его ладони горели и ныли, будто под кожей до сих пор тлел тот пурпурный огонь. Он и сам не до конца понимал, как осмелился направить эту силу на повара. Сэнд не считал себя жестоким. Он всегда старался помогать тем, кто был рядом. Но теперь ему казалось, что что-то в нем самом начало меняться, и это пугало сильнее любой внешней угрозы. Мысли о том, что ради спасения матери ему, возможно, придется причинить вред невинным, не давали покоя. Сэнд не жаловался — он вообще не умел жаловаться. Только сильнее сжимал зубы, и по напряженному лицу было видно, как тяжело ему дается каждый шаг. Под плащом он крепко держал отцовский кинжал. Перед уходом Элай показал, как носить его так, чтобы оружие не бросалось в глаза. На магию нельзя было полагаться без конца — особенно когда она так дорого обходилась телу. Нужно было быть готовым и к другому пути. Но больше всего Сэнд боялся, что в решающий момент подведет не сила, а он сам. И, глядя на Элая, он невольно замечал в нем то, чего раньше не видел: сомнение. Брат держался уверенно, но в его молчании и в самом шаге чувствовалась сдержанная тревога. И тогда в голове у Сэнда возник один тяжелый вопрос.

— Неужели даже Элай не до конца верит в то, что они делают? — от подобных мыслей было крайне не просто было избавиться.

Ночь уже окончательно накрыла город, и улицы вокруг башни погрузились в тяжелую, вязкую тишину. Лишь колокол, не умолкавший с тех самых пор, как они вышли из трактира, продолжал глухо и мерно бить где-то в темноте, будто сам Вейс подавал тревожный, надломленный голос. Чем ближе они подходили, тем явственнее становилось: здесь творилось нечто дурное, и дурное это успело пустить глубокие корни. Элай, даже с той тенью неуверенности, что иногда проскальзывала в его взгляде, держался так, как и подобало эльву его положения. Он не позволял себе ни лишнего слова, ни лишнего движения. В руках у него был не только меч — длинный, с непривычно вытянутой рукоятью, больше похожий на узкую саблю, чем на обычный клинок. В тусклом свете он казался почти чужим, нездешним, словно его и впрямь выковали мастера из эльвских общин, затерянных в чаще Золотого леса. Под плащом у Элая скрывался и дротик — небольшое метательное оружие, которое можно было выхватить в одно мгновение. Для узких переулков и тесных коридоров башни оно подходило не хуже меча, а может, и лучше. Сэнд заметил это еще раньше и невольно подумал, что его брат готовился ко всему, даже к тому, о чем не говорил вслух. Он умел скрывать тревогу, но она все равно жила где-то рядом — в резком повороте головы, в слишком внимательном взгляде, в том, как он изредка сжимал рукоять меча. И все же Элай шел вперед, будто заранее решил, что назад дороги нет. Лорик, напротив, шагал с той самой гномьей упрямой уверенностью, которая не нуждается в лишних словах. Обычно он не упускал случая отпустить колкость, буркнуть что-нибудь едкое или рассмешить их грубоватой шуткой, но сейчас был непривычно молчалив. И все же это молчание не было страхом. Скорее, это было спокойствие гнома, который слишком многое повидал, чтобы удивляться мраку. Секира у него лежала под рукой, арбалет висел за спиной, а в дорожной сумке, по всей видимости, еще оставалась солонина — Лорик и в такую минуту мог бы спокойно отломить кусок, если бы посчитал нужным. Для него война давно стала не страшной легендой, а частью жизни. Он видел смерть и среди людей, и среди

гномов, и потому какие-то твари, которых привел сюда герцог Дерион, точно не смогли бы его сломить. Улицы были подозрительно пусты. Обычно по ночам и без того редкие жители трущоб — особенно эльвы — старались не показываться наружу. Патрули могли остановить их, обыскать, а то и бросить в темницу без долгих разговоров. Но теперь не было видно даже тех, кто обычно прятался в тених. Не попадалось ни нищих, ни торгашей, ни спешащих по своим делам людей. Только колокол продолжал бить, и этот звук, ровный и тяжелый, с каждой минутой становился все тревожнее. Сэнд не мог отделаться от мысли, что город будто вымер. И от этого становилось еще хуже. Пустота пугала сильнее криков. Они миновали несколько постов стражи. Некоторые оказались брошены, другие — подозрительно пусты, а часть, как не без раздражения понял Сэнд, Элаю удалось пройти, сунув стражникам пару крон. Никто не задавал лишних вопросов. Никто не спешил выяснять, что именно происходит у башни магистрата. И это молчание было едва ли не страшнее открытой угрозы. Когда впереди наконец выросла сама башня, Сэнд невольно замедлил шаг. Она не была такой высокой, как маяк или главные башни, где располагались коллегия, инквизиция или покои герцога. Но в ночи она казалась почти живой. Узкая, вытянутая к небу, с гладкими стенами, в которых лунный свет отражался холодным серебром, башня выглядела необычайно красиво — и от этого еще более зловеще. В ее облике было что-то чужое, почти гномье, и Сэнд вспомнил слова Лорика о выточенном металле и камне, которые не казались мертвыми даже под землей. У подножия башни стояли покосившиеся повозки. Кто-то, похоже, бросил их в панике, будто надеялся тем самым спастись. Рядом валялись вывороченные ворота — не просто сорванные с петель, а разорванные, будто их рвали на части голыми руками. Или когтями. Элай нахмурился. Сэнд, Лорик и он сам остановились почти одновременно. Каждый напрягся, каждый был готов к бою. Лорик выхватил секиру. Элай сжал дротик, будто собирался метнуть его в любую секунду, и, не глядя, чуть оттеснил Сэнда назад, словно хотел закрыть его собой. И тут из дверного проема вышла фигура — не то человек, не то эльв, не то перевертыш.

— Теперь вы понимаете, почему я не люблю чертовы башни? — мрачно бросил Лорик, уже примериваясь к удару.

Но незнакомец не дал напряжению перерасти в столкновение. Его голос прозвучал неожиданно спокойно, почти насмешливо:

— Ну что же вы сразу хватаетесь за оружие? Не стоит. Вы ведь пришли разобраться в башне. И мне это тоже нужно. Давайте объединим усилия. Тем более, как я вижу, вы люди крепкие.

Сэнд узнал его сразу.

— Это ты! — вырвалось у него с такой яростью, что голос сам сорвался. — Ты приходишь ко мне во снах. Из-за тебя я проклят. Из-за тебя я слышу эту проклятую песню!

Ненависть, которую он так долго сдерживал, прорвалась наружу. И прежде, чем Сэнд успел сделать хоть шаг, его брат Элай, не обращая внимания на то, что происходило вокруг, резко метнул дротик в незнакомца. Бросок был быстрым и точным, как он и рассчитывал. Но фигура в маске, отлитой будто бы из чистого золота, даже не дрогнула — он лишь легко, почти лениво, ушел в сторону, и дротик с сухим стуком врезался в стену позади него. После этого фигура в маске спокойно двинулась к ним навстречу. Лорик, не желая ждать дальше, первым сократил дистанцию и обрушил на неизвестного мощный удар секирой. Однако лезвие встретило не плоть и не сталь, а нечто иное — невидимый магический щит, упругий и непробиваемый, словно воздух вдруг стал камнем. Удар не причинил незнакомцу ни малейшего вреда. Тот даже не попытался ответить. Он просто прошел мимо, будто перед ним стояли не вооруженные бойцы, а тени, не заслуживающие внимания. Это особенно задело Лорика. Гному, привыкшему полагаться на силу рук и надежность стали, было тяжело смириться с собственной беспомощностью. Его лицо потемнело, а в глазах мелькнуло глухое раздражение, смешанное с досадой. Сэнд же не стал бросаться вперед безрассудно. Он видел достаточно, чтобы понять:

спешка здесь только навредит. Вместо этого он шагнул чуть в сторону и заговорил, стараясь удержать голос ровным:

— Ты знаешь, зачем мы здесь. И ты нас опередил.

Элай и Лорик не сводили с незнакомца глаз. По их взглядам было ясно, что они готовы повторить попытку в любую секунду. Маска из золота чуть повернулась к Сэнду.

— Все верно, — спокойно ответил он. — Как я уже говорил, у нас одна цель. И если уж на то пошло, вы должны быть мне благодарны. Мне удалось объединить вашу семью. Но теперь перед нами задача куда более серьезная. В его голосе не было ни угрозы, ни насмешки. Он говорил так, словно обсуждал нечто само собой разумеющееся. И, пожалуй, именно это пугало сильнее всего. Каждый из них уже успел услышать достаточно о том, что творится в городе, чтобы понимать: речь идет не о простой случайности, и не о чьей-то игре.

Наконец Элай и Лорик медленно опустили оружие. Элай, не выпуская ситуацию из-под контроля, нагнулся и поднял свой дротик. Оставлять такие вещи на полу было глупо — хорошее метательное оружие стоило дорого, да и не каждый кузнец взялся бы выковать подобное в ближайшее время. Незнакомец в маске тем временем слегка поправил пурпурную накидку и, сняв одну перчатку, жестом позвал их за собой. Его движения были выверенными и сдержанными — в них чувствовалась и благородная выправка, и что-то от воинской выучки. Он не торопил их, но ясно показывал, что медлить тоже не следует.

— Идемте. Не будем терять время. — Подытожил незнакомец.

Они вошли в башню магистрата, и с первых же шагов стало ясно: снаружи она казалась гораздо уже, чем была на самом деле. Изнутри башня поражала неожиданным простором — словно в ее стенах скрывалось куда больше места, чем могло показаться с улицы. Три просторные гостиные с легкостью поместились бы здесь одна за другой, и все же здесь не горел ни один факел, ни одна свеча. Только темнота и беспорядок. Повсюду валялись разбросанные вещи, опрокинутые стулья, сломанные подсвечники, клочья ткани. То тут, то там лежали тела. Без крови. Без явных следов борьбы. Все было пугающе чисто, и именно эта мертвая опрятность заставляла сердце сжиматься сильнее, чем любой след резни. Незнакомец снова поднял бледную, почти прозрачную руку, приказывая остановиться. В его осанке и манерах угадывалась аристократическая выправка, но вместе с тем в нем чувствовалась и военная выучка — как будто он привык одинаково хорошо и к залам, и к полям сражений. Он снял вторую перчатку и, обратившись к Сэнду, учтиво произнес:

— Не одолжишь мне кинжал?

Сэнд помедлил. Отдавать кинжал ему не хотелось. Это был отцовский клинок — одна из немногих вещей, что уцелели после прошлого. Второй памятью об отце был только амулет, находившийся у Элая, да еще обрывки воспоминаний, которые хранила их мать. И все же он передал оружие незнакомцу, чувствуя в глубине души сильную неприязнь, которую не мог объяснить до конца. Тот принял кинжал с осторожностью, словно держал в руках не просто сталь, а редкую реликвию. Он осмотрел его, взвесил на ладони, подбросил, поймал, затем на миг задержал взгляд на лезвии. После этого он сделал глубокий надрез на собственной руке и начал произносить заклинание на древне-эльвском языке. Ни Элай, ни Сэнд, ни тем более Лорик не понимали слов, которые он выговаривал. Голос звучал ровно и уверенно, в нем не было ни напряжения, ни страха.

— Астарей....Азерей.... — повторял он снова и снова, сопровождая слова сложными жестами раненой рукой.

Лорику это даже показалось чем-то вроде циркового представления, ловким жонглированием, только слишком уж опасным. Но Элай, наблюдавший внимательнее прочих, заметил совсем другое.

— Удивительная грация, — тихо произнес он. — С такими навыками он мог бы соперничать даже с верховным магом Коллегии Инаэлем.

Сэнд смотрел на незнакомца с растущим интересом. По сравнению с ним тот действительно казался человеком высшей пробы — мастером своего дела, тем, на кого невольно хочется равняться. А может быть, и учиться у него, если, конечно, удастся дожить до этого момента. Закончив, он осторожно взял красный платок — видимо, чтобы не запачкать кровью перчатку или не оставить лишних следов, — и медленно вытер порезанную руку. После этого он с прежней учтивостью вернул кинжал Сэнду. Сначала ничего не происходило. Воздух вокруг оставался неподвижным, мрачным и тяжелым, как будто сама башня затаила дыхание. Но уже через мгновение вокруг них вспыхнул красный барьер, сомкнувшийся кольцом вокруг спутников, чья цель, как выяснилось, действительно была общей. Лорик по-прежнему держал в руках секиру. Он недовольно повел плечами, чуть поправил шлем, сползавший ему на лоб, и бросил на незнакомца тяжелый, настороженный взгляд. Элай же не сводил с него глаз ни на секунду. Он следил за каждым движением, словно надеялся одним только взглядом вырвать из маски хотя бы часть правды. Элай привык не доверять первому встречному, особенно если тот был магом. Хотя он сам и был эльвом, к чародеям относился скорее настороженно, чем враждебно. Сэнд же не выдержал первым. Он шагнул чуть вперед, напряженно глядя на незнакомца, и спросил:

— Как ты это сделал? Ты можешь мне объяснить? При этом он держал руки немного в стороне от тела, потому что они до сих пор не слушались его как следует. Пальцы то немели, то снова начинали покалывать, будто в них до сих пор жил остаток чужой воли.

Незнакомец чуть повернул голову в его сторону. Даже сквозь маску в его голосе слышалась улыбка, сухая и едва заметная, как лезвие в темноте.— Легко, мальчик. Всего лишь века тренировок, сотни увечий и травм. И, как я вижу, свою первую ты уже получил. Он едва заметно махнул рукой, подзывая их за собой, и этим жестом ясно дал понять, что нужно двигаться быстрее и тише.

— Я все объясню, но нам нужно спешить. — словами он пытался напомнить спутникам, о том, что им нужно двигаться.

— Куда ты нас ведешь? — с явным напряжением спросил Элай. Он не узнавал башню. А ведь бывал здесь не раз. Когда-то он приходил сюда на переговоры с магистратом, пытаясь выведать новую информацию или найти полезные связи для своей организации. И все же сейчас это место казалось ему чужим. Слишком тихим. Слишком пустым. Слишком неправильным.

— Это уже не та башня, что была прежде. Можешь так не вглядываться. Ты здесь почти ничего не узнаешь, — ответил незнакомец так, будто действительно читал мысли Элая.

Он говорил спокойно, не сбиваясь, и одновременно поддерживал барьер, сплетенный из магии крови. Красное свечение тянулось вокруг них, словно тонкая живая рана в воздухе, и каждый шаг давался под его защитой чуть увереннее.

— Начнем издалека, — продолжил он. — Путь нам предстоит неблизкий. И чтобы добраться наверх, сначала придется спуститься в самое глубокое подземелье. Лорик уставился на него так, словно перед ним стоял безумец. Гном явно не мог понять, как вообще можно подниматься, если сначала нужно идти вниз.

— Ты что, совсем рехнулся? — резко бросил он.

Незнакомец тихо усмехнулся, стараясь не дать эху расползтись по коридорам. В этих стенах даже самый слабый звук мог обернуться бедой. И, похоже, он знал это лучше остальных.

— Башни города Вейс были построены еще при Арлее Жестоком, — заговорил он снова, почти вполголоса. — А над проектом работал удивительный архитектор по имени Эмеральд Проницательный. Он задумал все так, чтобы чужак не смог просто войти сюда, взять нужное и уйти без труда. Поэтому здесь действует необычный механизм. Чтобы подняться вверх, нужно сначала спуститься вниз. Для многих это кажется нелепостью, но именно в этом и заключалась задумка. Гном был, мягко говоря, поражен. В его представлении все должно было быть куда

проще и честнее: есть молот, есть наковальня, есть металл — бери и работай. А здесь, в человеческой башне, даже путь вверх строился через спуск, будто мир нарочно любил путать тех, кто привык к прямым дорогам.

— Люди, как всегда — пробормотал Лорик себе под нос.

Незнакомец шел впереди, уводя их все глубже в башню, и время от времени просил обернуться назад. Он напоминал, что где-то в темноте может скрываться нечто чужое, наблюдающее за ними. И в его голосе не было сомнения — лишь спокойная, почти неприятная уверенность в том, что это действительно возможно. Они шли дальше, но дорога, казалось, не укорачивалась. Наоборот — с каждым шагом становилась все длиннее, будто сама башня растягивала пространство, не желая отпускать их так просто. Стены вокруг были сырыми и холодными, в камне проступали старые трещины, а в редких нишах темнели следы давно потухших светильников. Где-то в глубине что-то тихо поскрипывало, словно старый механизм шевелился во сне. Наконец незнакомец обратился к Сэнду по имени:

— Сэнд Теперь слушай внимательно. Я, возможно, был не слишком учтив, но должен объяснить тебе, как работает магия, прежде чем ты сам себя покалечишь. И особенно — прежде чем это сделает твой брат. Его амулет хоть и древний, из времен Эльвской империи, но когда-то принадлежал далеко не самым искусным магам. Такие вещи не терпят небрежности.

Сэнд насторожился еще сильнее, но вместе с тем почувствовал и любопытство. Ему действительно хотелось понять, что происходит. Пусть ступени уже успели ему надоест, а мысль о возможной слежке не отпускала ни на миг. Незнакомец продолжил, не оборачиваясь:

— Магия — вещь сложная. Не все способны овладеть ею по-настоящему. Кто-то чувствует ее лишь краем сознания, кто-то умеет касаться ее на мгновение, а кто-то проводит с ней всю жизнь и все равно остается лишь учеником.

Факелы на стенах заменяли редкие вкрапления тусклого лишайника, дававшего мертвенно-бледный свет. Сэнд чувствовал, как тяжелеют ноги: каждый пролет казался бесконечным, а пространство между этажами словно растягивалось, превращаясь в вязкий кисель. Незнакомец шел впереди, не сбивая дыхания, и его голос, глухой из-под маски, лился ровно, заполняя пустоту каменного мешка.

— Магия — это не просто шепот на древнем языке, Сэнд, — заговорил он, не оборачиваясь. — У нее тысячи лиц, но истинных мастеров почти не осталось. То, что ты видел здесь, в этих коридорах — плод десятилетий изнурительного труда, отточенное до остроты бритвы искусство. Способных на такое в нынешние времена можно пересчитать по пальцам одной руки. Пожалуй, только я, Инаэль и пара-тройка дряхлых старейшин в Золотом лесу еще помним, каково это — чувствовать изначальную силу. Всем остальным не дано ощутить даже тени той легкости, с которой мы воздвигаем барьеры и плетем узоры заклятий.

Он остановился на мгновение, и Сэнд увидел, как на перчатке мага блеснула свежая капля багрянца.

— В магии правит один закон, суровый и честный — чтобы что-то получить, нужно что-то отдать. Без жертвы нет подлинной силы. Без крови нет жизни в заклинании. Ты понимаешь меня?

Сэнд нахмурил свои заостренные, по-эльвийски выразительные брови. Тяжесть в груди стала ощутимее, но он кивнул.

— Да. Я понимаю.

Незнакомец двинулся дальше, увлекая их в самую глубь башни, где воздух становился холодным и пах озонем. Он начал вникать в детали, которые раньше Сэнду показались бы бредом сумасшедшего. Он объяснял, что арканы крови — лишь один из путей, пусть и самый прямой.

— Есть те, кто отмечен иначе, — продолжал он тише. — Тени прошлого, маги с клеймом Черных Драконов. Они рождаются раз в несколько столетий, и только среди вашего народа. Им

всё так же нужна кровь, чтобы пробудить силу, но они — сосуды иного порядка. Тело такого мага не выгорает изнутри от каждого заклятия, он не платит своим здоровьем за каждое слово власти. Для них открыты стихии, зов природы, сама суть мироздания... То, что для обычного адепта крови навсегда останется запёртой дверью. Маг на мгновение замолчал, а затем добавил с явным презрением в голосе.

— А есть еще и обычные маги. Имитаторы. Пустышки. У них нет ни искры, ни капли врожденного дара. Они пытаются возместить это десятилетиями зубрежки, усердием, молитвами... но без таланта они лишь обезьяны, пытающиеся повторить движения ювелира.

Сэнд слушал, стараясь уложить эти откровения в голове.

— Удивительно. Значит, нужны талант, годы труда, а лучше всего — еще и метка дракона? — попытожил он, чувствуя странную дрожь в пальцах.

— Именно, — незнакомец слегка повернул маску в его сторону, и Сэнду показалось, что из прорезей на него взглянула сама тьма. — И у тебя, малец, кое-что из этого списка уже имеется. Так что я подумаю. Возможно, я и научу тебя паре фокусов, которые не убьют тебя в первую же секунду.

Позади них, стараясь не отставать, шли Лорик и Элай. Им казалось, что этот поход длится уже вечность. Ощущение времени в башне было искажено намеренно—древние строители Вейса заложили в кладку стен чары запутывания путей. Для тех, кто знал правильный маршрут, переход занимал считанные минуты. Но для незваных гостей, бредущих наугад, пространство растягивалось в бесконечный лабиринт, выматывая душу и тело. Лорик, тяжело дыша и крепче сжимая топориче, подошел вплотную к Элаю.

— Знаешь, парень, не нравится мне всё это. Совсем не нравится, — пробасил он, косясь на длинные тени, плясавшие по стенам.

— Ты о чем? — Элай едва заметно вздрогнул, его рука непроизвольно легла на эфес оружия.

— Да обо всём! — проворчал гном. — Мы тащимся по этой проклятой башне уже черт знает сколько. В спину нам наверняка дышат те, кто нас преследует, а твой братец тем временем завел дружескую беседу с этим типом в маске. Ты посмотри на них, воркуют, как старые знакомые. Мы вообще зачем здесь? Чтобы сгинуть в подвале или чтобы твой малец лекции по магии слушал?

Элай помрачнел. На лбу его пролегла глубокая складка. Он и сам понимал всю абсурдность их положения: они доверяли свою жизнь незнакомцу, который только что пустил им кровь, находясь в месте, которое активно пыталось их свести с ума.

— У нас нет выбора, Лорик, — глухо ответил он. — Нам нужно разобраться, что здесь происходит, пока эта башня не стала нашей общей могилой. И если этот маг — наш единственный шанс, я готов терпеть его речи. Пока что. Наконец, спустя долгое время, они добрались до нужного места. Для любого другого это показалось бы не залом и даже не комнатой, а просто затхлым подземельем, вырезанным прямо в толще камня. Здесь не горели факелы, не мерцали светильники, и оттого мрак казался особенно густым, почти осязаемым. Воздух стоял тяжелый, сырой, пропитанный плесенью, старым камнем и чем-то еще — едва уловимым, но неприятным, словно в глубине стен скрывалась давняя смерть. Тишина была такой плотной, что каждый шаг отдавался в ушах слишком громко, будто сама башня прислушивалась к ним. По дороге сюда они прошли уже слишком много. Коридоры петляли, лестницы поднимались и обрывались там, где, казалось, должны были вести дальше, а стены то сходились слишком близко, то вдруг расходились в пустые, мрачные пролеты. В башне легко было потерять счет времени: минуты растягивались, превращаясь в часы, а несколько переходов — в ощущение бесконечного пути. Для тех, кто знал дорогу, здесь все было просто. Для чужаков же камень будто менял направление, сбивал с толку, шептал ложные повороты и заставлял снова и снова возвращаться к одному и тому же месту. Незнакомец остановился и поднял руку.

— Пойдите, — отчетливо сказал он. — Дальше нужно быть крайне осторожными.

Он шагнул вперед, не прекращая поддерживать барьер. Слабое сияние, окружавшее их, стало чуть ярче, чтобы можно было хоть что-то различить в этой слепой тьме. Свет ложился неровными пятнами на стены, выхватывая из мрака влажный камень, старые трещины и ржавые потеки, будто тут когда-то давно проливалась кровь. Незнакомец вытянул руку и нащупал стену. Некоторое время он медленно водил ладонью по камню, ощупывая его с такой точностью, словно искал не просто рычаг или тайный замок, а саму память башни, спрятанную глубоко внутри ее кладки. Именно в этот миг из темноты позади них донесся низкий, глухой рык. Не громкий, но такой, от которого по спине мгновенно пробежал холод. Рык был не человеческий, не звериный в привычном смысле — он звучал так, будто что-то древнее и голодное только что проснулось и почувало добычу. Все трое резко обернулись. А незнакомец продолжал, изучать стену не обращая внимания на подобные звуки. Лорик тут же принял боевую стойку. Его рука дернулась было к арбалету, но он почти сразу отбросил эту мысль. В такой темноте выстрелить было бы все равно что бить вслепую. Он не видел дальше собственной вытянутой руки, даже сквозь барьер, а значит, арбалет сейчас был бесполезен. Стиснув зубы, гном перехватил секиру обеими руками. Тяжелое оружие привычно легло в ладони, словно единственное, чему здесь вообще можно было доверять. Элай уже вытащил свою саблю. Длинный, изогнутый клинок тускло блеснул в скудном свете барьера. Он взял его обеими руками, понимая, что в таком тесном месте и против крупных тварей это будет гораздо надежнее. Его лицо стало жестким, собранным, а взгляд — холодным и острым, как лезвие оружия. Сэнд же выхватил кинжал, хотя и сам понимал, что от этого маленького клинка вряд ли будет много пользы. Он был готов снова обратиться к заклинаниям, даже зная, какой ценой это может обернуться. Он чувствовал, как внутри уже поднимается знакомая тяжесть — магия требовала слишком многого, а его тело и так было истощено. Еще одно заклинание могло сломать его окончательно. Но выбора не оставалось. Из темноты одна за другой начали выходить твари. Сначала они казались лишь сгустками тьмы, неровными силуэтами, двигающимися рывками, словно сама ночь решила обрести форму. Но вскоре барьер выхватил из мрака их настоящие обличья — и от этого стало только страшнее. Это были не перевертыши. Не звери. Не люди. Перед ними стояли настоящие темные существа, уродливые и омерзительные до дрожи. Лысые, с серой, почти мертвой кожей, покрытой пятнами грязи и запекшейся слизи. От них тянуло гнилью и сыростью могилы. Рты были слишком широкими, а зубы — длинными и неровными, как обломки кости. В этих зубастых пастьях застыла мерзкая, хищная усмешка, и казалось, что такие челюсти способны прогрызть даже закаленный доспех. Но больше всего удивляло другое. На них были доспехи. Потемневшие, старые, но все же настоящие. На некоторых — перекошенные нагрудники. На других — наплечники и ремни. В лапах они сжимали узкие заостренные мечи, больше похожие на оружие, чем на случайно подобранный металл. И двигались они не как стая безмозглых зверей, а как отряд, пусть и грубый, но все же обученный. Они не кинулись сломя голову. Наоборот, начали медленно выстраиваться в ряд, занимая почти весь проход. В тесном пространстве их было видно сразу десятком, а может, и больше, и каждый шаг они делали синхронно, плавно, выставив мечи вперед.

— Дерьмо, откуда у них еще и доспехи?! — выкрикнул Лорик и крепче сжал секиру.

Элай, не отрывая взгляда от тварей, резко бросил через плечо

— Быстрее! Что бы ты там ни делал, мы долго не продержимся!

Незнакомец не ответил. Он продолжал ощупывать стену с упрямством человека, которому было важно найти выход раньше, чем их всех разорвут на куски. Его пальцы скользили по старому камню, по едва заметным швам, по выступам, которые обычный взгляд бы и не заметил. Тем временем твари двинулись ближе. Сначала медленно, почти размеренно, словно проверяя их страх. Потом чуть быстрее. В их движениях чувствовалась злая уверенность. Они знали, что у противников мало места для маневра. Знали, что барьер не будет держаться вечно.

И, похоже, были готовы растянуть эту расправу как можно дольше. Лорик не выдержал первым. С яростным рыком он рванул вперед, и любой со стороны сказал бы, что это безумие. Один против целого строя. В тесном проходе, в почти полной темноте, против существ, которых даже видеть толком не удавалось. Но уже в первые секунды стало ясно—безумие бывает разным. Первая тварь не успела даже поднять меч. Секира Лорика обрушилась сверху вниз с ужасающей силой, разрубив ее почти пополам. Следующая получила удар боком и, захлебнувшись хрипом, рухнула на каменный пол. Третью гном задел уже обратным движением — коротко, резко, с такой точностью, будто рубил не в ярости, а по давно отработанному замаху. Кровь, темная и густая, брызнула на стены и зашипела на камне. Тут же в бой вступил Элай. Он двигался совсем иначе. Не с грохотом, не с дикостью, а легко, почти бесшумно. Его сабля скользила в руках как продолжение тела. Он не делал ни одного лишнего движения, не тратил силу впустую. Каждый взмах был выверен до опасной красоты. Он уходил от ударов в самый последний миг, разворачивался, бил по шее, по суставам, по незащищенным местам в доспехах. Там, где Лорик ломал и крушил, Элай резал и прорывал оборону. Его лицо оставалось напряженным, но спокойным, и только сжатые губы выдавали, сколько усилий ему стоила эта схватка. Сэнд остался чуть позади, стараясь не мешать им, но от этого ему было не легче. Сердце колотилось так сильно, что больно отдавалось в груди. Он видел кровь, слышал звон стали, слышал, как кто-то захлебывается глухим хрипом, но сам будто застыл. Перед глазами все плыло от страха и напряжения. Он никогда не видел таких существ вблизи. Не сражался в подобной тесноте. Не чувствовал, как смерть дышит рядом в сыром, темном коридоре. Одна из тварей метнулась к нему, но Сэнд успел лишь отступить и выставить кинжал. Лезвие скользнуло по ржавому доспеху, не причинив почти никакого вреда. Существо зашипело, ударило его в плечо, и Сэнд едва не рухнул на колени. Внутри вспыхнула паника, и вместе с ней поднялось отчаянное желание снова обратиться к магии. Он уже чувствовал, как под кожей начинает собираться сила, опасная и жгучая, требующая выхода. Но вместе с ней пришла и боль — знакомая, жуткая, обещающая расплату.

— Соберись! — крикнул Элай, отбиваясь сразу от двух тварей. — Добивай их!

Эти слова словно вырвали Сэнда из оцепенения. Он резко вдохнул, заставил себя смотреть не на ужас, а на движения врага. На плечо. На руку. На открытый бок. На то, где доспехи сидели криво. Где можно ударить. Где можно выжить. И тогда он понял простую истину, о которой в любой настоящей схватке вспоминают слишком поздно. ***В бою побеждает не тот, кто сильнее или свирепее. А тот, кто раньше перестанет бояться.***

Выходить в одиночку против стаи, даже если ты прошел сотню битв, было чистым самоубийством. Эти твари не были просто дикими зверями — в их повадках сквозила расчетливая, ледяная жестокость. Они наносили удары с пугающей точностью, метя в сочленения доспехов и открытые участки плоти, чем приводили в неистовство и гнома, и эльва. Те отбивались яростно, но слаженности в их действиях не было. Элай кружился в безупречном, смертоносном танце. Его длинный клинок свистел, описывая серебристые дуги, удерживая тварей на расстоянии. Он работал на износ, используя каждый дюйм стали, чтобы не подпустить к себе когтистые лапы. Однако командная игра отсутствовала напрочь — эльв едва не задел Лорика, когда тот, рыча от натуги, в очередной раз обрушил свою тяжелую секиру на врага. Гном действовал грубо, напролом, буквально вминая черепа существ в каменный пол. Но стоило ему покончить с очередной бестией, как сзади, пользуясь его неповоротливостью, на него прыгнула еще одна тварь. Сэнд в этот момент не думал ни о ком, кроме себя. Ужас парализовал его, заставляя лишь крепче сжимать рукоять и пятиться. Он видел, как челюсти существа сомкнулись на предплечье Лорика там, где кожа не была прикрыта металлом. Зубы вошли глубоко, с влажным хрустом разрывая мышцы. Гном взревел — этот крик, полный боли и первобытной злобы, отразился от сводов пещеры.

— Ах ты, выкидыш безродный! Я тебя на куски изорву! — прохрипел Лорик, пытаюсь свободной рукой отодрать от себя вцепившуюся мразь.

Но прежде чем он успел скинуть одну, на него навалилось второе порождение тьмы. Тяжелая туша сбила коротышку с ног, придавив к холодному камню. Жизнь Лорика висела на волоске, и смерть уже потянулась к нему своими костяными пальцами, когда из тени метнулся Элай. Эльв возник рядом почти мгновенно. Короткий, хирургически точный взмах меча — и голова твари, забрызгав всё вокруг черной жижей, откатилась в сторону. Удар был настолько резким и сильным, что струя горячей, вонючей крови ударила прямо в лицо Сэнду. Тот вскрикнул, отпрянул и позорно рухнул на задницу, судорожно вцепившись в свой кинжал. Пока Незнакомец, не обращая внимания на бой, лихорадочно обшаривал углы в поисках чего-то ведомого лишь ему, Элай за шиворот оттащивал раненого гнома назад. Твари не спешили. Они сужали кольцо медленно, капля за каплей выдавливая из защитников надежду. Они знали: их добыча истощена, ранена и загнана в угол. Резня была лишь вопросом времени. Сэнд, ослепленный кровью и окончательно потерявший рассудок от безысходности, вдруг почувствовал, как страх внутри него перекипает в некое подобие безумия. Понимая, что конец неизбежен и будет он мучительным, он вскинул клинок. В голове билась одна мысль — покончить с этим самому. Он уже замахнулся, чтобы вонзить сталь себе в руку, принося то ли жертву, то ли пытаясь избавиться себя от боли, как вдруг холодная ладонь Незнакомца железной хваткой перехватила его запястье. Незнакомец сжал его руку так крепко, что Сэнд едва не выронил клинок. В его взгляде не было ни жалости, ни страха — только сухая, почти жестокая решимость человека, который не позволял отчаянию брать верх.

— Не смей, — коротко бросил он.

Сэнд дернулся, пытаясь вырваться, но пальцы незнакомца держали его мертвой хваткой. В тот же миг где-то над их головами, в глубине каменного свода, раздался низкий, протяжный гул. Он шел будто из самой башни — не звук, а предвестие чего-то древнего и чуждого, проснувшегося слишком поздно. Твари, окружавшие их, на мгновение замерли. Их тупые, но хищные морды разом повернулись к источнику звука. В полумраке сверкнули влажные глаза, и в этом блеске было что-то почти разумное, мерзкое в своей осмысленности. Твари на миг замерли, будто и сами не ожидали этого низкого, дрожащего гула, прошедшего сквозь камень. Он нарастал медленно, как глухой рокот далекой бури, запертой глубоко под землей. Стены едва заметно завибрировали. С потолка посыпалась каменная крошка, а вместе с ней — тонкая, сухая пыль, от которой першило в горле. Незнакомец отпустил запястье Сэнда только затем, чтобы резко толкнуть его назад.

— Не стой столбом, — бросил он. — Если хочешь жить, держись за мной.

Сэнд, все еще ошеломленный, отступил на шаг и едва не споткнулся о лежащее на полу тело одной из тварей. Ее шкура была теплой, склизкой, под пальцами ощущалась чужая, мерзкая плоть. Его передернуло от отвращения, но страх оказался сильнее. Он сжал кинжал обеими руками, словно это могло хоть как-то помочь ему устоять на ногах. Элай, тяжело дыша, занял место чуть впереди. На его лице не осталось ни обычной холодной собранности, ни легкости движений — только напряжение и усталость. Лорик, прижимая к себе израненную руку, зло сплюнул кровь на камень и с трудом поднялся на одно колено.

— Ну и что теперь? — прохрипел он. — Надеюсь, эта проклятая башня не решила обрушиться нам на головы. Но гул не стихал. Напротив, он становился все глубже, все тяжелее, и в нем уже слышалось нечто похожее на движение — древнее, медленное, неотвратимое. Будто в самых недрах башни что-то шевельнулось после долгого сна. И тогда одна из стен, до этого казавшаяся сплошной и неподвижной, с тяжелым скрежетом дрогнула. Каменные плиты едва заметно разошлись по шву, словно невидимая рука медленно надавила на них изнутри. Из образовавшейся щели потянуло холодом, таким лютым и мертвым, что у Сэнда свело позво-

ночник. В проеме не было света. Только тьма, густая и беспросветная, будто за стеной лежала не комната и не коридор, а сама пасть бездны.

— Вот оно, — вкрадчиво прошептал Незнакомец, и в его голосе проскользнула пугающая уверенность. — Мы нашли то, ради чего спускались в этот ад.

Действовать нужно было быстро. Незнакомец, не колеблясь ни секунды, вновь полоснул ножом по ладони. Кровь брызнула на камни, и затухающее заклинание вспыхнуло с новой силой, расцветая багровым сиянием. Эта жертва дала им те драгоценные мгновения, в которых они так отчаянно нуждались. Элай действовал решительно — подхватив Лорика под плечи, он буквально вволок гнома в зыбкое полотно портала. Лорик был плох — бледный, осунувшийся, с тяжелой раной, — но в его затуманенном взоре всё еще горело упрямство истинного сына Осаргаров — городов гномов. Следом за ними, едва дыша от ужаса, шагнул Сэнд. Последним, под аккомпанемент разочарованного рева тварей, прыгнул сам Незнакомец. Стена сомкнулась. Проход исчез, словно его и не было. Они оказались в кабинете магистрата, на самой вершине башни. Но надежда на покой испарилась мгновенно. Зрелище перед ними открылось гнетущее: комната была выпотрошена. Книжные шкафы повалены, пол завален обрывками бесценных пергаментов, мебель изрублена в щепки. Казалось, здесь прошелся ураган или некто, одержимый жаждой найти что-то очень важное. Элай осторожно опустил Лорика на уцелевшую кушетку, стараясь не тревожить изгрызенную руку. Укус был глубоким, рваным, и кожа вокруг него уже начинала темнеть.

— Выдержишь? — негромко спросил эльв. — Отлежись немного, пока мы осматриваемся.

Лорик скрипнул зубами и выдавил из себя кривую, болезненную ухмылку, которая, впрочем, немного разрядила густое напряжение в воздухе. — Пустяки... До свадьбы заживет, а до смерти — затянется. Занимайтесь своим делом. Элай повернулся к брату. Сэнд непроизвольно сжался, ожидая привычной суровой выволочки за нерасторопность, но брат лишь положил руку ему на плечо. — Ты как, Сэнд? — голос его звучал непривычно мягко. Младший брат растерялся. В этой пропитанной кровью и магией тишине доброта была самым неожиданным чувством. — Я и представить не мог, что в бою будет так... жутко. Как ты справляешься? Как это может казаться тебе таким простым?

— Всё приходит с опытом, — Элай чуть сжал его плечо, ободряя. — Просто дыши глубже и приди в себя. Судя по всему, эти твари были не последними, с кем нам придется делить клинки сегодня.

Поднявшись, Элай невольно прокрутил в голове недавнюю схватку. Твари сражались не как дикие звери — в их движениях сквозила чудовищная, отточенная точность, а латы и острые клыки делали их опаснее любого наемника. Эльв перевел взгляд на Незнакомца. Тот тяжело дышал, привалившись к стене, и выглядел измотанным: бесконечные заклинания и ритуальное самоистязание истощили его сверх меры. Элай склонил голову в глубоком эльвийском поклоне — жесте искренней благодарности. Как бы он ни не доверял этому человеку, без него их кости уже давно обгладывали бы в подземельях.

— Раз уж мы здесь, нельзя медлить, — проговорил Элай, сразу возвращаясь к делу. — Если они нашли путь в подвалы, то и сюда прорвутся.

Незнакомец не ответил на поклон, он лишь прикрыл глаза, жадно глотая воздух. Тишина в кабинете давила на плечи. С каждой секундой становилось яснее: среди этого хаоса и разорванных свитков найти крупницы истины будет почти невозможно. Тайник магистрата был разграблен задолго до их прихода. Внезапно Незнакомец открыл глаза и губы его тронула странная, почти торжествующая ухмылка.

— Мы на месте, господа, и у меня есть для вас пара новостей. Одна другой краше.

Все трое — даже раненый Лорик — резко обернулись к нему, ловя каждое слово.

— Давай без загадок, — с явным раздражением оборвал его Элай. Его всегда злила манера этого человека или эльва водить их кругами, прежде чем сказать правду. — Говори прямо.

Все трое — даже Лорик, чье дыхание становилось пугающе неровным, — замерли, ловя каждое слово пришельца.

— Давай без загадок, — с сухим раздражением оборвал его Элай. Его всегда бесила манера этого существа — то ли человека, то ли эльва — водить их кругами, прежде чем выложить правду. — Говори прямо.

Незнакомец еще раз окинул взглядом кабинет, проверяя, нет ли у их стен лишних ушей. Никто не знал наверняка, способны ли те, кого звали «перевертышами», принимать форму неодушевленных предметов, но, убедившись, что в комнате посторонних нет, он заговорил тише:

— Начну с дурных вестей. Мы угодили в мастерски сплетенную ловушку. Я и помыслить не мог, что в башне окажется столько мразей. Признаю: нам чертовски повезло, что вы оказались рядом.

Лорик едва удерживался на грани сознания, распластавшись на кожаном диване магистрата. Сэнд как мог заботился о раненом гноме, пытаясь унять его лихорадку, поэтому лишь Элай сейчас мог вести этот тяжелый разговор.

— Сомневаюсь, что мой господин обрадуется вести о скорой гибели Вейса, — продолжал незнакомец, и в его голосе прорезались стальные ноты. — Скажу без прикрас — остановить это нашествие почти невозможно. Город обречен. У каждого из них в глубине души уже всплывала эта горькая мысль. В Артрейне больше не осталось ни мудрого герцога, ни военачальника, способного сплотить великое королевство против угрозы темных сущностей. Пока Инквизиция и Коллегия грызлись за остатки влияния, тьма множилась в самом сердце столицы.

— Я узнал правду, — незнакомец стал еще мрачнее. — Громкая победа Герцога оказалась фарсом. Он разбил лишь слабый авангард, пока основные силы воинства теней выжидали. Таков был их план, просочиться в центр города, захватить ключевые башни и пустить корни, дожидаясь часа, когда ворота распахнутся настежь. Что бы ударить как и с внешней стороны так и изнутри. Тонко выстроенная игра. Слушать это было невыносимо. Артрейн считался оплотом человечества, сильнейшим из двенадцати королевств. Казалось, только союз всех народов Дераверна под единым знаменем мог бы противостоять такой силе, но сейчас все народы и государства были заняты своими делами. Элай, методично очищая лезвие меча от черной сукровицы, поднял взгляд.

— Я чувствовал это. Наша затея с самого начала походила на попытку исцелить покойника. Но ты заикнулся о хороших новостях. Есть хоть что-то, ради чего нам стоит продолжать этот путь?

Незнакомец оценил прямоту эльва. Он заговорил медленно, тщательно взвешивая каждое слово.

— Важно осознать. Артрейн падет, и мы не в силах это предотвратить. Но хорошие новости в том, что сейчас мы в относительной безопасности — стены этого кабинета защищены древними печатями, сюда тварям хода нет. И второе у нас всё еще остается призрачный шанс исправить ошибки предков и загнать этих созданий обратно в бездну.

В этот момент в голове Сэнда вновь зазвучала песня. Но на сей раз она не резала сознание, не вызывала тошноты и боли. Музыка лилась мягко, сплетаясь в осмысленные фразы. Голоса больше не требовали и не угрожали — они шептали, словно старые друзья.

— Прости нас. Мы не хотели причинять тебе боль. Мы лишь искали того, кто сможет услышать, — голоса переливались, превращаясь в единую печальную мелодию.

— Кто вы? — спросил Сэнд в пустоту своего сознания, боясь, что со стороны его молчание выглядит как безумие.

—Мы не можем назвать своих имен не сейчас. Но будь осторожен с этим незнакомцем в маске. Он ведет свою игру, и интересы его далеки от вашего спасения. Он привел вас сюда с умыслом. Он слишком могущественен для простого наемника и плетет сети интриг, подобно пауку в старой роще.

Сэнд так и не успел узнать, что хотел скрыть незнакомец. Голоса в его голове вдруг стихли, и он словно вернулся в реальность — холодную, тяжёлую, пропитанную тревогой. Элай в это время безуспешно пытался открыть дверь, чтобы выбраться из этой проклятой башни, а незнакомец не сводил с Сэнда внимательного, почти испытующего взгляда. Лорик тем временем уснул. Он был слишком истощён, и даже сон у него выглядел не отдыхом, а последним, хрупким укрытием от боли. Незнакомец слегка приблизился, будто вспомнив о своём обещании, и начал молча показывать Сэнду движения рукой. Он не произнёс ни слова — и, пожалуй, слова здесь были не нужны. Всё сводилось к одному и тому же повторению, к жестам, застывшим в воздухе, как древний ритуал. Это были древне-эльвийские знаки магистров, о которых Сэнд когда-то читал в книгах.

Он попробовал повторить их несколько раз, прежде чем неуверенно спросил:

— Возможно ли помочь Лорику? При одной мысли о гноме, лежащем в таком жалком, почти безжизненном состоянии, Сэнду становилось тяжело и неприятно.

— Можно, — спокойно ответил незнакомец. — Но это опасно. И я сомневаюсь, что ты готов. Голос его звучал сухо, ровно, почти по-наставнически — так говорят те, кто не ждёт возражений.

— Мне плевать. Я хочу что-то сделать, — резко отрезал Сэнд.

После этого незнакомец молча поднялся, снял с плеча небольшой мешок и достал из него книгу. Толстый том, исписанный эльфийскими рунами, выглядел слишком тяжёлым для такого маленького рюкзака. Незнакомец стряхнул с переплёта пыль, открыл книгу, быстро перелистнул несколько страниц, затем остановился на одной и указал на неё Сэнду.

— Смотри. Читай. — сказал он.

Сэнд растерянно покачал головой.

— Но я же не умею читать, — тихо, почти виновато признался он.

— Тебе поможет магия. Почувствуй силу внутри себя. Прояви усердие. Не останавливайся перед трудностями — и тогда у тебя получится, — настойчиво произнёс незнакомец.

Сэнд взял книгу в руки и провёл пальцами по строчкам, словно надеясь найти в них смысл на ощупь. Он прищурился, напрягся, стараясь различить буквы и собрать их в нечто понятное. Со стороны это, должно быть, выглядело странно и даже жалко. Но он не сдавался. Ему нужно было стать сильнее. Ему нужно было научиться помогать, а не только беспомощно смотреть, как другие расплачиваются за его слабость. Образ Лорика, лежащего на диване, и Элая, мрачного, уставшего, словно тащившего на себе весь этот обречённый путь, давил на него тяжёлым камнем. И вдруг по полу прошёлся дрожащий толчок. Воздух всколыхнулся, хотя ветра здесь быть не могло. Стены тихо задрожали, а затем и сам пол завибрировал, будто под башней проснулось землетрясение. В тот же миг незнакомец резко выхватил кинжал и глубоко полоснул Сэнда по руке. Элай вскочил, собираясь метнуть дрот, но его отбросило в сторону прежде, чем он успел хоть что-то сделать. Незнакомец уже произнёс заклинание, и Сэнда окутала чужая, незнакомая сила. Он ощущал её кожей — холодную, плотную, как туман, стягивающий тело и мысли. В голове снова вспыхнула боль. Снова зазвучала песня. Снова вернулись голоса, терзающие разум.

— Стой не смей... — глухо, сливаясь в один шёпот, твердили они.

Но Сэнд уже повторял те самые движения, которым его молча обучили. Да, получалось у него неловко, далеко не так изящно, как у незнакомца, но сноровки всё же хватало. И когда из его рук, всё ещё не до конца оправившихся после той истории с поваром, вырвалось заклятие, оно полетело прямо к Лорику. На этот раз магия была иной. Не дикой, не сорвавшейся с цепи,

как прежде. Она была спокойной, точной, почти бережной. Заклинание легло на страшную рану гнома и начало медленно стягивать её края, даря хрупкую, но настоящую надежду на то, что он выживет. Лорик приоткрыл глаза — ненамного, но достаточно, чтобы тревога в сердцах товарищей немного отступила.

— А ты, оказывается, можешь, — с насмешкой заметил незнакомец.

На губах Сэнда дрогнула короткая улыбка. Его по-прежнему тревожили голоса, не умолкавшие в голове, но сейчас он впервые почувствовал не только страх, но и силу. Элай в тот же миг подскочил к незнакомцу и схватил его за горло.

— Ещё раз выкинешь что-нибудь подобное — тебе конец, — процедил он, прижимая дрот к его животу.

Но тот лишь хрипло рассмеялся и, несмотря на худощавый вид, всё же сумел чуть отстраниться, легко удерживая равновесие даже под хваткой более крепко сложенного Элая.

— Пока вы тут возитесь, твари множатся, — сухо бросил он. — Да и я вам ещё нужен. Нужно действовать.

Элай на мгновение замер, стиснув зубы. В словах незнакомца действительно была правда, и именно это бесило сильнее всего. Наконец он медленно отпустил его, не сводя настороженного взгляда. После короткой паузы незнакомец заговорил уже спокойнее. План, который он предложил, выглядел простым только на первый взгляд — на деле же в нём не было ничего, кроме риска. Он и Сэнд должны были отправиться к Инаэлу, Верховному магу Коллегии. Среди всех, кто ещё оставался в Артрейне, именно он, по словам незнакомца, был одним из немногих, кто способен был хоть как-то объединить королевство в тот миг, когда оно стояло в нескольких шагах от гибели. Остальным же предстояло вернуться в штаб-квартиру организации Элая. Там нужно было поднять все связи, какие только ещё можно было поднять, предупредить каждого, кто способен был держать оружие или читать заклятия, и попытаться сдерживать тварей в башнях. Если не магией Коллегии, то силой стражи, наёмников и всех прочих, кого ещё удастся собрать под руку. Все они понимали — времени почти не осталось. Шансов было мало. Слишком мало, чтобы надеяться на удачу, и слишком много уже было потеряно, чтобы отступать.

И именно в этот момент Сэнд резко схватил незнакомца за плечо и грубо прервал его:

— Сомневаюсь, что этот план надёжен, — сказал Элай, бросив на незнакомца короткий взгляд. В нём не было явной враждебности, но сквозило холодное, сдержанное недовольство. —

Зато я сильно сомневаюсь в твоих способностях, — без промедления отозвался тот.

Сэнда этот надменный ответ не остановил. Несмотря на помощь незнакомца, он — даже в своём юном для эльфа возрасте — уже успел обзавестись той осторожной прозорливостью, что приходит не с годами, а с бедами. И сейчас он отчётливо чувствовал: перед ними не просто случайный союзник, а тот, кто ведёт свою игру. Игру тайную, сложную, и пока что совершенно непостижимую. Элай это тоже понимал. Понимал и Лорик. Но разобраться во всём прямо сейчас всё равно не представлялось возможным, тем более что их внезапный соратник был окружён слишком густым облаком тайн. —

Мы не знаем, кто ты, — продолжал Сэнд, не отступая. — Кому ты служишь. Ты всё время упоминаешь своего господина. —

Вам это знать не нужно, — перебил незнакомец. — И не очень-то учтиво так разговаривать с тем, кто за столь короткий срок так многому тебя научил. Я бы, пожалуй, даже назвал тебя своим учеником, но не стану торопиться.

Тут вмешался Элай. Вместе с братом они принялись обсуждать предложенный план. Разговор в башне затянулся почти на час. К счастью, внутри пока что было безопасно, и ни одна тёмная тварь, ни одна иная дрянь, притаившаяся во мраке, не тревожила их. Но сам план незнакомца казался слишком гладким. Слишком выверенным. Почти без изъянов и возможных последствий, будто он был продуман задолго до этой встречи. Сэнд не забывал о голосах,

которые твердили ему отправиться в Золотой лес — туда, где, как ему казалось, он сможет найти ответы о себе и о той силе, что таилась внутри. И потому он первым предложил изменить план.

— Мы с Лориком и Элаем отправимся в Золотой лес, — сказал он, прервав затянувшееся молчание.

Незнакомец только рассмеялся.

— А меня, значит, вы хотите оставить здесь? Я верно вас понял? В его тоне не было тревоги. Впрочем, даже если бы она и была, он бы вряд ли показал её. У него явно имелся способ выбраться из города в любой момент.

— Да, — спокойно подтвердил Сэнд. — Ты умеешь открывать порталы, а перемещения для тебя, похоже, не проблема. А я смогу найти ответы среди эльвийских общин.

Элай поддержал его, хотя мысленно и не хотел бросать свою организацию. Но сейчас было не до управления. У него хватало людей, способных заменить его хотя бы на время. А оставаться в городе, которому, возможно, осталось совсем недолго, было бы не лучшим решением. Они, впрочем, не учли состояние Лорика. Он всё ещё был слишком слаб. Но, зная его, можно было не сомневаться: он бы всё равно согласился, хоть и проворчал бы что-нибудь мрачное о том, что пропускает знатную сечу с тварями. Незнакомец выдержал короткую паузу. Было видно, что предложенный вариант ему не по душе, но затем он с силой ударил ладонью по дубовому столу. Тот выдержал удар без малейшего треска, что только подчеркнуло странную силу, скрытую в сухощавом теле незнакомца.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я открою вам портал. Вас отправлю в штаб к твоим певчим.

Элай заметно напрягся.

— Откуда ты знаешь наше название? — нахмурился он.

Это имя было их тайным обозначением, шифром, известным лишь тем, кто стоял совсем близко. Значит, либо в их рядах был крот, либо незнакомец сумел вытянуть эту тайну из кого-то иным, куда более мрачным способом. Но ответа не последовало.

— Вы отправитесь в Золотой лес. Путь будет неблизкий. Запаситесь у певчих припасами. С вами поедет моя помощница, Ирида. Она встретит вас в деревне неподалёку от Вейса. Вы, должно быть, слышали о нём.

— Что за деревня? — глухо спросил Сэнд.

— Ар-Дэнс. Там немало рудников и крепких людей. Я велел ей ждать меня, но вас она дожждётся.

— А что будешь делать ты? — насторожился Элай.

— Постараюсь защитить этот проклятый город. И разобраться во всём. Но мы ещё встретимся. Вы важны для моего господина. Хотя и слишком своевольны, — подытожил он. На этот раз он не попросил кинжал Сэнда. Вместо этого достал собственный. Но увечье себе наносить не стал. Из сумки он вынул флакон с кровью, вылил её на ладони и снова начал складывать пальцы в странные знаки. Не такие, каким он учил Сэнда, — иные, более древние, более тяжёлые, будто вырезанные из самой тьмы. Он не произнёс ни слова. И всё же портал открылся.

— Проходите, — глухо сказал незнакомец.

Элай взвалил Лорика себе на плечи. Тот всё ещё был слишком слаб, чтобы идти самостоятельно. Рана, пусть и затянутая магией, могла таить в себе заразу или иную дрянь. Лорик был тяжёл, будто весил куда больше своих обычных размеров, и даже для крепкого по эльфийским меркам Элая это оказалось нелёгкой ношей. Сэнд тоже старался помочь, поддерживая его с другой стороны. Первым в портал шагнул незнакомец, а следом за ним — потрёпанные, уставшие спутники.

Тень сгущалась над Дераверном.

Глава 5 - Пробуждение

Зло порождает зло; первое страдание даёт понятие о удовольствии мучить другого; идея зла не может войти в голову человека без того, чтоб он не захотел приложить её к действительности

М. Лермонтов

В тот час на месте недавнего сражения, где армия герцога Дериона сошлась с тёмными сущностями, стоял такой смрад, что, казалось, сам воздух здесь умер и начал разлагаться вместе с павшими. Поля, ещё недавно дрожавшие от топота, криков и звона стали, теперь были сплошь покрыты телами. Мёртвые лежали везде — у разбитых знамен, у вдавленных в грязь щитов, возле разорванных лошадиных туш, среди переломанных копий и почерневших от крови доспехов. Их было столько, что взгляд терялся, не в силах различить ни конца, ни края этого страшного побоища. Казалось, сама земля не выдержала тяжести смерти и, напившись кровью, потемнела. Летописцы, доведись им узреть это собственными глазами, без сомнения внесли бы ту битву в число величайших и самых страшных сражений, что случались за последнюю тысячу лет. Но даже самые искусные хронисты вряд ли сумели бы передать всё до конца — ни тяжесть зловония, висевшего над равниной, ни тишину, пришедшую на смену ярости, ни тот ужас, который остаётся после великой резни, когда победа уже никому не кажется славой. Солдаты королевства Артрейн лежали там, где приняли свой последний бой. Даже смерть не лишила их сурового, почти монументального вида. Их доспехи были хорошо отлиты и подогнаны, тяжёлые, надёжные, способные прикрыть большую часть тела от удара меча или стрелы. Рядом с ними валялись крупные щиты — такие, какими в Артрейне особенно гордились. Щиты воинов в народе нередко называли skutумом. Когда они смыкали строй, щит к щиту, перед врагом вырастала сплошная стена, за которой можно было укрыться почти целиком. Не раз такая стена спасала людей от гибели, не раз ломала натиск врага. Но в тот день даже она не устояла. Тут же, вперемешку с королевскими воинами, лежали и ополченцы — их, как водится, было больше прочих. Они сразу бросались в глаза своей бедной и разномастной экипировкой. У одного была ржавая кольчуга, слишком большая для его худого тела, у другого — старый кожаный доспех с грубо пришитыми заплатами, у третьего — потрескавшийся шлем, будто переживший ещё войну его отца. Иные, должно быть, купили первое, что попало под руку в кузнице, спеша успеть к сбору. Другие вышли на бой в том, что досталось по наследству: в чужих латах, в потускневших наплечниках, в перевязях, пропахших старым потом и дымом. В их облике не было ни выправки регулярного войска, ни блеска рыцарской стали. И всё же именно такие люди чаще всего первыми принимали на себя удар, закрывая собой землю, которую едва успели научиться пахать лучше, чем держать оружие. Вокруг поля поднимался огромный барьер, незримый и вместе с тем ощутимый, словно сама ткань мира здесь была натянута и скреплена чужой волей. Он запечатывал проход, из которого твари выходили на равнину, удерживая их натиск и не позволяя мраку хлынуть дальше, в сердце королевства. Этот барьер возвели маги коллегии — сильнейшей из всех, что знали эти земли. Для его создания были стянуты редкие силы, древние знания и такие жертвы, о которых предпочитали не говорить вслух. Люди шептались, что чары держатся не только на искусстве магов, но и на крови герцога Дериона. И в этих шёпотах было слишком много правды. По сути, герцог отдал жизнь, чтобы дать королевству хотя бы надежду. Не победу — на неё уже никто не смел рассчитывать с прежней уверенностью, — а лишь шанс не погибнуть в ту же ночь. Барьер мерцал тускло, почти болезненно, как свет умирающей звезды. Иногда по его поверхности пробегали слабые волны, будто с другой стороны кто-то всё ещё касался его когтями или бился в него в бессильной ярости. От этого зрелища становилось не по себе. Казалось, стоит чарам ослабнуть хоть

на миг — и равнина снова наполнится воем, скрежетом и топотом лап, не принадлежащих ни одному зверю, что был создан природой. Над полем кружили вороны. Их было много, и они вели себя как терпеливые наследники этой бойни. Одни сидели на копьях и обломках повозок, другие уже осмеливались спускаться ниже, перескакивая по телам и выжидая, где плоть окажется мягче. Им было безразлично, чьим мясом насыщаться: человеческим, лошадиным или тем, что принадлежало тварям из мрака. Голод не знал различий. Для ворон всё это уже стало одной общей добычей, равной перед клювом и падалью. Именно такую картину увидел одинокий всадник в капюшоне.

Он появился без свиты, без знамени, без сопровождения и без всякой видимой защиты. Не было при нём ни оруженосца, ни разведчика, ни даже обычного спутника, который прикрывал бы спину. Для любого здравомыслящего человека уже само решение прийти сюда в одиночку показалось бы безрассудством. Здесь совсем недавно гремела битва, и никто не мог сказать наверняка, все ли твари уничтожены, не затаилась ли какая-нибудь из них среди мёртвых, в ямах, в тумане или под горами тел. И всё же незнакомец ехал так, словно вступал не на место великой резни, а на давно знакомую дорогу. Его конь тоже не был похож на обычного боевого жеребца. То был огромный вороной зверь, выше и массивнее прочих лошадей, каких разводили в королевствах людей. В нём чувствовалась порода, сила и какая-то тяжёлая, почти нечеловеческая выносливость. Мускулы перекатывались под тёмной шкурой, будто под гладким чёрным камнем, а шаг его был ровным и уверенным, без малейшей нервозности, которую неизбежно проявило бы всякое живое создание среди такого смрада и смерти. Но сильнее всего в глаза бросались его глаза — ярко-красные, тлеющие в полумраке, как угли под слоем золы. Копыта коня были скрыты под тёмной накидкой, свисавшей слишком низко и странно колыхавшейся при каждом шаге. И всё же внимательный взгляд без труда уловил бы под ней нечто неправильное. Там, где должна была быть плоть, проступали острые, мертвенно-бледные очертания костей. Будто кожа давно сошла, а зверь, вопреки всем законам мира, продолжал идти, не чувствуя ни боли, ни усталости. Сам всадник медленно направлял коня к барьеру. В его движениях не было ни спешки, ни тревоги. Он не озирался по сторонам в поисках опасности, не вслушивался в тишину, как это сделал бы любой иной путник. Его спокойствие было не бравадой, а чем-то более тяжёлым и мрачным — так ведут себя не храбрецы, а те, кто давно привык смотреть в лицо тому, от чего другие теряют рассудок. При нём было оружие. У седла висел топор — заострённый, грубой работы, тронутый ржавчиной, словно им пользовались не одно десятилетие и не слишком заботились о его виде. Однако в нём чувствовалась настоящая, жестокая польза — такой топор был создан не для красоты, а для того, чтобы раскалывать кость, ломать щиты и рвать плоть. Кроме того, у незнакомца был меч — и именно он привлекал взгляд. Это был одноручный клинок, но странный, неправильный. Он не походил ни на полторный меч, ни на бастард, ни на какое-либо привычное оружие из арсеналов людей, эльфов или гномов. Во всей его форме ощущалось какое-то нарушенное равновесие. Казалось, кузнец, выковавший этот меч, либо не знал ремесла, либо, напротив, знал его слишком хорошо и намеренно искажал привычный облик клинка. Обычному воину такое оружие показалось бы неудобным, тяжёлым, почти непригодным для фехтования. Им нельзя было бы вести быстрый, точный бой, полагаясь на выучку и изящество. Таким мечом не отражают удары — им рубят, ломают, калечат. Он словно был создан не для поединка, а для бойни. И чем ближе всадник подъезжал к мерцающему барьеру, тем явственнее становилось чувство, что на поле смерти явился не случайный путник. Было в нём что-то чуждое общей тишине, что-то неуловимо злое, словно сама мёртвая равнина узнала его раньше, чем он приблизился. Вороны не слетали с тел при его появлении, но и не каркали. Ветер, до того лениво шевеливший изорванные плащи мёртвых, будто стих.

Таинственная фигура время от времени останавливалась среди мёртвого поля. В эти минуты он подходил к телам, будто сверялся с каким-то одному ему ведомым списком, и,

опускаясь рядом с ними, делал на коже тонкие, неглубокие надрезы. Они выглядели странно — не как обычные раны, а как знаки, оставленные странной рукой. В них угадывалось нечто похожее на письмена древнего языка, слишком старого и слишком чуждого, чтобы человек мог понять его с первого взгляда. Для одних это были бы просто уродливые рисунки, для других — следы ритуала, смысл которого давно утерян. Закончив, незнакомец поднимался так же молча, как и приходил, садился в седло и продолжал путь. Его не пугал ни холодный ветер, ни тяжёлый дождь, начавший лить над равниной, ни туман, медленно поднимавшийся из-под земли. Вокруг лежали сотни тел, и казалось, сама земля устала от крови. Армия герцога пыталась собрать павших и предать огню то, что осталось после боя, но не всё было сделано как следует. После великих сражений всегда остаются участки, до которых не доходят руки, и именно из таких забытых мест потом рождаются самые страшные слухи. Фигура ехала к барьеру, и чем ближе она оказывалась, тем заметнее становилось беспокойство среди мёртвых. Сначала это были лишь едва уловимые движения — дрожь пальцев, судорожный вздох, слабое подёргивание плеча. Затем один за другим те, на ком были оставлены странные знаки, начали подниматься. Но это были уже не люди но и не нежить. Их тела менялись прямо на глазах, словно смерть не забрала их, а лишь завершила некий страшный процесс. Кожа стягивалась, обнажая костлявые черты, лица вытягивались, скулы проступали резче, а из разорванных губ показывались длинные клыки. Лысые головы блестели в сыром полумраке, от тел исходил тяжёлый смрад, от которого резало горло. И всё же это были не восставшие мертвецы в привычном смысле. В них чувствовалось нечто иное — древнее, чужое, почти первобытное. Словно они не вернулись из могилы, а перешли на следующий, более страшный уровень существования. Они не ожили — они изменились. Фигура поднимала не всех. Он выбирал только сильных. Тех, кто лучше других выдержал тот ужасный день. Тех, в ком оказалось достаточно ярости, выносливости или воли, чтобы не исчезнуть до конца. Одним из таких был личный гвардеец герцога Дерiona — его правая рука, верный соратник и один из лучших воинов королевства. В тот день он сражался так, как сражаются лишь те, кто привык стоять до конца.

Его манипула была лучшей во всём королевстве. Дисциплинированная, выученная до совершенства, она безошибочно держала строй, мгновенно исполняла приказы и не терялась даже в самой безнадёжной схватке. В этом была заслуга самого гвардейца — именно он когда-то придумал систему горнов, позволявшую управлять крупными отрядами быстро и без лишней путаницы. Одного короткого сигнала хватало, чтобы люди понимали, что им делать, куда поворачивать щиты, где смыкать ряды и когда переходить в наступление. Но даже лучший строй ломается, когда бой превращается в резню. В тот день гвардеец увлёкся преследованием врага и слишком далеко выдвинулся вперёд вместе со своей дивизией. В пылу схватки он не заметил, как оторвался от основных сил. Когда это стало очевидно, было уже поздно. Их окружили. Они дрались до последнего. Один за другим падали его люди, унося с собой в смерть всё новые и новые чудовища. Каждый из них успел забрать с собой хотя бы по одной твари, а некоторые — и по нескольку. Сталь звенела без остановки. Щиты трещали. Кровь, грязь и дождь смешались в одно тёмное месиво. Над полем боя стоял запах железа, жжёной плоти и сырой земли. Когда рядом не осталось никого живого, он оказался один. Один среди тел своих товарищей и ухмыляющихся тварей с искривлёнными ржавыми мечами. Доспех его был помят, залит кровью и покрыт глубокими зарубками. Он тяжело дышал, но всё ещё стоял. В глазах у него не было страха — только усталость, гнев и какое-то суровое, упрямое достоинство.

Первая тварь бросилась на него с такой стремительностью, будто её подгонял сам мрак. Гвардеец успел лишь чуть сместиться, уйти не в полный разворот, а в короткий, выверенный шаг в сторону, и в тот же миг ржавое лезвие врага с пронзительным скрежетом скользнуло по нагруднику. По железу взвилась снопом искра, на металле осталась глубокая, свежая борозда — уродливая метка, словно сама тьма попыталась поставить на нём клеймо. Он не дал твари второй попытки. Его ответ был безжалостно точен — короткий, хлесткий взмах, рождённый

долгими годами учений и десятками прожитых боёв, разрубил чудовище от плеча до груди. Тело дернулось, распахнулось в страшном, неровном разрезе, и тварь рухнула, словно её кости вдруг превратились в труху. Но едва первая упала, на него набросились двое других. Один налетел сбоку, и гвардеец с силой вогнал клинок ему в живот. Лезвие вошло с глухим сопротивлением, на мгновение застряв в вязкой, жадно сжимающейся плоти. Тварь захрипела, сложилась пополам, но он уже выдергивал меч, чувствуя, как рукоять наливается тяжестью чужой крови. Гвардеец не успел развернуться до конца. Вторая тварь врезалась в него всей массой, когтистая лапа полоснула по плечу, срывая край наплечника и разрывая ткань под ним. Боль вспыхнула мгновенно, острая и горячая, но он только стиснул зубы, не позволяя себе даже вскрикнуть. Мир на миг дрогнул, утонув в красной пелене, однако руки его по-прежнему слушались. Он резко оттолкнул чудовище плечом, почти вслепую, и ударил снизу вверх. Клинок вошёл в шею твари с влажным, рвущим звуком, задел кость, соскользнул, почти отделив голову, но не до конца. Существо ещё несколько судорожных мгновений дергалось, цепляясь за жизнь упрямо и бессмысленно, пока наконец не обмякло и не рухнуло лицом в грязь, взметнув чёрные брызги. Гвардеец пошатнулся. Левое плечо горело, как обугленное железо дыхание сбилось, стало рваным, тяжёлым, будто в грудь ему набили колючий, влажный дым. Кровь стекала по руке, тёплая и липкая, смешиваясь с дождём, но он всё ещё стоял. Опираясь на меч, будто на последний столб, удерживающий его между жизнью и забвением, он медленно поднял голову. Перед ним, из пелены дождя и копоты, одна за другой выступали новые тени. Их было слишком много. Гораздо больше, чем способен был выдержать один человек, даже закалённый, даже в лучшие свои дни. Но он не отступил. Не потому, что не боялся, — боялся, ещё как боялся, — а потому, что за спиной у него уже не осталось места для отступления. Он перехватил рукоять окровавленной ладонью, чувствуя, как металл скользит под пальцами, и шагнул вперёд. Навстречу тёмной, шевелящейся массе, навстречу рёву, хрипам и мокрому лязгу. Его следующий удар был таким же точным, как и первый — короткий замах, резкий выпад, и ещё одно чудовище, ринувшееся слишком самоуверенно, было рассечено почти пополам. А потом мир сузился. Остались только звон стали, хрип умирающих, скрип собственных зубов и тяжёлый, глухой стук сердца, упрямо бившегося в груди, пока тело продолжало сражаться уже почти без участия разума. Силы покидали его, как вода, уходящая сквозь пальцы. Перед глазами плыли кровавые круги, а движения становились рваными, лишёнными прежней изящной точности. Дождь превратился в ледяной саван, смывавший грязь, но бессильный против липкой, густой черноты, сочащейся из тел поверженных тварей. Каждый новый взмах меча отдавался в плече невыносимым, пульсирующим стоном, будто в рану раз за разом вонзали раскаленное шило. Твари обступили его полукольцом, выжидая, чувствуя его слабость. Их горячее, зловонное дыхание смешивалось с ночным туманом, превращая воздух в удушливую взвесь. Один из монстров, более крупный и уродливый, с кожей, похожей на дубленую кость, медленно выступил вперед, издавая низкое, вибрирующее рычание. В его пустых глазницах не было ярости — только бесконечный, бездонный голод. Гвардеец сплюнул кровь и заставил себя выпрямиться. Он знал этот взгляд. Так смотрит хищник на загнанную добычу, когда исход уже предрешен. Но в его жилах все еще текла гордость тех, кто давал клятву стоять до последнего вздоха. Если ему суждено пасть здесь, среди костей и пепла, он сделает так, чтобы этот пир обошелся им как можно дороже. С гортанным криком, в который вложил все остатки воли, он бросился в самую гущу врагов. Меч превратился в размытую полосу тусклого серебра. Первый удар снес челюсть крупной твари, второй — глубоко вошел в грудину другой, пытавшейся ухватить его за ноги. Он вертелся волчком, забыв о боли, забыв о самом себе, превратившись в чистый нерв, в идеальное орудие разрушения. Сталь пела свою похоронную песню, вгрызаясь в плоть, дробя хрящи и вырывая куски из этого кошмарного воинства. Но их было легион. Когда на него навалились сразу четверо, он не упал — он просто перестал чувствовать землю под ногами. Тяжелые, когтистые лапы прижали его к камням, выбивая воздух из легких. Меч со звоном

отлетел в сторону, исчезнув в темноте. Гвардеец почувствовал на шее ледяное прикосновение чужих когтей и холодное дыхание смерти, уже почти коснувшейся его лица и дальше лишь тень которая заслонила его глаза. Без чувств и эмоций.

На поле сейчас гвардеец лежал среди своих людей. Его шлем был сорван, лицо — бледное и неподвижное, а рука всё ещё сжимала меч, словно он не собирался отпускать его даже в смерти. Незнакомец долго смотрел на него, не трогая остальных. Потом опустился рядом и провёл тонким тёмным клинком по лбу павшего. Один знак, второй, третий — и древние линии медленно проступили на коже.

— Ты держался дольше всех, — голос всадника был тихим, похожим на шелест сухой травы, но в нем слышалось странное уважение. — Твоя верность заслуживает новой формы.

Тишина, воцарившаяся на поле, внезапно была нарушена. Это не был крик или стон. Это был звук ломающегося льда. Пробуждение пришло не как свет и не как милость, а как медленное, мучительное возвращение из бездны, где не было ни времени, ни имени, ни боли в привычном смысле слова. Сначала к нему вернулась тяжесть — не тяжесть тела, а сама идея его существования. Затем пришло ощущение холода, глубокого и древнего, словно он лежал не на земле, а внутри каменной гробницы, слишком долго хранившей чужое дыхание. Он открыл глаза. Мир возник перед ним не сразу, а слоями — сначала размытым пятном серого мрака, затем дрожащими очертаниями искривленных деревьев, затем влажным блеском тумана, пропитанного запахом сырой почвы, железа и гнили. Над ним висело низкое небо, бесцветное, как выцветшая ткань савана. Ветер шевелил мертвую траву, и в этом шорохе чудилось что-то похожее на шепот, давний и забытый. Он поднял руку и замер. Это была его рука — и все же не совсем его. Пальцы стали длиннее, суставы — резче, кожа казалась мертвенно-бледной, с сероватым отливом, словно кровь под ней текла медленнее, чем должна. Он сжал ладонь, затем разжал, наблюдая за движением с тем странным, отстраненным удивлением, которое испытывает не человек, а существо, только что заново узнавшее собственную форму. По его телу прошла короткая дрожь — не от страха, а от осознания. Он сел медленно, словно боялся потревожить нечто хрупкое внутри себя. На нем были следы перерождения — тонкие шрамы, странные темные прожилки под кожей, будто в нем навсегда застыла тень чужой силы. Он коснулся груди, затем шеи, словно проверяя, действительно ли все это принадлежит ему. И тогда он понял главное: он не был пустой оболочкой, ведомой чужой волей. В нем сохранился разум. В нем сохранилось «я». Эта мысль не принесла облегчения — лишь еще большую тревогу. Он поднялся на ноги и огляделся. Перед ним, сквозь туман, стояла та самая таинственная фигура. Не призрак и не человек в обычном смысле. В ней было нечто неуловимое, заставлявшее воздух вокруг казаться плотнее и темнее. Рядом с ней он больше не ощущал себя рабом, лишенным выбора. Теперь между ними возникла иная связь — не цепь, а нечто куда более опасное. Признание. Он смотрел на эту фигуру настороженно, внимательно, как смотрят на того, чью силу признают, но чьи намерения еще не поняли. И все же он не отвернулся. Не опустил головы. Не встал в покорную позу. Он пошел за ней — не как подчиненный, не как оживленный по чужой прихоти слуга, а как равный, и в этом было нечто гораздо более страшное, чем рабство. Потому что равный союз всегда строится не на вере, а на цели. И если цель окажется достаточно мрачной, никакая клятва уже не спасет душу, которая однажды согласилась идти дальше.

Другим был Раймунд из дома Рандод — знатный дворянин, молодой человек редкой выправки и ума, которому, казалось, было уготовано нечто большее, чем смерть на сырой земле под воем тварей. Его слишком рано отправили на войну. И слишком рано она взяла его себе. На левом фланге Раймунд принял на себя один из самых тяжелых ударов того дня. Его дивизия стояла плотной стеной щитов, skutумы сомкнулись так тесно, что между ними едва проходил холодный ветер, а воины, пригнувшись под тяжестью доспехов и ожидания, держали строй из последних сил. Они были меньше числом, чем наступавшие на них твари, а враг не знал стро-

евой выучки людей, но обладал чем-то другим — хищной дисциплиной, рожденной инстинктом, голодом и постоянной готовностью рвать, ломать и убивать. И все же страшнее самой ярости было то, что двигало этими существами. В их нападениях не было привычной человеческой неразберихи. Они не бросались слепо, как бешеные звери, и не сражались, как солдаты. Их движения были одновременно дикими и подозрительно слаженными, словно ими управлял не разум, а старый, кровавый опыт охоты. Они меняли направление почти без предупреждения, заходили в слепые углы, врзались в строй с такой силой, будто стремились не просто проломить щиты, а вырвать из людей всякую волю к сопротивлению. И им это удавалось. С каждым их рывком по рядам прокатывался страх — липкий, душающий, почти животный. Некоторые из солдат уже дрожали. Кто-то оглядывался назад, кто-то судорожно сжимал рукоять меча, словно хотел спрятаться за собственным оружием. Еще мгновение — и кто-нибудь бы побежал. Тогда командиры начали кричать, хватать людей за плечи, бить по щитам, возвращая их к реальности. Поверх общего грохота, звона металла, хрипов и воплей, звучали окрики, призывы держаться, проклятия и молитвы. Где-то позади работала коллегия магов: их колдовство вспыхивало редкими всполохами, разрывая туман, обжигая плоть тварей и на краткий миг возвращая людям надежду. Но этой надежды было слишком мало. Раймунд стоял в переднем ряду, как и подобало человеку его положения. Его доспех был замечен даже в хаосе боя — дорогой, искусно отделанный, с гербом дома, уже потемневшим от грязи и копоти. Он не прятался за чужими спинами, и именно это, возможно, привлекло к нему роковую стрелу. В пылу сражения его шлем был сбит — удар ли это был, случайный ли толчок, уже никто не мог сказать. Он остался с открытой головой, уязвимый, как любой другой человек на этом поле, а может быть, даже больше, потому что знатный доспех делал его заметнее. Меткий лучник тварей увидел его. И выпустил стрелу в тот самый миг, когда Раймунд, обернувшись к левому краю строя, пытался удержать дрогнувших людей и крикнуть им, чтобы не поддавались панике. Стрела попала ему в голову. Выстрел был меток. Острие вошло в глазницу, пробив глаз, и глубоко ушло внутрь черепа, почти добравшись до позвоночника. Раймунд пошатнулся, как человек, внезапно потерявший не только равновесие, но и саму связь с миром. Несколько мгновений он еще стоял, удерживаемый не столько собственными силами, сколько руками подоспевших солдат. Они пытались оттащить его назад, закрыть, спрятать, вытащить из самой гущи боя. Но натиск тварей был слишком силен. Щиты дрожали, skutумы гудели под ударами, люди спотыкались о тела павших. Кто-то кричал, кто-то молился, кто-то уже захлебывался кровью. И тогда Раймунд, собрав последние крохи воли, сам потянул руку к древку, торчавшему из его головы, и надломил его — не до конца, а лишь настолько, чтобы стрелу можно было удержать, чтобы она не мешала ему стоять еще хоть миг. На лице его уже не было страха. Была только усталость, горькое понимание и странное, почти дворянское упрямство. С помощью солдат он сумел подняться. На одно лишь мгновение, но и этого хватило, чтобы его увидели те, кто еще держался рядом. Он оглядел своих людей, словно хотел запомнить их лица в последний раз, и отдал приказ — короткий, хриплый, но все еще твердый.

—Держаться. Не отступать. Не ронять строй. Это были его последние слова.

Сразу после них силы оставили его окончательно. Ноги подкосились, тело обмякло, и Раймунд из дома Рандод рухнул в грязь, уже не как воин, а как один из тех, кого война забирает без возврата. Его кровь смешалась с дождем, с землей, с черной болотной жижей, и имя его на миг потерялось среди криков, ударов и смертельного гула поля боя.

Но даже в смерти он остался тем, кем был при жизни — человеком, который не отступил.

Третьим в этой безумной атаке стал младший брат герцога Дерриона — Дэрэк. Во всем, что касалось настоящего дела, он неизменно уступал старшему брату. Деррион был собран, холоден и опасен в своем умении ждать; Дэрэк же с детства слыл самоуверенным, ленивым и слишком уж любившим собственное отражение. Он тянулся к шумным пирами, к пышным застольям, к легкому смеху и к тем вечерам, где вокруг него вились красивые, почти обнаженные

девушки, а вино лилось свободнее, чем здравый смысл. На войне он тоже старался держаться так, будто бы сам воздух должен был расступаться перед его именем. Но в настоящей сече это пустое благородство быстро тает. Там не важно, как тебя зовут и кто твой отец. Там важнее, выдержит ли твоя рука вес железа, а сердце — вид крови. Дэрэка поставили во главе элитной кавалерии на фланге, и уже само это считалось честью, доступной немногим. Это была не просто конница, а ближайшая рать короля и герцогов, наследие старых времен, тех самых, о которых потом рассказывают вполголоса, будто о легенде. В ряды этой конницы попадали только сыновья знатных домов, воспитанные на гордости, дорогом оружии и уверенности, что победа всегда принадлежит им по праву. Их доспехи сверкали даже в сером дыму боя, кони были крупны, закованы частично в броню, а копья держались ровно, как продолжение воли. Но в ту минуту им было приказано не бросаться сломя голову, а дожидаться удобного часа — того мгновения, когда пехота уже начнет теснить тварей, когда строй нечисти дрогнет, растянется и откроется для удара. И час этот настал. Пехота, истекая кровью, все же навалилась на врага и заставила его пятиться. Тогда кавалерия двинулась с перехода одного фланга на другой, быстро, тяжело, как стальная волна. Земля дрожала под десятками копыт, воздух резало ржание, а над строем вздымались знамена, уже потемневшие от дыма и грязи. Когда клин окончательно собрался, Дэрэк повел своих вперед — стремительно, с тем безрассудным блеском, который так любят юнцы, уверенные, что судьба не смеет коснуться их лица. Но война смеется над самоуверенностью. В самый миг удара Дэрэк не удержал строя. Лошадь под ним, испуганная, взвилась, сбилась с ритма, и он, не закрепленный в стремях как следует, потерял равновесие. Достаточно было одного неловкого движения, одного рывка в сторону — и он сорвался из седла. Не как герой, не в блеске последнего броска, а нелепо, тяжело, словно мешок с железом. Следом хлынули кони и люди, а он оказался прямо под их копытами, среди грохота, пыли и визга металла. Его не убили мечом. Его не поразили в честном поединке. Он был просто задавлен собственной атакой, растоптан теми, кого сам же вел вперед. Шлем смяло, как тонкую чашу, грудную пластину вдавило внутрь, ребра треснули, и последний воздух вышел из него вместе с коротким, хриплым звуком. Никакой славы, никакого красивого конца — только грязь, крики и тяжелые копыта, безжалостно топчущие то, что еще недавно носило имя знатного дома. И все же самым страшным ударом для этого отряда стала не его гибель, а встреча с тем, что поднялось навстречу им из самой сердцевины сечи.

Было еще двое всадников, шедших почти рядом с Дэрэком, когда они увидели гигантского огра, стоявшую среди расколотой земли, словно сам ад вылепил ее из камня, мяса и ярости. Он напоминал демона из легенд, но был слишком плотной, слишком тяжелой для того, чтобы быть лишь плодом суеверий. Огр, огромный, как башня, с двумя рогами, чернеющими над головой, высотой в три человеческих роста, с широкими плечами и руками, похожими на дубовые стволы, возвышался над полем, будто стена из живого ужаса. На одной его руке блестела стальная перчатка, усеянная шипами, и каждый шип был как гвоздь для гроба. Подступить к такому чудовищу значило почти сознательно принять смерть, но отступить было уже поздно. Оба всадника опустили пики и пошли на него в лоб. Их кони рвались вперед, фыркая и едва не падая в грязи, а древки копий дрожали в напряженных руках. Удар пришелся в грудь твари, прямо в тяжелую, темную плоть, и на мгновение показалось, будто громадина дрогнула. Копья вонзились глубоко, но не так, чтобы остановить ее. Лишь разъярить. Огр взревел так, что казалось, сам воздух над полем пошел трещинами. Затем он ударил первым — резко, с чудовищной силой и почти без замаха. Его закованный в шипованную сталь кулак врезался в грудь одного из всадников, и человек исчез в этом ударе почти мгновенно. Не было долгой агонии, не было времени даже вскрикнуть как следует: грудь вмяло, доспех разошелся, тело переломилось под страшной силой, и всадник рухнул вместе с конем, как сломанная кукла. Кровь брызнула на гриву, на железо, на мокрую землю, и все это смешалось в один темный, липкий ком. Второй сумел выжить лишь потому, что инстинкт оказался быстрее страха. Он

спрыгнул с лошади еще до того, как тварь развернулась к нему, и сразу же отбросил щит — тот мешал в тесной схватке — а вместе с ним снял и шлем, чтобы видеть и дышать свободнее. Лицо его было бледным, рот судорожно втягивал воздух, руки дрожали, но отступить он не собирался. Он выхватил меч, широкий, тяжелый, созданный для того, чтобы ломать строй и рубить под ребро, и пошел на чудовище уже пешим. Теперь бой стал ближе, страшнее и безжалостнее. Огр нависал над ним, как живая крепость. Каждый его шаг отдавался в земле тупым ударом. Каждый взмах руки мог сломать человеку шею или выбить душу одним прикосновением. Но рыцарь не дал ему размахнуться свободно. Он резал быстро, яростно, почти отчаянно — по руке, по бедру, по открывшимся промежуткам между пластинами и наростами, пытаясь найти хоть слабое место в этой громадной туше. На мгновение ему даже удалось заставить тварь отступить, и та тяжело повернулась боком, будто прикидывая, стоит ли игра таких усилий. Этого мига оказалось достаточно. Рыцарь собрал последние силы и вогнал широкий меч глубже, прямо туда, где плоть поддавалась лучше всего. Лезвие распорол брюхо чудовища от низа живота почти до груди. Из раны хлынула темная, густая кровь, паром поднимающаяся в холодном воздухе. Гор взвыл, захлебнувшись собственной яростью, и содрогнулся всем телом. Но и рыцарь уже был обречен. Слишком близко он подошел, слишком много сил отдал этому последнему удару. Его ноги подкосились почти сразу. Он еще стоял секунду, может, две, сжимая рукоять меча, будто держался не за оружие, а за саму жизнь, а потом рухнул в грязь рядом с поверженной тварью и больше не поднялся. Так и закончился их бой — трое знатных, хорошо вооруженных, воспитанных на уверенности в собственном праве на славу, и чудовище, которое не знало ни страха, ни жалости. Один не удержался в седле, второй сражен мгновенным ударом, третий успел нанести рану смертельную, но сам заплатил за нее жизнью. И над всем этим стоял мрак сечи, густой, тяжелый, пропитанный кровью, копотью и безмолвным ужасом перед тем, что еще продолжало двигаться вдалеке, среди дыма и грохота.

После тех знаков, что начертала в воздухе таинственная фигура на коне, с каждым из них произошла перемена. Не сразу, не в один миг — она входила в них медленно, как зимний холод входит в камень, как яд растекается по жилам, сперва почти незаметно, а потом уже безвозвратно. Казалось, сама смерть, однажды приняв их в свои объятия, на этот раз не пожелала удержать добычу до конца. Она отпустила их обратно — но уже не теми, кем они были прежде. Каждый вспомнил свою смерть.

Не смутно, не обрывками, не как дурной сон, тающий с рассветом, — нет. Память вернулась к ним с беспощадной ясностью. Эта память не сломила их. Напротив — она будто завершила то, что когда-то оборвалось слишком резко. Смерть, однажды настигшая их на поле, больше не была тайной. Они уже прошли через нее и вернулись. И потому они последовали за ним. Но шли они не как рабы, не как безвольные тени, поднятые из праха чужим колдовством. В этом не было слепого подчинения. Каждый из них ступал тяжело, осознанно, сохранив в себе не только память, но и остаток воли, остаток гордости, ту упрямую искру, что не гаснет даже в мертвеце. Они изменились — и перемена эта была страшнее любой нежити, лишенной разума. Теперь это были не просто возвращенные с того света воины. Это были новые сущности, выкованные из смерти, боли и памяти. И в их молчании было больше достоинства, чем в клятвах многих живых. Они шли за таинственным всадником как равные ему, как те, кто признал в нем не господина, а первого среди подобных. Ливень хлестал не переставая, будто сами небеса решили обрушиться на землю, смыть кровь, кости и древние печати. Гром перекачивался по черному небосводу с такой тяжестью, что воздух дрожал, а земля под ногами будто отзывалась на каждый раскат глухим стоном. Ветер рвал плащи, пригибал к земле сухую траву и гнал по равнине клочья тумана, смешанного с дождем. Наконец впереди проступил барьер, возведенный магами коллегии. Даже сквозь стену воды было видно, сколько силы, знаний и лет ушло на его создание. Это была не просто преграда — это был рубеж, в который вложили страх, упрямство и отчаянное желание удержать то, что должно было оставаться запечатанным.

В воздухе над самой землей дрожало бледное свечение, словно натянутая до предела пленка между мирами. Оно едва заметно мерцало, то уходя в прозрачность, то вспыхивая тонкими прожилками холодного света. Местами барьер казался гладким, как стекло, местами — зыбким, точно поверхность воды, по которой проходила невидимая рябь. Но за этой зыбкостью чувствовалась мощь. Сила многих умов, многих голосов, многих рук, сошедшихся ради одного запрета. Таинственный всадник остановил коня у самой границы сияния. Он спешился, спокойно, почти бережно, как человек, который прибыл туда, куда и должен был прибыть. Ни гроза, ни пронизывающий ветер, ни потоки воды, стекавшие по плащу и сапогам, не заставили его сделать лишнего движения. На нем не было тяжелых лат, не было нагрудника, наручей или шлема. В них и вправду не было смысла. Он пришел сюда не для обычной битвы, где побеждают мышцы, сталь и выучка. Поверх плеч у него лежал длинный плащ, почерневший от дождя, а под ним — лишь кожаное одеяние, прочное, но легкое, не сковывающее движений. В этой простоте было что-то почти презрительное — будто он заранее знал, что никакое оружие живых сегодня не достигнет его по-настоящему.

Он подошел к барьеру вплотную и замер. Некоторое время ничего не происходило. Только дождь колотил по земле, по его плечам, по дрожащей поверхности магической преграды. Только молнии вспарывали небо, на краткий миг высвечивая его неподвижную фигуру и тех, кто стоял позади. А затем он заговорил. Слова, сорвавшиеся с его губ, не принадлежали ни одному известному наречию. В них не было ничего от древних имперских языков, ничего от северных говоров, ничего от забытых диалектов, которыми иногда пугают учеников старые летописцы. Это была речь иного рода — не человеческая в привычном смысле. Слишком звучная для шепота, слишком глубокая для обычного голоса, слишком живая для мертвого знания. Казалось, эти слова не произносились, а вытягивались из самой ночи, из глубины, куда свет не проникал никогда. Они ложились на воздух тяжело и ясно. Каждый звук будто имел собственный вес. Каждый слог входил под кожу, как тонкая ледяная игла, и оставался там, отзвываясь где-то в костях. В них слышалась не просто магия, а древний порядок, чуждый человеку. Нечто страшное, величественное, неумолимое. Так могла бы звучать сама бездна, если бы у нее появился голос. Позади него в такт этим словам заговорили поднятые соратники. Сначала один голос, затем второй, третий — и вскоре вся их мрачная рать подхватила заклинание единым строем. Их голоса были разными: глухими, надломленными, хриплыми, будто прошедшими через землю и камень. Но вместе они сплелись в один общий звук — плотный, низкий, непрерывный. Он не столько слышался, сколько ощущался телом. От него дрожала вода в лужах, едва заметно колебался воздух, а слабые искры на поверхности барьера начинали метаться все тревожнее. Так продолжалось долго. Час за часом они стояли под ливнем и не прерывали ритуала. Дождь стекал по их лицам, по рукам, по эфесам оружия. Вода ручьями бежала по земле, смешиваясь с грязью, и уносила с собой все, что еще могло напоминать о тепле или жизни. Но ни таинственный человек, ни его спутники не дрогнули, не сбились, не ослабили голоса. Их заклинание то нарастало, как надвигающийся шторм, то становилось тише, почти неразличимым, но в этой тишине было еще больше ужаса, потому что она не означала конец — лишь новый круг силы. Барьер сопротивлялся. Его свечение становилось резче, по поверхности пробегали световые жилы, вспыхивали узоры, заложенные магами коллегии, словно сама преграда пыталась вспомнить все печати, все клятвы, все силы, которыми ее когда-то скрепили. Иногда казалось, что она вот-вот оттолкнет незваных пришельцев, выжжет сам воздух вокруг себя, разорвет ритуал на месте. Но слова продолжали звучать, и вместе с ними росло то невидимое давление, которое нельзя было остановить ни волей, ни страхом. Наконец, когда минуло несколько часов, таинственный человек прервал одно из движений и медленно вытащил меч. Клинок показался в свете молний черным, как мокрый камень, и лишь по самой кромке на миг скользнул тусклый отблеск. Он поднял оружие без всякой торжественности — как поднимают орудие, назначение которого давно известно и не требует слов. Затем шагнул

ближе и с силой вонзил меч в самый центр барьера, туда, где стоял все это время. В тот же миг другой рукой он начал выводить в воздухе круг. Его пальцы двигались медленно и точно, словно он чертил невидимый знак на самой ткани мира. Он не прекращал чтения заклинания ни на вдох, ни на миг. Голоса за его спиной не умолкали тоже. Круг, который он рисовал рукой, сперва нельзя было различить, но затем в воздухе стали проступать слабые линии — темные, как след дыма на стекле, и в то же время мерцающие изнутри недобрым багровым светом. Знак замкнулся. И тогда ударила молния. Она рухнула с неба прямо в барьер, ослепительно белая, ветвистая, оглушительная, и на краткий миг вся равнина вспыхнула так ярко, что ночь отступила. Со стороны могло показаться, будто именно небесный удар разрушил преграду. Но это было не так. Молния лишь осветила то, что уже началось. Из точки, куда вошел меч, по барьеру побежала трещина. А потом случилась вспышка. Не грохот, не взрыв в привычном смысле, а именно вспышка — резкая, немислимо яркая, настолько сильная, что мир на одно мгновение исчез в белом свете. Когда зрение вернулось, барьера больше не было. На его месте открылась расщелина. Она не была похожа на обычный проход или разлом в земле. Скорее, это была рана в самом пространстве — темная, глубокая, неправильная. Ее края дрожали, будто оплавленные, а изнутри тянуло древней сыростью, гарью, чем-то затхлым и в то же время слишком живым, чтобы быть всего лишь воздухом давно запечатанного места. Заклинание смолкло. Голоса поднятых соратников один за другим оборвались, и наступившая после многоголосого хора тишина показалась почти невыносимой. Из расщелины что-то двигалось. Сперва — лишь силуэт, слишком большой, чтобы быть человеческим, слишком неровный, чтобы принять его за зверя. Затем показалась голова, вытянутая, тяжёлая, с очертаниями древнего ящера. Но это был не ящер.

Это был дракон. На Дераверне, в глубокой древности, если верить самым старым хроникам и полузабытым сказаниям, существовали лишь черные драконы. Создания не просто редкие — почти мифические, настолько древние, что сами летописи рядом с ними казались недавними. И все же тот, кто вышел из расщелины, не был угольно-черным. Его чешуя имела гнилостно-бордовый оттенок, будто старое вино смешали с засохшей кровью и пеплом. Этот цвет казался больным, порченным, но оттого не менее величественным. Напротив — в нем было нечто особенно зловещее, будто сам мрак на его шкуре успел сгнить за века заточения. Он был исполинским. Одним из тех существ, рядом с которыми любое живое невольно ощущает собственную ничтожность. Даже в полусогнутом положении, выбираясь из разрыва, он возвышался так, что его голова терялась на фоне грозового неба. Огромные рога тянулись назад, словно обломанные пики. Между пластинами чешуи в некоторых местах темнели рубцы, будто оставленные давними битвами или еще более древними цепями. Глаза его горели тусклым, глубоким светом, в котором не было звериной ярости — лишь древний ум, переживший слишком многое. Дракон резко вскинул голову и взревел. От этого звука содрогнулся воздух. Взмах его крыльев поднял вокруг целые потоки воды и грязи, словно сама буря на миг отшатнулась перед ним. В ближайшей роще с криком вспорхнули вороны, сорвались с ветвей и в беспорядке разлетелись в стороны, черными клочьями рассекая небо. Даже гром на мгновение будто отступил, уступая место этому голосу. А затем дракон заговорил. Его слова прозвучали громко и ясно, так, будто они были обращены не только к стоящим перед ним, но и ко всей земле вокруг, к лесам, холмам, руинам, костям под землей и тучам над головой.

— Это начало. Всего два слова. Но в них было больше веса, чем в длинных речах королей и проповедников. Они упали на мир, как приговор.

Таинственная фигура не стала медлить. Он шагнул вперед, поднял меч так высоко, как только мог, подставляя клинок под дождь и тусклый свет молний. В этом движении не было ни страха, ни восторга — только суровая, почти обрядовая решимость. Затем он опустил оружие и склонил его перед драконом в знаке почтения и признания. Когда он заговорил, его голос прозвучал четко и глухо, словно удар по крышке гроба:

— Мы отомстим. За его спиной уже поднимался иной звук.

Из тьмы, из глубины равнины, откуда они пришли и куда не достигал свет молний, доносилось множество голосов. Крики. Стоны. Глухой рев. Слитые вместе, они были похожи то ли на боевой клич, то ли на плач целого воинства, слишком долго ждавшего своего часа. Этот шум ширился, приближался, нарастал волнами, и в нем было ясно одно: дракон явился не в пустоту. Его ждали. Его призыв был услышан.

Глава 6 - Ирида

Нельзя однозначно сказать был добр или зол. Все его поступки имели под собой основание. От этого он и действовал.

Ирида. Смотрительница

Ирида остановилась в небольшой деревушке в нескольких лигах от столицы Артрейна Вейса. С виду это было самое обычное селение, каких по дорогам королевства стояли десятки: без особой роскоши, но и без той безнадёжной нищеты, что сразу бросается в глаза. Здесь не было ни богатых усадеб, ни покосившихся лачуг, в которых, казалось, сам ветер жил дольше людей. Деревня держалась на простом и упрямом труде. Одни зарабатывали в шахтах, что тянулись к северным холмам чёрными, сырыми ранами земли, другие промышляли охотой, кто-то чинил упряжь, ковал железо, торговал зерном, а кто-то, не имея ни ремесла, ни охоты к работе, коротал дни за картами и дешёвым пойлом. Ириду всегда поражало, как местные вообще выдерживают такую жизнь. Крестьяне поднимались с первым светом, когда солнце только-только касалось крытых соломой крыш, и работали до самого заката, пока вечерняя сырость не ложилась на поля холодным серым покрывалом. Земля не прощала лености и не терпела глупости. Недостаточно было просто вспахать участок и засеять его чем попало. Нужно было знать почву, помнить капризы погоды, угадывать, что принесёт год — затяжные дожди, ранние заморозки или суховеи, от которых трескалась даже глина. Пшеницу здесь сеяли реже, рожь — чаще, она была крепче, выносливее, лучше переносила дурную погоду. Но и тут всё решал опыт. Каждый хозяин сам знал, что именно доверить своей земле, и редко ошибался дважды от этого напрямую зависела их жизнь.

Впрочем, не все в деревне были одинаковы. Всегда находились и те, кто предпочитал держаться поближе к трактирам, нежели к пашне. Такие целыми днями шатались без дела, пили мутное пиво, встречали в кулачные драки, ставили последние гроши на карты и жили одним днём, как бродячие псы, привыкшие искать объедки у чужого порога. Некоторые из них надеялись ухватиться за случайную работу, другие — просто дотянуть до следующего вечера, а самые неудачливые нередко заканчивали тем, что проигрывали в долг больше, чем могли отдать, и шли в услужение к более удачливым или более жестоким людям. В тот вечер Ирида сидела в таверне — тоже самой обычной, насквозь пропахшей дымом, кислым вином, жареным луком и человеческой усталостью. Под низкими закопчёнными балками гудели голоса, где-то в углу лениво брэнчала струна, за столами хрипло смеялись шахтёры, уже успевшие спустить часть заработка, а служанка с усталым лицом сновала между ними с кружками и мисками. По полу тянуло холодом, под лавками валялась солома, впитавшая пролитое пиво и грязь с сапог. Ирида сидела одна, чуть в стороне от общего шума, и потому неизбежно привлекала взгляды. Она слишком не походила на местных женщин: в её осанке, в спокойствии лица, в том, как она держалась, было что-то чужое для этого места. Не яркое, не нарочитое — просто иное. А в подобных местах чужаков замечали быстро. Не прошло и получаса, как к её столу подошёл мужик — из тех, кого жизнь давно уже вывернула наизнанку, оставив только наглость, тупое упрямство и жадные инстинкты. Лицо у него было красное, рыхлое, с полопавшимися у носа сосудами — борода свалелась в грязные клочья, а рубаха была распахнута так, будто ему было жарко даже в промозгом вечернем воздухе. От него несло крепким пшеничным самогоном так сильно, словно он не пил его, а вымок в нём с головы до пят. Глаза блестели мутно и липко — не весело, не пьяно даже, а именно мерзко, с тем животным выражением, которое Ирида замечала слишком часто и всегда распознавала с первого взгляда. Он без спроса плюхнулся напротив, тяжело опершись локтями о стол, и расплылся в ухмылке, обнажив жёлтые зубы.

— Эй, девушка. Местечко не найдётся?

Сказано это было так, будто он уже решил, что нашёл лёгкую добычу. Он не собирался тратить время на осторожность или любезности. В его маленькой пьяной голове всё, вероятно, уже сложилось самым простым образом: одинокая женщина, дешёвая таверна, поздний вечер — чего ещё ждать? Он смотрел на Ириду с ленивой уверенностью человека, который привык, что более слабые опускают взгляд, отодвигаются или молча терпят. Но если бы он был хоть немного трезвее, то, возможно, заметил бы одну простую вещь — Ирида не испугалась. Даже не насторожилась. Она лишь медленно подняла на него глаза, и в этом спокойном взгляде было что-то такое, от чего более разумный человек предпочёл бы сразу встать и уйти, не оглядываясь. Ирида не подала виду, что её терзает раздражение. Годы изнурительного обучения приучили её скрывать чувства так же глубоко, как прячут фамильные клинки. Она не принадлежала к старшим расам, не была эльвийкой, в чьих жилах течёт древний холод, а была лишь человеком — но человеком бесспорно одарённым. Она продолжала сидеть, медленно, почти лениво потягивая густую смородиновую медовуху. Этот тягучий ягодный напиток был её маленькой слабостью во время долгих странствий. Торопиться было некуда. Её учитель, загадочная фигура в золотой маске, до сих пор не явился. Обычно он был пунктуален до тошноты, словно сами песочные часы королевства замирали в ожидании его шага, но Ирида понимал — в Дераверне всякое случается. Она привыкла ждать. Крестьянин же, чьё присутствие всё сильнее отравляло воздух вокруг, принял её молчание за робость. Он был типичным продуктом этой земли: высокий, кряжистый, с пудовыми кулаками, но лишённый и капли проницательности. В таких глухих углах Артрейна ум считался обузой — здесь выживали те, кто мог махать киркой или топором до кровавого пота, пока герцог не призовет в ополчение, чтобы использовать их в качестве пушечного мяса.

Увидев, что гостя его игнорирует, мужик побагровел. Он поднялся и коротким жестом подозвал подельников — парочку таких же ополоумевших от безнаказанности вышибал. Те, не спеша, выудили из-под стола тяжёлые дубинки. Просто обрубки дерева, без шипов и обивки, но их веса вполне хватало, чтобы проломить череп или превратить воспоминания о сегодняшнем вечере в кровавую кашу.

— Парни, а ну-ка подсобите! — зычно выкрикнул зачинщик, чувствуя за спиной поддержку.

Но тут голос подал трактирщик. Он возвышался за стойкой, словно старый утёс — грузный, мощный, с лицом, перепаханым шрамами. Вместо левого уха у него красовался рваный рубец. В приграничье такая отметина могла значить лишь две вещи — либо он когда-то побывал в застенках инквизиции, где палачи не скупались на «сувениры», либо лишился его в плену во время былых войн, когда солдаты метили врагов, как скот.

— Оставьте девку в покое, — прогремел он, и его правая рука скрылась под прилавком. Судя по напряжённостям плечам, там лежал либо заряженный арбалет, либо тяжёлый тесак.

Крестьяне замерли, обмениваясь взглядами. Они взвешивали шансы — жажда лёгкой наживы против вероятности получить железо в брюхо. Самое занятное, что в другом углу таверны сидели стражники. Служивые люди, чей долг был блюсти порядок, даже ухом не повели. Они методично глушили пшеничный самогон, лениво наблюдая за назревающей резнёй, как за скучным представлением.

Эта деревня так и дышала тревогой — и не из-за пьяных драк, для стражи это было обыденностью и они не тратили силы. Буквально в паре лиг, за густыми лесами и болотами, лежали границы Земриса. О том мрачном крае крестьяне говорили только шепотом, пугая друг друга сказками о кровавых ритуалах тёмных эльвов и детях, бесследно исчезающих в тенях. В такой близости к чудовищам людская злоба казалась мелкой и пустой. Ириде надоело это зрелище. Она сделала последний, долгий глоток медовухи, ощущая на языке сладость ягод и теплоту спирта. Одним плавным движением она поправила плащ и откинула назад длинные

светлые волосы, которые в тусклом свете ламп отливали холодным серебром. Встав из-за стола, она направилась к выходу, не удостоив ни одного из мужиков даже взглядом.

— Доброй ночи, господа. Надеюсь, остаток ваших дней пройдет так же плодотворно, — негромко, но отчетливо произнесла она.

Манеры не оставили её даже здесь. Учитель в маске всегда говорил: «Даже если ты по колению в грязи, голос должен звучать так, будто ты на приеме у короля». В этом была её сила, и в этом было её презрение ко всему, что пыталось преградить ей путь.

Крестьяне оторопели. Никто ещё не выставлял их такими дураками, да ещё так буднично, словно они были назойливыми мухами, а не хозяевами этого кабака. Самый рослый из них, чья морда раскраснелась от выпивки и злости, рванулся следом. Он настиг Ириду у самого порога и мертвой хваткой вцепился ей в плечо.

— А ну стой, сука! Мы с тобой ещё не закончили!

Он дернул её на себя, намереваясь развернуть и швырнуть на заплыванный пол, но Ирида даже не пошатнулась. Это было неестественно. При её среднем росте и кажущейся хрупкости стройного тела, чьи изгибы могли бы свести с ума и серва, и надменного эльва, она стояла как вкопанная, словно гранитное изваяние. Мужик снова рванул её за плащ, вытаращив глаза от удивления, но девушка лишь пренебрежительно повела плечом. Короткий, едва заметный жест — и пальцы крестьянина соскользнули, будто по маслу. Она даже не обернулась. Лишь изящно взмахнула ладонью на прощание и скрылась за тяжелой дверью, оставив преследователей глотать пыль.

— Чертовы идиоты, — прошипела она, оказавшись в ночной прохладе. — Проще было бы перерезать им глотки.

Слова наставника о манерах и сдержанности сейчас казались ей издевательством. Она чувствовала, как внутри закипает холодная ярость, адресованная вовсе не деревенщине.

— Ну и где тебя демоны носят? Почему ты вечно заставляешь меня ждать?

Ирида направилась прочь от освещенных окон трактира. Денег на комнату не было — учитель принципиально не выделял ей ни медного гроша, вбивая в голову суровую истину — он дает знания, а золото она должна добывать сама. Конечно, с её внешностью существовали протоптанные дорожки к легкому заработку, но Ирида скорее бы вскрыла себе вены тем обломком зеркала, что хранила в сумке. Прошлые, полное нищеты и грязных рук, тянущихся к ней в подворотнях, научило её ценить достоинство выше сытого желудка. Путь лежал в конюшни. Там, пустив в ход остатки обаяния и пообещав конюху помочь с чисткой стойл на рассвете, она выторговала себе право на ночлег.

— Какая ирония, — горько усмехнулась она про себя, ступая в пахнущее сеном и навозом помещение. — Красавица в шелках спит среди кобыльего пота, потому что совесть — слишком дорогая роскошь».

В стойлах стояли четыре статных зверя — гнедая, вороная, серая и рыжая кобылы. Крупные, ухоженные лошади явно принадлежали местному феодалу. Готовили их не для пахоты, а для большой крови. Наверняка эти скакуны скоро понесут рыцарей на очередную бойню, подобную той, что недавно отгремела на Закатных холмах, принеся герцогу сомнительную славу и кучу свежих могил. Ирида пробралась в свой угол. Она устроила здесь подобие личного пространства, отгородив топчан старой шторой. Девушка маниакально следила за чистотой, даже в такой дыре — наставник повторял, что красота — это её клинок, и он не должен ржаветь.

— А не быть полоумной душой в грязи... черт бы всё побрал. Подумала она.

Она задернула занавеску. Запах навоза и прелого сена никуда не делся, но здесь, в полумраке, среди шуршания соломы, создавалась иллюзия уюта. Присев на потертый коврик, Ирида достала из сумки потрёпанный дневник. Это был старый молитвенник Инквизиции — дешевое издание, которое церковники скармливали пастве. «Чем проще ложь, тем охотнее в

неё верят», — повторял учитель. Но Ириду не смущали догмы. В этих строках о смирении и очищении огнем она парадоксальным образом находила покой. Ей просто хотелось, чтобы вся эта суета, вечный холод и ожидание когда-нибудь прекратились. Чтобы наступила тишина. Прошло время. Закрыв книгу, Ирида приняла позу для медитации. Тело замерло, дыхание стало едва уловимым. Она пыталась собрать осколки мыслей и выстроить план на случай, если наставник не вернется. Две недели тишины — это слишком долго даже для него.

— Дорога туда и обратно, он обещал... — Ирида на мгновение приоткрыла глаза. В их глубине блеснула сталь. — Чувствую, в той башне что-то пошло не так. Либо его окончательно задрали темные сущности, либо какой-нибудь охотник за головами оказался быстрее. Что ж... невелика потеря. Давно пора было привыкать действовать самой.

Часы текли тягуче, сливаясь в серое марево раздумий, пока тишину не нарушил робкий шорох. Ее прервал сын конюха — юноша на диво опрятный и ладный. В его облике не было привычной для этих мест крестьянской неотесанности — простая одежда сидела на нем аккуратно, а чистые руки и ясный взор невольно цепляли взгляд. Ирида, привыкшая видеть вокруг лишь сальные рожи, отметила про себя эту деталь. Парень так отчаянно застенялся, встретившись с ней глазами, что Ирида мгновенно всё поняла: он не просто был кроток, он, скорее всего, вообще никогда не заговаривал с женщинами своего круга, не говоря уже о такой, как она.

— П-простите... П-простите, госпожа, — пролепетал он, заикаясь то ли от благоговейного страха, то ли от жгучего смущения.

Ирида медленно вышла из состояния транса, отодвинула штору и легким, почти кошачьим жестом поманила его к себе. Юноша замялся, но всё же сделал шаг под навес, то и дело порываясь отвести взгляд.

— Ну чего же ты? К чему эта робость? Неужто за всю жизнь красавиц не видел? — спросила она, едва сдерживая лукавую улыбку. Ей было забавно наблюдать за его замешательством; она видела его насквозь.

— Д-да... О-отец... он зовет вас ужинать, — наконец выдавил он, преодолевая косноязычие.

Ирида вновь коротко улыбнулась и, не проронив ни звука, закрыла занавес прямо перед его носом.

— Ступай, я скоро буду, — донеслось из-за преграды.

В мыслях она довольно отметила, что ее обаяние всё еще безотказно бьет в цель, и этот мальчишка стал прекрасной мишенью для небольшой тренировки. Приведя мысли в порядок, Ирида принялась за уход над собой. Она извлекла из сумки тяжелый бронзовый гребень, изящная работа которого явно не вязалась с обстановкой стойла, и принялась расчесывать свои светлые локоны. Золотистые пряди рассыпались по плечам, переливаясь в тусклом свете. Слух, обостренный медитацией, уловил, что за занавеской не спешат уходить — юноша словно прирос к полу, ловя каждый звук за тонкой тканью.

— Негоже подслушивать за взрослой дамой, — негромко, но отчетливо произнесла она с насмешкой в голосе.

По ту сторону раздался испуганный топот — парень припустил к выходу так быстро, как только мог. Ирида вновь усмехнулась, оглядев свое отражение в осколке зеркала. Она знала цену своей красоте и умела ею пользоваться. Завершая приготовления, она достала флакон из потемневшей бронзы. На доньшке оставалось совсем немного драгоценной эссенции. Пара капель — и по затхлому стойлу разлился густой, дурманящий аромат ванили с терпкой ноткой лесной малины. Сладкий, обволакивающий запах, который мужчины запоминали навсегда. Закончив, она направилась к дому конюха. Деревня погружалась в сумерки. Крестьяне, закончив дневную страду, расходились по домам или тянулись к трактиру, чтобы залить усталость кислым элем. Дом конюха встретил ее непривычной чистотой и почти домашним теплом. Хозяин

жил один — его жена давно сгинула от хвори. Старожилы шептались, будто болезнь навели колдуны из Земриса, чтобы ослабить деревню и похитить детей для нужд эльвов из Золотого леса. Ирида в эти суеверия не верила, считая их плодом скудоумия, но по привычке, внушенной наставником, коснулась висевшего на поясе молитвенника.

— Слава им, — едва слышно прошептала она, воздавая формальную пошь инквизиторам, чьи проповедники вечно твердили о «божественном присутствии».

— Можно войти? Я не постучала, — произнесла она, замирая в дверях.

— Входи, конечно! Заждались уже, — отозвался мужской голос из глубины дома.

Конюх как раз заканчивал накрывать на стол. По меркам здешних мест пиршество было королевским — дымящаяся овсяная каша с печеными яблоками и дроблеными орехами, пышный ржаной каравай, кувшин с медовухой и — к удивлению Ириды — кольца жирной колбасы. Наверняка это была дичь, добытая у лесных разбойников или купленная втридорога. На мгновение девушка даже растерялась. Столь радушный прием в этом суровом краю был редкостью, вызывающей почти забытое чувство неловкости. Сын конюха уже сидел на лавке. Его глаза горели предвкушением — молодой, вечно голодный организм требовал еды после работы на свежем воздухе. Ирида плавно опустилась на скамью, чувствуя на себе восхищенный взгляд юноши и спокойное, доброе гостеприимство его отца. Семья и впрямь казалась удивительно дружелюбной.

— Не стесняйся, — почти в один голос сказали отец с сыном, будто одним этим старались развеять ее смущение.

Ирида осторожно опустилась на скамью и на миг растерялась, не зная, с чего начать: с густой каши, с хлеба или с ломтя аккуратно нарезанной колбасы. Конюх, заметив ее замешательство, мягко улыбнулся.

— Не переживай, ты нам ничем не обязана. Просто захотелось разбавить наши с сыном вечера хорошей компанией. Так что чувствуй себя как дома.

Ирида ответила ему улыбкой и невольно подумала, что перед ней действительно редкие люди. Не такие, как те мрачные, потные мужики из трактира, от которых вечно исходила одна и та же опасность. Таких, как эти двое, ей в жизни встречалось мало. Обычно попадались либо грубые скоты, либо те, кто смотрел на нее так, словно уже решил, как именно будет ломать ее жизнь.

— Расскажи о себе. Ты ведь много путешествуешь? — спросил конюх.

Его сын тут же начал яростно кивать, едва не подпрыгивая на лавке. Видимо, ему и вправду хотелось услышать о дальних землях, о которых здесь, в глуши, знали только по слухам, страшилкам да редким сказкам.

— Это правда. Мне много где довелось побывать вместе с моим учителем, — проговорила Ирида, аккуратно пережевывая кашу. — Даже среди гномов Осаргаров, в других королевствах, в Фирдэне... и даже в землях Земриса.

На лице конюха отразилось неподдельное изумление.

— В землях Земриса? — переспросил он так, будто услышал нечто невозможное. Сын от неожиданности даже уронил ложку в миску.

— Да. Вместе с учителем мы бывали там по делам: искали ответы на некоторые вопросы, а еще ездили на переговоры с их послами. Удивительно красивое место. Даже Вэйс может померкнуть рядом с ним — так там переплетаются природа и искусство. И эльвов там немало.

— Эльвы и люди живут вместе? — Конюх явно не мог поверить своим ушам.

— Да — тихо ответила Ирида.

И сама на миг удивилась тому, как легко рассказывает обо всем этим первым встречным людям, которые просто накормили ее простой крестьянской едой. Разговор потек дальше, неторопливо и тепло, словно густой вечерний мед. Она рассказывала о чудесах Земриса — о домах, что были умело вплетены в чаши золотых деревьев, о разведчиках, стерегущих покой путни-

ков и жителей, об их обычаях и гостеприимстве, о том, как они рады чужеземцам, несмотря на все страшилки, которыми пугают детей и крестьян в этих землях. Она говорила и об эльвах, которые сумели жить рядом с людьми и почти отказались от магии. Хотя, конечно, она не уточняла, что отказ этот был вовсе не добровольным, а скорее вынужденным — чтобы не стало слишком много старой силы, слишком много воли, слишком много непокорности. Она рассказывала и о том, как в Земрисе власть устроена особым образом — королем там может быть только человек, избираемый сенатом из знатных граждан, и правит он всего пятнадцать лет, чтобы не успеть ослепнуть от власти. Королеву же выбирают на народном собрании из эльвов, и срок ее правления куда дольше — тридцать лет. Потому и не редкость, что у королевы бывает несколько мужей, королев-консORTов, и множество детей. Но ни мужья, ни дети не имеют права претендовать на власть или наследовать ее. Им не позволено даже входить в сенат, чтобы не нарушать хрупкий порядок, на котором держится это странное и древнее государство. Народ Земриса был традиционен, как лес, среди которого жил Ирида говорила всё больше, хотя уже понимала, что начинает болтать лишнего. Ее наставник всегда твердил — не стоит рассказывать простому люду о том, что видели в пути. Это почти всегда плохо заканчивается — для них или для того, кто рассказывает. Они не любят нового, не терпят перемен и чужих чудес.

— К черту его советы, — мелькнуло у нее в голове.

И она продолжила. Теперь уже в подробностях она описывала, как живут эти люди, как устроен их день, как далеко не все трудятся до изнеможения, как у них четко разделены занятия: одни больше занимаются торговлей и устройством земель, другие — стрельбой из лука, третьи отдают себя искусству и хроникам. Чем дольше она рассказывала, тем внимательнее слушали и сын конюха, и сам хозяин дома. Она и без того умела притягивать взгляды — была красива, обворожительна, а еще говорила так живо и увлеченно, что ее было попросту невозможно не слушать.

— Эх... вот бы увидеть мир. Отправиться в путешествие, — мечтательно произнес сын конюха.

Отец рассмеялся.

— Еще успеешь, сынок. Еще успеешь. Даю слово — сделаю все, чтобы у тебя это получилось.

И чем дольше они беседовали, тем быстрее летело время. Сам конюх тоже немного рассказал о своей молодости. До того как встретил покойную жену, он успел повидать мир. Служил в армии пограничного герцога, отца Дерриона. Тогда-то он и увидел Фирдэн, и гномов, и даже земли Дабориса — мрачные, бедные и неприветливые.

— Не такие чудеса, конечно, но тоже было на что посмотреть. Больше всего меня, пожалуй, поразили гномы.

— Удивительный народ, — негромко сказала Ирида.

— Расскажите! — тут же попросил сын конюха.

Они оба засмеялись — и отец, и Ирида. В этот миг в доме и правда стало по-семейному тепло, почти по-домашнему, несмотря на вечернюю тьму, что уже подступала к окнам. Конюх неспешно продолжил:

— Во время одной из стычек я познакомился с одним гномом. Он был седой... И, по всему видно, даже среди своих выделялся возрастом. Он на миг задумался, будто снова увидел перед собой того старого воина.

— Мы должны были охранять караваны. Ты ведь знаешь, в Артрейне отношения с их народом не из лучших.

Ирида кивнула — она и без того прекрасно знала, что об этом думают все. Гномы ненавидели Артрейн так, как ненавидят старую незаживающую рану. И, если верить слухам, будь у них достаточно сил, они давно стерли бы его с лица земли. И причина тому была одна — Арлей Жестокий. Тот самый правитель, что держал у них рабов, ломал судьбы и пытал без

жалости, будто людская боль была для него не страшнее грязи под сапогом. Но конюх и не думал останавливаться. Он продолжал свой рассказ о том злосчастном дне, когда получил свой страшный шрам, защищая караван. Их было всего семеро — семь сопровождающих против целого отряда гномов, выскочивших из-за каменных уступов, будто сама земля изрыгнула их наружу. Стычка вышла яростной и короткой. Шансов почти не было.

— Но именно тогда я получил не только шрам, — усмехнулся он, хотя в глазах его на миг мелькнула тень старой боли. — Тогда я получил и вторую жизнь.

— Вторую жизнь? — переспросил сын, уже не сводя с отца глаз.

Конюх кивнул.

— Ударил меня эфесом своего молота по голове и отправил в темноту. Я потерял сознание почти сразу.

— Отец, ты никогда мне этого не рассказывал — тихо проговорил сын.

Ирида, медленно пережёвывая кашу с колбасой и запивая её медовухой, слушала не отрываясь. История неожиданно захватила её: в голосе конюха было что-то тёплое, почти благодарное, когда он говорил о своём давнем враге. Оказалось, тот гном тоже потерял сознание в бою. Очнувшись первым, он увидел раненого человека. Мог добить его без труда — один взмах молота, и всё было бы кончено. Но вместо этого подошёл, перевязал раны и помог ему дожить до утра. Конюх говорил об этом с такой теплотой, с таким тихим уважением, словно вспоминал не старого противника, а настоящего друга, которого давно потерял.

— Потом мы нашли заброшенный домик на окраине, — продолжал он. — Переждали там, пока немного оправимся. А после разошлись каждый своей дорогой. До сих пор жалею, что не знаю, как сложилась его судьба. Надеюсь, у него всё хорошо. Ирида улыбнулась и кивнула.

— Потрясающая история. И очень поучительная, — сказала она. Конюх тоже улыбнулся, потом откинулся на спинку лавки и тяжело выдохнул.

— Ну, хватит на сегодня. Время позднее. Завтра встать рано. И ведь даже не заметили, как вечер пролетел.

Ирида согласилась, поблагодарила за радушный приём, попрощалась с сыном конюха и вышла наружу.

Сумерки уже сгустились, и она, довольная и немного расслабленная, направилась к хлеву. Но едва приблизилась, как кобылы внутри тревожно заржали. Ирида напряглась.

— Спокойно, — велела она себе. — Тебя учили не паниковать.

Однако в голове сразу вспыхнули самые мерзкие варианты того, что могло случиться. Она осторожно вошла в сарай — и замерла. В её углу, будто тень, сидел наставник. Он внимательно просматривал её молитвенник. Стоило Ириде появиться, как он захлопал в ладони — медленно, почти насмешливо. Она вовсе не хотела его видеть. Более того, надеялась, что он сегодня не вернётся. Но всё же подошла ближе, спрятав за вежливой улыбкой напряжение и злость.

— Наставник! Я так вас ждала, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал искренне. Но он не был глупцом. Он слишком хорошо видел фальшь.

Маска на его лице чуть дрогнула, он раздражённо поправил её, а затем швырнул молитвенник в сторону, словно ненужный мусор. Сняв перчатку, он резко ударил её по щеке своей холодной, мертвенно-бледной рукой.

— Ты меня подвела, — произнёс он глухо и страшно спокойно.

Ирида застыла. Груз его угроз упал на неё мгновенно, тяжело, как каменная плита.

— Две ошибки за один вечер. Сколько раз я тебе говорил об этой мерзости инквизиции? Выкинь её, или это сделаю я. В его голосе звучала такая властность, что даже его потрёпанный после башни магистрата вид не делал его менее опасным.

— Простите я не хотела вас подвести, — начала она, но он не дал ей договорить.

— Молчать!

От его крика она вздрогнула.

— Сколько раз я повторял: не рассказывай о наших путешествиях. Ладно, ты глупа, но зачем подвергать опасности обычных людей? А наш план? Что ты им наговорила?

— Совсем ничего, наставник простите меня, — выдавила она.

— Тогда за что ты извиняешься?

И снова — второй удар. На этот раз по другой щеке. После этого Ирида окончательно потеряла дар речи. Страх, который она почти успела забыть за последние две недели, вернулся с прежней силой. Наставник был жесток. Не просто строг — жесток по-настоящему. И всё же он перешёл к делу. Он велел ей дожидаться трёх спутников — черноволосого молодого эльва, крайне одарённого в магии и, как он подчеркнул, способного в будущем заменить её, его брата Элая, предводителя певчих, за которыми они уже успели начать наблюдать, и раненого гнома по имени Лорик. Ирида слушала каждое слово, не позволяя себе ни малейшего движения, словно любое неверное дыхание могло стоить ей чего-то куда худшего, чем пощёчина.

— Ты поняла? — спросил он.

— Да, наставник.

Он и не ожидал другого ответа. Манеры и уважение для него были не пустым звуком. Затем он пояснил, что сегодня слишком много колдовал: за один день открыл сразу три портала и почти выгорел до предела. Ещё один такой рывок — и в лучшем случае он просто рухнет без сил. В худшем — окажется там, куда попадают маги, решившие, будто их жизни не нужна цена. — Сделай это, — приказал он. — Мне нужно попасть к Инаэлю. Верховному магу. Ирида подчинилась. Она достала кинжал и вскрыла себе две вены. Для такого искусства крови этого было недостаточно — ей приходилось платить куда более высокую цену, и потому она не могла прибегать к нему часто. Портал вспыхнул и разверзся перед ними, будто тёмная рана в воздухе. Наставник коротко поблагодарил её и, прежде чем исчезнуть, провёл бледной рукой по щеке, которую ещё жгло от удара.

— Умница. Не подведи меня.

Ирида лишь кивнула. Он шагнул в портал и растворился в его мраке. А снаружи, уже у самого хлева, раздался голос конюха:

— Эй! С тобой всё хорошо? Я слышал какой-то странный голос!

— Всё отлично! Вам показалось! — поспешно ответила она.

Но в глубине души понимала: ничего хорошего не было. Наставник был по-настоящему зол. Значит, что-то пошло не так. Неужели план дал трещину? Впрочем, сейчас это было неважно. Нужно было дожидаться этих троих. Нужно было подготовиться.

Глава 7 - Тайны под маской

Каждая маска, имеет свою тайну. Но не каждый способен ее разгадать.

Неизвестный проповедник Инквизиции.

Незнакомец в маске шагнул в портал — густую, пульсирующую рану в пространстве, которую Ирида сотворила ценой собственной крови. Силы мага были на исходе: недавняя стычка с тварями изнанки выпила его досуха, оставив лишь пепел в венах и прорехи в хитине магической защиты. План, выверенный до мелочей, трещал по швам. Сэнд должен был идти следом, плечом к плечу, но теперь он остался один на один с необходимостью не только зализывать раны, но и как-то выстраивать оборону этого проклятого города.

— Совсем не то, на что я рассчитывал, — глухо проронил он, и голос его утонул в вязкой тишине перехода.

Впрочем, время у него еще было. У порталов, рожденных из искусства крови, была одна зловещая и странная особенность: время внутри них теряло линейность. Пока в материальном мире проходило едва ли пять минут, здесь, в межреальности, секунды растягивались в часы. Опытные мастера — такие как он сам, Инаэль или, возможно, оставшиеся представители Двенадцати — умели использовать этот лимб, чтобы восстановить резервы. Это требовало запредельной концентрации и стальной выучки, ведь малейшая ошибка в медитации могла оставить мага в этой пустоте навсегда. Направляясь в обитель Верховного мага Коллегии, незнакомец закрыл глаза, позволяя сознанию погрузиться в холодную глубину медитации. Но мысли, обычно послушные, в этот раз превратились в терновник.

— Мой господин... он торопит, требует плодов, когда дерево едва зацвело, — прошептал он сам себе, и в этом шепоте не было почтения, лишь усталость. — Нельзя спешить. Спешка порождает ошибки, а за старые промахи мы и так заплатили слишком высокую цену.

Тьма вокруг него вибрировала, отражая внутренний разлад.

— Когда-то мы уже оступились, приняв быстрое решение за верное. И теперь он толкает меня на тот же путь? Нет. Второй раз я этот капкан не захопну.

Он замолчал, чувствуя, как внутри ворочается ледяной ком сомнения.

— А что, если господин переметнулся? Если он, как и в те далекие, забытые эпохи, затеял свою игру, где мы лишь расходный материал для его долгоиграющих планов?

На старого хозяина это было не похоже, но ядовитое зерно подозрения уже пустило ростки. Мир вокруг рушился, союзы рассыпались в прах, и в этой подступающей мгле оставалась лишь одна точка опоры. Он мог верить только самому себе.

— Нужно быть осторожнее. Глаза и уши повсюду, — тихий шепот мага затерялся в мареве портала. — А Ирида? Пожалуй, я был излишне суров. Глупая девчонка... Я ведь понимаю, что она чувствует. Но такие ошибки в нашем деле стоят жизни. Долг любого отца, пусть даже нас не связывает кровь, — защитить свое дитя от её же слабостей. Когда-нибудь она поймет. Или возненавидит.

Часы в магическом безвременье тянулись бесконечно долго, пока сознание странника дрейфовало в глубокой медитации. Когда же пелена магии наконец истончилась, его выбросило в реальный мир прямо перед воротами Башни. Ирида, при всем её таланте, не могла перебросить его в самое сердце цитадели: древние щиты Коллегии, вытканые из запретных заклятий и воли многих поколений, не пускали чужаков, подобно неприступной чешуе дракона. Его ждала лишь парадная лестница. У входа замерли стражники. На каждом — тяжелая вишне-

вая накидка, символ Искусства Крови, на которой золотой нитью сверкала эмблема — скрещенные кинжалы под сенью ослепительно-белого посоха — личного знака Инаэля. Заслышав шаги, воины, до того пребывавшие в полудреме, мгновенно вытянулись в струну. Бряцание стали разнеслось в ночном воздухе: копья и щиты вскинулись в безупречном церемониальном салюте. Под маской незнакомца промелькнула тень усмешки.

— Дисциплина у них всегда была на зависть многим, — отметил он про себя.

Чеканя шаг и стараясь скрыть остатки слабости, он начал подъем по крутым ступеням. Стражники, не проронив ни слова, распахнули перед ним тяжелые дубовые створки — то ли из глубокого почтения, то ли из шкурного страха перед плетью или выговором начальства. В холле его уже ждал камергер. На мужчине был безупречно выглаженный сюртук цвета спелой черешни. Каждое движение слуги, каждая складка на его одежде дышали опрятностью и порядком. Он склонился в глубоком, выверенном веками поклоне.

— Ваше Превосходительство, — голос камергера был сух и почтителен. — Добро пожаловать.

Эта речь, эти манеры были плодом изнурительных лет муштры. Незнакомец верил, что у каждого человека должно быть свое дело, в котором он стремится к идеалу. Магия, кровь или просто умение правильно открывать двери — не важно. Важна лишь суть: не позволять своей душе лениться. Маг ответил на приветствие коротким кивком и встречным поклоном. Он был настолько выверенным, технически безупречным и грациозным, что камергер невольно вздрогнул. Они виделись сотни раз, но каждый раз этот человек в маске демонстрировал совершенство, которое простого смертного вводило в трепет. Мимо них, в тених парадной гостиной, сновали послушники — люди самых разных возрастов и судеб. Кто-то из них метил в тайный совет Двенадцати, но большинство было обречено остаться лишь «имитаторами» — тенями настоящих магов или обслуживающим персоналом, как этот несчастный камергер. Впрочем, такова природа этого мира — каждому уготована своя судьба, и немногие находят в себе силы её переписать.

— Что же привело вас в наши стены в столь неурочный час? — камергер нарушил вязкую тишину, заполнившую холл.

Ответ прозвучал сухо и хлестко. — Мне нужен верховный маг. Немедленно.

Слуга на мгновение опешил. Вековые традиции Коллегии не терпели подобного небрежения. Чтобы удостоиться аудиенции, проситель должен был заручиться поддержкой как минимум троих магов коллегии, пройти через череду формальностей и ритуальное ожидание. Явиться в предрассветные часы и просто потребовать встречи с главой ордена было верхом дерзости.

— Но вы же знаете наш порядок... — камергер тщательно подбирая слова, балансируя на грани учтивости и страха. — Я не властен проводить вас к нему в обход закона.

— Мое дело не терпит отлагательств. И не вам, любезный, поучать меня вашим традициям. Мы друг друга поняли? — незнакомец придвинулся ближе, и от него повеяло могильным холодом. Камергер ощутил, как тяжелая воля гостя буквально вдавливают его в плиты пола.

Послушники, до того делавшие вид, что поглощены изучением пыльных талмудов, начали украдкой коситься на спорщиков. Однако любопытство мигом испарилось, когда сверху, со стороны главной лестницы, раздался мерный стук. Звук тяжелого посоха, бьющего по камню, эхом отозвался под сводами башни. Вниз спустился сам Инаэль. Рядом с ним, словно тень, следовал советник Арад — второй человек в иерархии Коллегии. Несмотря на высокий титул, все в этих стенах знали — пропасть между их могуществом была поистине колоссальной. Арад был лишь умелым в магии, в то время как Инаэль воплощал собой первозданную, пугающую силу. Незнакомец в маске прекрасно это понимал — блеск золотых шитых риз советника не мог затмить тусклое, но смертоносное сияние, исходившее от верховного мага. Камергер, бледный как полотно, поспешно отступил в сторону.

— Простите... я лучше пойду, — едва слышно пролепетал он и скрылся в тени колоннады.

Гость за маской едва заметно усмехнулся. Инаэль редко покидал свои покои без веской причины, а его внезапное появление в сопровождении заместителя означало лишь одно: его ждали. Послушники, едва увидев господина, тут же уткнулись в книги, с остервенением листая страницы. В Башне царил суровый, почти армейский порядок. Еще не пробило и четырех утра, а ученики, поднятые в два часа ночи по личному указу Инаэля, уже изнуряли себя практиками и чтением. Искусство крови не терпело ленивых — оно их пожирало. Инаэль шел уверенно, его взгляд, казалось, прошивал пространство насквозь. Незнакомец в маске, не выказывая ни тени робости, сделал два шага навстречу, сокращая дистанцию между собой и главой Коллегии. Две силы, старая и новая, замерли друг напротив друга в предрассветном сумраке залы.

— Наша разлука затянулась, — гулкий голос верховного мага рокотал, словно приближающаяся гроза.

Коротким, властным жестом Инаэль отослал Арада прочь. Советник, даже не взглянув на гостя, стремительно скрылся в дверях выхода — видно было, что на него возложено поручение, не терпящее ни секунды промедления.

— Неотесанный чурбан, — сухо отметил про себя незнакомец, провожая Арада взглядом. В этом святилище знаний манеры порой ценились дешевле, чем пергамент для доносов.

— Мой добрый друг — маска скрывала лицо гостя, но в его интонациях сквозила ядовитая ирония. — Да, воды утекло немало. И, как ты понимаешь, я здесь не ради пустых воспоминаний.

— Это было очевидно с того момента, как ты переступил порог, — Инаэль тяжело ударил посохом о плиты пола. Звук вышел коротким и резким, напоминая всем присутствующим, чья воля держит этот замок в узде. — Не станем искушать лишние уши. Идем.

Он кивком пригласил гостя следовать за собой. Путь к вершине башни, который для непосвященного мог растянуться на часы блужданий по магическим лабиринтам, в этот раз занял едва ли пять минут. Пространство охотно сворачивалось перед хозяином цитадели. Кабинет верховного мага встретил их аскетичной тишиной. Здесь не было вычурной роскоши, лишь суровый уклад — массивный дубовый стол, пара стульев и бесконечные ряды полок. На них покоились фолианты, от которых веяло седой древностью — незнакомец заметил среди них свитки на мертвом наречии эльвов, чьи письма, казалось, шевелились под взглядом. Инаэль опустил в кресло и жестом предложил собеседнику сделать то же самое.

— Ну, выкладывай, с чем пришел на этот раз?

— Ты и сам знаешь. Ситуация на грани краха, — голос незнакомца стал жестче. — Ваша грызня с Инквизицией тянет королевство в могилу. Этой войне пора положить конец, пока она не поглотила нас всех.

— У тебя всегда всё было просто, — в голосе Инаэля прорезалось глухое раздражение.

— И тогда, и сейчас. Думаешь, мне по душе эта бойня? Думаешь, я слеп и не вижу, как после гибели герцога Дериона мир катится в бездну? Я знаю о тварях, что плодятся в руинах Башни Магистрата. Именно мой приказ держит там оцепление день и ночь, чтобы ни одна из этих скверн не прорвалась к живым.

В его словах сквозило высокомерие человека, привыкшего нести бремя власти в одиночку, и явная досада на то, что его снова пытаются учить жизни.

— Видимо, твоих приказов недостаточно, раз ты не справляешься, — гость в маске перешел в наступление. — Потерять Дериона это непростительная слабость. К городу стягивается армия теней, а мы до сих пор не знаем имени того, кто ведет их за собой. Воздух в кабинете наэлектризовался. Голоса сорвались на повышенные тона, и казалось, что еще секунда — и спор перерастет в магическую дуэль. Незнакомец подробно изложил события в Башне, не упус-

кая ни одной кровавой детали, но при этом филигранно умолчал о Сэнде — том самом эльве, чей внезапный дар к магии крови мог стать решающим козырем. Инаэль слушал, не перебивая, ведя свою скрытую игру. Это была битва двух блестящих умов, где за каждым словом прятался кинжал.

— Мы обязаны выяснить природу этих созданий, — подытожил незнакомец. — Или мы найдем способ их уничтожить, или станем их следующей пищей. Инаэль медленно поднялся, его лицо в свете мерцающих свечей казалось высеченным из камня.

— Я это понимаю не хуже тебя. Эта напасть способна сожрать саму суть магии. Послушай нам нужно спуститься в подвалы. Есть кое-что, что я должен тебе показать.

— И что же там? — настороженно спросил гость.

— Увидишь внизу, — отрезал верховный маг. — Если, конечно, у тебя еще осталось мужество смотреть правде в глаза.

Маги уже поднялись со своих мест, собираясь спуститься в самые недра башни. Незнакомец в маске невольно ощущал глухое, почти болезненное любопытство: что именно Инаэль собирался показать ему внизу? Что могло скрываться в подвалах, если даже верховный маг заговорил о них таким тоном? Но едва они направились к двери, как в кабинет постучали. Сначала — сдержанно, почти вежливо. Три негромких удара нарушили тяжелую тишину комнаты. Затем снова. И еще. Стук становился все настойчивее, все резче, словно по ту сторону двери терпение того, кто пришел, истончалось с каждой секундой. Никто не произнес ни слова. В тесном кабинете сразу стало как будто холоднее. Пламя свечей дрогнуло, по стенам метнулись длинные тени. Стук не прекращался. Инаэль медленно перехватил посох обеими руками. В его лице не дрогнул ни один мускул, но взгляд сделался острым, как сталь. Незнакомец в маске тоже приготовился, вытащив кинжал. Однако он прекрасно понимал: в таком состоянии заклинание ему не удержать. Силы еще не вернулись к нему окончательно, а любое неосторожное движение с магией могло обернуться гибелью — прежде всего для него самого. Снаружи ударили снова. На этот раз так, что старое дерево жалобно затрещало. А в следующее мгновение дверь с грохотом сорвало с петель. В кабинет ворвался Арад — один из магов коллегии.

— Ты что творишь? Совсем рассудок потерял? Я куда тебя отправил?! — резко бросил Инаэль, шагнув вперед.

В ответ пришедший лишь улыбнулся. Улыбка была странной. Слишком широкой. Слишком неподвижной. Она не принадлежала человеческому лицу. И в следующий миг существо сбросило чужое обличье. Это произошло не сразу, а будто слоями. Кожа поползла вниз рваными лоскутами, точно мокрый пергамент, отстающий от гниющей плоти. С рук, с лица, с шеи ключья чужой оболочки шлепались на каменный пол с отвратительным влажным звуком. Среди этих кусков Инаэль с ужасом узнал и то, что некогда принадлежало ему самому — тонкие полосы кожи с правой руки, похищенные тварью ранее. Она носила их на себе, как насмешливый трофей. Под ложной личиной скрывалось нечто вытянутое, жилистое, неестественно худое. Его тело казалось собранным из сухожилий, острых суставов и туго натянутой сероватой кожи. Ребра выпирали так, словно вот-вот прорвут грудь изнутри. Морда — если это вообще можно было назвать лицом — напоминала искаженное подобие человеческой, только пасть была слишком широкой, а зубы — слишком длинными, хищно выдававшимися вперед. Черные, блестящие глаза не моргали.

— Что ты сделал с Арадом, урод? — процедил Инаэль, поднимая посох.

Ему не нужно было наносить себе раны, как прежде: древний эльвийский посох уже служил проводником силы, хоть и требовал больше времени для плетения заклятия. По гладкому древку пробежали слабые искры, воздух вокруг него начал густеть, наполняясь едва заметным гулом магии. Тварь оскалилась, обнажив желтоватые клыки.

— Ты о человеке в пурпурном одеянии? — протянула она почти лениво. — Да, помню его. Весьма неплохим оказался.

Инаэль побледнел, но не отвел взгляда.

— Где он?

Существо склонило голову, будто наслаждаясь моментом.

— Сначала он сопротивлялся. Пытался колдовать, вырывался, даже огнем пытался меня отогнать. Но это было лишь жалкой попыткой отсрочить неизбежное. Он был сильнее многих, но не настолько, чтобы спастись. Незнакомец в маске сделал шаг в сторону, стараясь встать так, чтобы не оказаться между Инаэлем и тварью. Он понимал: сейчас одно неверное движение — и этот кабинет станет для них последним. Существо усмехнулось, и в этой усмешке было что-то особенно мерзкое.

— Он держался дольше, чем я ожидал. Но в конце концов и самые упрямые ломаются.

Пальцы Инаэля крепче сжались на посохе.

— Лжешь.

— Зачем мне лгать? — тихо ответила тварь. — Вы, маги, все одинаковые. Сначала думаете, будто сила защитит вас. Потом — будто слова что-то изменяют. А затем становится слишком поздно. В глазах Инаэля вспыхнул холодный огонь.

— Ты заплатишь за это. Уже не совсем не сдерживаясь выкрикивал он.

И он ударил посохом о пол. По каменным плитам мгновенно расплзлись тонкие светящиеся линии, складываясь в древний узор. Воздух вздрогнул, словно само пространство на миг задержало дыхание. Существо отшатнулось, но не от страха — скорее от раздражения. Незнакомец в маске воспользовался этим мгновением. Он метнулся вбок, кинжал сверкнул в полумраке, метя в открывшийся бок твари. Но та оказалась быстрее, чем выглядела: резкий, почти звериный рывок — и удар пришелся мимо. Инаэль поднял голос, уже не скрывая ярости:

— Держи его! — ярость этих слов была совсем не обычна для верховного мага.

Комната наполнилась звоном стали, шорохом ткани и тяжелым дыханием. Тень и свет смешались в тесном пространстве, а древние стены башни, казалось, сами затаили дыхание, ожидая, кто из них переживет эту минуту.

Именно этого тварь и добивалась. Она нанесла резкий, почти звериный удар, но Инаэль успел прикрыться барьером. У него еще оставались козыри в рукаве — старинный амулет, способный развернуть вокруг владельца защитный купол. Перевертыш бил снова и снова, с яростью и напором, однако пробить его не мог. А сам маг, несмотря на свой высокий статус, оказался куда опаснее, чем могло показаться — в ближнем бою он держался уверенно, точно и жестко. Тем временем незнакомец начал приходить в себя. Сквозь звон в ушах и накачивающую боль он увидел, что, несмотря на стойкость верховного чародея, тварь постепенно теснила его одной лишь физической силой. Сам же он по-прежнему не мог использовать ни магию, ни искусство крови. Тогда он понял: дальше тянуть нельзя. Пальцы нащупали в сумке флакон с кровью. Незнакомец сжал его до хруста, стекло треснуло, и алые капли тут же растеклись по ладони. Он быстро, почти на одном дыхании, стал выводить рукой форму заклятия прямо в воздухе. Такие чары умели творить и другие искусные волшебники, используя заранее заготовленную кровь, но сила их всегда была слабее той, что рождалась из собственной жизни и воли. Перевертыш заметил его движение. Резко отшвырнув Инаэля в сторону, он бросился к незнакомцу и ударил его с такой силой, что мир на миг вспыхнул белой болью. Но было уже поздно. Заклинание было завершено. Через стиснутые зубы, едва слышно, незнакомец произнес последнее слово.

— Андир.

И в тот же миг по комнате прошла ледяная волна. Она накрыла все вокруг, в одну секунду сковав холодом стены, пол, воздух и саму тварь. Перевертыш застыл в нелепой, рваной позе, вмержая в лед вместе со всем, что было внутри него. Не тронутым остался лишь верховный чародей — его по-прежнему защищал амулетный барьер. Немного отдышавшись, незнакомец поднял взгляд сначала на своего соратника, потом на неподвижную, облепленную инеем тварь.

— Интересно — хрипло выдохнул он. — Мы могли и не справиться. Сказав это, он почувствовал, как боль разливается по всему телу, тяжелая и глухая, будто в него медленно вращался холод.

Инаэль устало выпрямился, с трудом переводя дыхание.

— Ты прав. Их становится все больше и они становятся наглее. Я прикажу запереть эту тварь в темнице и здесь же все убрать. А нам нужно немедленно спускаться вниз. Там уже есть еще один перевертыш. Его схватили прямо в башне магистрата, вскоре после вашего ухода.

— Ты уже начал отлавливать этих тварей? Незнакомец слабо нахмурился.

— Конечно, — отозвался верховный маг, но не успел договорить.

Его вдруг сотряс тяжелый кашель. В ладонь брызнула кровь.

— Ты в порядке? — быстро спросил незнакомец.

Инаэль махнул рукой, стараясь скрыть слабость.

— Все отлично. Нельзя терять время. Мы и так уже потеряли одного из магов коллегии. Вот же дурак Я ведь говорил ему не лезть в драку одному.

Арад был известен своим безрассудством, которое раздражало магов коллегии и одновременно подкупало их. Там, где Инаэль колебался, он шел вперед без лишних раздумий, будто у него не было страха вовсе. И именно этим он уравнивал своего лидера. Они были слишком разными, но именно поэтому и оставались настоящими друзьями. Пока они спускались, оба молча обдумывали дальнейшие действия. Камергер поддерживал Инаэля под локоть, чтобы тот не упал после столь тяжелой схватки с перевертышем. Когда же они добрались до темницы, перед ними открылась поистине жуткая картина. Алхимики коллегии проводили опыты над тварями. Одних уже вспарывали, на других проверяли заклятия, третьих держали в цепях и пытались понять, что способно убить их быстрее, а что хотя бы ненадолго сдержит в следующем бою. Запах крови, едких зелий и жженого железа висел в воздухе, липкий и тяжелый, как сама смерть.

— Это указ герцога, — сухо пояснил кто-то из алхимиков. — Ну и наши собственные доработки. Нужно понять их слабости. Ты был мудр, используя ледяную магию. Они к ней особенно уязвимы.

Незнакомец ничего не ответил. Он только молча смотрел вперед, внимательно, почти настороженно, и о чем-то глубоко думал.

— Как же их много. Они уже проникли внутрь башни Коллегии. И это всего лишь один перевертыш — но даже он оказался чудовищно силен. А если их придет несколько? Что тогда? Нужно срочно искать новый путь. Или просить совета у господина если только он и впрямь не предал меня. Если нет — он подскажет, что делать дальше.

Пока незнакомец размышлял, на его маске появилась новая трещина. Последствие столкновения с перевертышем. Небольшая, едва заметная, но достаточная, чтобы камергер сумел разглядеть часть лица. И то, что он увидел, заставило его невольно отвести взгляд. Под маской тянулись глубокие, старые шрамы — такие, какие не оставляют ни сталь, ни огонь без настоящего страшной причины. Лицо незнакомца было изуродовано почти до неузнаваемости. Они прошли мимо темниц, где содержались твари для опытов, взяли со стены факел и начали спускаться ещё ниже, туда, где камень становился сырым, а воздух — тяжёлым и затхлым. Камергер дальше не пошёл. Его пугала сама эта тьма, вязкая, будто живая, да и верховный чародей всё равно не позволил бы ему спускаться глубже. Опасность здесь таилась в каждом повороте, за каждой дверью, в каждом шорохе. Потому камергер решил вернуться наверх и распорядиться, чтобы в покоях верховного чародея навели порядок. Заодно он успел заметить, что замороженного перевертыша уже унесли вниз. Над ним тут же принялся работать Индар — третий маг Коллегии. Эльв, как и Инаэль, он обладал умом тонким и хладнокровным, но при этом в нём жило нечто пугающее. Была в его старательности какая-то болезненная жестокость. Он терзал пленённую тварь с таким усердием, что даже у бывалых послушников по спине про-

бегал холод. Камергер не испытывал к перевёртышу жалости — после того, что тот сделал с Арадом, жалеть было не о чем, — но Индар всё равно внушал ему страх. И не только ему одному. Тем временем Инаэль и незнакомец продолжали спускаться. Верховный чародей всё чаще заходилась кашлем, но всякий раз будто силой воли давил в себе слабость, не позволяя ей вырваться наружу.

— Может, тебе всё-таки передохнуть? — тихо спросил незнакомец.

— Молчи. Мы почти пришли. Сурово ответил Инаэль, сильнее опираясь на свой посох.

Башни Коллегии всегда поражали своим устройством. Снаружи они казались просто высокими каменными громадами, но внутри были похожи на целые города, заключённые в камень — десятки этажей, бесконечные переходы, лестницы, галереи, залы и внутренние дворики. В такой башне без труда могла уместиться добрая тысяча существ, а то и больше. Наконец они достигли нужного уровня. Инаэль поднял руку, и тяжёлая дверь перед ними распахнулась сама собой. Внутри находились остальные десять чародеев Коллегии — все, кроме Индара, занятого наверху своим делом и погибшего Арада. Они окружили магическим кругом огромную разумную тварь, похожую одновременно и на огра, и на демона из древних легенд. От одного взгляда на неё становилось не по себе. Даже незнакомец, привычный ко многому, на миг ощутил, как внутри шевельнулся холод, но виду не подал.

— Входи, — сказал Инаэль. — Мы сдерживаем его. Пока барьер держится, здесь нам ничего не грозит.

Маги даже не обернулись на вошедших. Всё их внимание уходило на барьер. Это и было их единственной задачей — удерживать чудовище до тех пор, пока не удастся вытянуть из него всё, что оно знает о себе и о тех, кто пришёл вместе с ним.

— Теперь ты понимаешь, что ошибся? — спросил верховный чародей.

Незнакомец медленно кивнул.

— Да. Теперь понимаю. Я был неправ. Что это за создание?

— Такие твари уже были в битве на Закатном холме. Несколько штук. Убить их оказалось невероятно трудно, а уж взять живьём — почти невозможно. Нам это удалось лишь силами всей Коллегии и ценой множества жизней. Мы перенесли его сюда сразу после боя.

Незнакомец не сводил с чудовища глаз. Оно было громадным — массивные руки, уродливо длинные ноги, рога, выступающие из тяжёлой головы, и лицо, в котором ещё угадывались разум и злоба, но уже не осталось почти ничего человеческого. Время от времени тварь дёргалась, пробуя барьер на прочность, словно зверь, проверяющий клетку. Пока безуспешно. Силы в ней было достаточно, чтобы разорвать человека пополам, но колдовством она, к счастью, не владела. Вдруг тварь заговорила. Голос у неё был низкий, глухой, будто камни тёрлись друг о друга в глубине пещеры.

— Ты снова пришёл, маг. Чего тебе теперь нужно? — Вижу, духа ты не теряешь. Вопрос прежний. Кто твой хозяин? Чего вам нужно от нашего королевства? И откуда вы пришли? Инаэль ответил спокойно, почти холодно:

Чудовище медленно перевело взгляд с него на незнакомца. Спешить ему было некуда. Его явно заинтересовал человек в маске. Тварь вглядывалась в него с жадным, почти хищным любопытством, будто пыталась прочесть выражение лица сквозь треснувший фарфор. Иногда она облизывалась, иногда лениво постукивала кулаком по полу или по мерцающей поверхности барьера. Казалось, она искренне верила, что рано или поздно тот падёт — и тогда в этой башне не останется ни одного живого.

— А это ещё кто? — протянула тварь с мерзкой ухмылкой. — Твой новый дружок? Незнакомец не стал ждать, пока она продолжит. Несмотря на усталость, в нём всё ещё чувствовалась опасная собранность — тихая, холодная, без лишней бравады.

— Ты скажешь нам всё сам, — произнёс он ровно, — или умрёшь.

Чудовище расхохоталось так громко, что по сводам прошёл гул. Затем оно медленно пригнулось, чтобы лучше рассмотреть его.

— Ты и вправду думаешь, что я могу тебя бояться? — прошипело оно. — Ты не видел того, что видел я. Не бывал там, внизу в самых недрах, в самой глубокой тени.

Недолго думая, незнакомец взял кинжал и велел Инаэлю закрыть глаза каждому из магов, в том числе и себе самому. Он не должен был видеть то, что произойдёт дальше, — это было важным условием. Некоторое время Инаэль сомневался, но всё же подчинился. Конечно, он не мог назвать незнакомца другом, но цель у них была одна. Опираясь на посох, он обошёл всех, кто стоял в круглом зале, и каждому завязал глаза чёрной повязкой, тихо приговаривая:

— Простите, братья. Вам не стоит этого видеть.— Проговаривал он, пока аккуратно обволакивал черную ткань вокруг их глаз.

Ответа не последовало. Каждый из них слишком был занят тем, что из последних сил сдерживал тварь, чудовищно сильную, настолько, что для её удержания требовалась мощь десяти чародеев. Закончив, Инаэль краем глаза заметил приготовления, которые делал его соратник. Затем он отставил посох в сторону и сам повязал себе глаза чёрной тканью, как и обещал. Этого требовал незнакомец, и, быть может, именно так можно было вырвать у твари её тайны и спасти королевство, город и всех его жителей. Незнакомец начал готовить ритуал. Под пристальным взглядом чудовища он доставал один за другим флаконы с кровью и делал на своих руках тонкие, аккуратные надрезы. Он знал — хотя он и ослаб, если всё будет исполнено без ошибки, удастся избежать самых страшных последствий. Потом он сбросил плащ, который скрывал его целиком. Под ним оказалось простое, но добротное эльвийское одеяние — старый кожаный доспех, явно сделанный не в нынешних общинах, а гораздо раньше, возможно ещё во времена самой древней империи эльвов. И всё же, несмотря на возраст, он был поистине искусной работы —чёрный, как зола, лёгкий, выверенный до мелочей, не стеснявший движений и, вероятно, способный выдержать не один тяжёлый удар. Надрезов на его руках становилось всё больше. Они покрывали кожу уже целыми рядами, складываясь в определённые круги и знаки, не случайные, а тщательно выверенные. С помощью заранее приготовленных флаконов он выводил вокруг себя древнеэльвийские символы. Всё это походило на запрещённые, проклятые ритуалы времён Империи, на те самые обряды, что остались в памяти лишь как тень грехопадения и предательства чёрных драконов.Наконец он закончил приготовления. Оставался последний шаг — снять золотую маску, крепко пристёгнутую к лицу переплетёнными кожаными ремнями. В этот миг даже тварь невольно отшатнулась от барьера.

— Не может быть это ты — в каждом слове чудовища слышался неподдельный ужас.Незнакомец не ответил. Он лишь медленно двинулся вперёд, повторяя слова, похожие на тихую, древнюю песню:

— Анарей. Авакинрей. Сидоней. Антирей. Проходя через барьер, он не на секунду не останавливался и пел дальше песню.

И чем дальше он шёл, тем явственнее менялась сама его суть. Когда он снял маску, в нём пробудилась истинная магическая сила, делавшая его неизмеримо опаснее. А поскольку ритуал уже был завершён, барьер больше не служил для него преградой. Он словно не шёл, а протекал сквозь него, как вода сквозь трещины в камне. Стоило ему войти внутрь, как тварь тут же попыталась ударить, отбиться, схватить его, но всё было напрасно. Одного движения его руки оказалось достаточно, чтобы чудовище с глухим треском впечатало в пол. Оно завывало так истошно, что кровь внутри него, казалось, вскипела от невыносимой боли. Незнакомец сжал кулак сильнее, не отводя взгляда и не ослабляя хватки ни на миг. Инаэль в этот момент уже потянулся к своей повязке, но остановился. Он дал слово. А значит, сейчас не время нарушать его.

— Ты мне всё расскажешь, чудовище, — произнёс незнакомец холодно. — Иначе я сделаю твои муки вечными. Ты говорила о тени? Посмотри на меня.

Тварь, окончательно потерявшая власть над собой и собственным телом, усталилась на него.

— Я тот, кто видел куда больше, чем ты способна вообразить, — продолжил он. — Я видел падения и взлёты. Я видел подземный мир. Шрамы на мне оставили те, о ком ты даже не смеешь помыслить. Ты расскажешь мне всё.

Страх, внезапно вспыхнувший в твари, мгновенно стёр её насмешливость. Тонкие, злые смешки исчезли, будто их и не было.

— Я ничего не знаю! — резко рявкнула тварь.

— Лжешь! — ответил незнакомец, сильнее сжимая кулак. Кровь чудовища вскипала всё яростнее. Тварь ещё какое-то время стонала и кричала, пока наконец не выдавила из себя.

— Я видела только его. — через боль она выдавливала эти слова.

— Говори точнее! Сильнее сжимая кулак с заклятием. Незнакомец желал добраться до истины.

— Я не могу. Он был ужасен. Он командовал нами. Он отправил нас на убой и продумал всё заранее. Я видела его лишь несколько раз, и только. Больше я ничего не знаю! Клянусь!

Незнакомец на мгновение ослабил хватку, а затем сжал кулак ещё сильнее. Чудовище разорвало изнутри, и барьер тут же заполнился кровью и останками. Сам он, как и вошёл, так же легко вышел наружу. Сначала снова надел маску и плащ, и лишь потом произнёс.

— Можете снимать повязки. Мы узнали, что нужно.

Маги, едва осознав, что твари больше нет, рухнули на пол, почти без чувств. Они истощили все силы, удерживая чудовище, и были поражены до глубины души: настолько оно оказалось могущественным, и только незнакомец сумел не просто уничтожить его, но и внушить ему страх. Инаэль посмотрел на него с холодным презрением.

— Ты применил тот древний ритуал. Ты ведь знаешь, что он под запретом.

— Знаю. Но у нас нет выбора. В нынешних обстоятельствах для победы подойдут любые средства.

— Именно из-за таких рассуждений когда-то и пала наша Империя. Нельзя повторять старые ошибки.

— Не тебе говорить мне об ошибках, Инаэль.

Незнакомец рассказал, что успел узнать о полководце, собиравшем этих тварей. Возможно, именно он станет одной из фигур, которые поведут армию существей на штурм города.

— Нужно узнать о нём больше, — сказал незнакомец. — Пока у нас ещё есть время, отправь своих магов. Может быть, они сумеют выяснить что-то ещё.

Инаэлю не нравился его тон, но он понимал, что незнакомец прав.

— Не забывайся, я не мальчишка, чтобы мной командовать. Но ты прав. Это хорошая зацепка. Сделаем. А чем займёшься ты?

— Мне нужно восстановить силы и договориться с инквизицией. К ней мы отправимся вместе, но чуть позже. Перед этим я должен сделать ещё кое-что.

Позже, когда незнакомцу выделили комнату в башне для отдыха, он погрузился в глубокую медитацию и встретился со своим господином, подробно рассказав обо всём, что узнал.

— Не подведи меня, — прозвучал в его сознании холодный голос. — Этот противник страшен, и победить его будет непросто. Что ты собираешься делать?

— У меня есть несколько козырей, — ответил незнакомец. — Один из них — эльв Сэнд.

— Тогда почему ты посмел его отпустить?

— Ему ещё многому нужно научиться. Тогда он нам пригодится. А пока нужно защитить город.

— Не действуй опрометчиво. Продумывай каждый шаг, — велел его господин. В мыслях незнакомец понимал—возможно, всё не так плохо. Зацепки у них есть. А сейчас нужно было

думать о более простых вещах — о сне и ужине, потому что ничто не восстанавливает силы лучше, чем горячая еда и несколько часов забвения.

Глава 8 - Певчие

Мы заполонили все. И останавливаться не будем.
Элай. Воитель.

После той злополучной башни Сэнд, Элай и Лорик, обмякший на плечах у брата, пробрались через узкие переулки, стараясь не попадаться на глаза городской страже. Ночь ещё держалась за каменные стены Вейса, цеплялась за карнизы, сочилась сыростью из щелей между домами. В таких местах шаги звучали особенно гулко, а любой случайный взгляд из окна мог обернуться новой бедой. Шли осторожно, почти бесшумно. Сейчас для стражников они выглядели бы слишком подозрительно — двое измотанных эльвов, один из которых тащит на себе раненого гнома. Но хуже стражи могли оказаться лишь твари — или, что страшнее, перевёртыши, научившиеся прятаться под знакомыми лицами. После увиденного в башне уже трудно было верить, что опасность имеет только один облик. Им нужно было добраться до штаба Певчих — одного из немногих мест в городе, где они ещё могли рассчитывать на помощь. Штаб располагался не в трущобах, и путь до него казался особенно долгим. Каждый шаг давался с трудом. Лорик понемногу приходил в себя, но выглядел всё ещё скверно. Лицо его осунулось, губы побледнели, а дыхание то и дело сбивалось. Рука, в которую вцепилась тварь, была наскоро залечена Сэндом, и магия стянула плоть, остановила кровь, но не могла сразу изгнать слабость, разлившуюся по всему телу. Временами гном глухо стонал сквозь зубы, и тогда Элай лишь крепче сжимал челюсти и поправлял его тяжёлое тело на плечах. Сэнд тоже держался из последних сил. За эту бесконечную ночь он почти стёр ноги в дешёвых ботинках, купленных когда-то в трущобах. Жёсткая кожа натёрла ступни до крови, и теперь каждый шаг отзывался жгучей болью. Он шёл, стараясь не хромать, не показывать брату, насколько ему тяжело, но внутри всё ныло — и тело, и разум, истощённый заклинаниями, страхом и бессонной ночью. Они почти не разговаривали. Да и на слова ни у кого не осталось сил. Лишь изредка Элай коротко предупреждал о повороте или Сэнд вскидывал руку, призывая остановиться и прислушаться. Город перед рассветом жил своей мрачной, затаённой жизнью: где-то вдалеке хлопала ставня, в подворотне гремела пустая бутылка, а над крышами тянулся сизый дым ранних печей. Вейс просыпался медленно, неохотно, словно сам был старым зверем, уставшим от собственного существования. Только с рассветом они добрались до штаба Певчих.

— Вот он, — с заметным облегчением выдохнул Элай.

Голос его прозвучал хрипло, но в нём всё же мелькнула радость. Плечи у эльва затекли так, что каждый вдох отдавался тупой болью под лопатками. Нести на себе всю ночь крупного гнома было тяжёлым испытанием даже для него — крепкого, выносливого, привыкшего к лишениям. Теперь руки едва слушались, а спина горела так, будто в неё вбили раскалённые крючья. Сэнд первым поднялся на крыльцо и толкнул дверь. Та отворилась почти беззвучно. Он придержал её, и Элай, пригнувшись под весом Лорика, внёс гнома внутрь. Снаружи это место ничем не отличалось от прочих домов Вейса — такой же тёмный фасад, узкие окна, потемневшее от времени дерево. Дом выглядел неприметным, почти забытым, будто в нём жила какая-нибудь тихая семья ремесленников. Но внутри всё было иначе. В просторной комнате находились только эльвы. Каждый был при оружии, и в каждом движении чувствовалась собранность людей, привыкших жить настороже. Одни сидели за длинным столом и чистили клинки, пока холодный утренний свет скользил по металлу. Другие склонились над свитками и картами, тихо переговариваясь между собой. Несколько человек о чём-то спорили у дальней стены, где на крюках висели плащи и дорожные сумки. На шеях, запястьях или у виска у

многих виднелись одинаковые татуировки — знак, по которому свои узнавали своих. Сэнд не раз ловил себя на мысли, что удивительно: стража до сих пор так и не связала между собой эти метки, не заметила очевидного. Но стоило вошедшему Элаю показаться на пороге, как всё мгновенно изменилось. Разговоры оборвались. Несколько эльвов резко поднялись с мест, стулья скрипнули по полу. Трое сразу поспешили к нему и бережно приняли Лорика из его рук.

— Элай, где ты пропадал? — воскликнул один из них. — Давай, поможем!

— Осторожнее, — хрипло сказал Элай, с трудом разжимая руки. — Отнесите его к лекарю. Пусть осмотрит рану.

Один из эльвов тут же перехватил гнома поудобнее и быстрым, уверенным шагом скрылся за дверью в глубине дома. Остальные без лишних слов расступились, пропуская его. Всё было сделано с привычной, почти военной слаженностью — так, словно подобные ночные возвращения давно уже стали для них частью жизни. Лишь когда Лорика унесли, Элай позволил себе выпрямиться и тяжело опереться ладонью о стену. Сэнд заметил, как у брата дрожат пальцы от усталости. В тепле штаба, среди своих, напряжение, державшее их всю ночь, понемногу начало отпускать. Но вместе с ним пришло другое чувство — глухое, вязкое осознание того, что кошмар ещё не закончился. Они просто сумели ненадолго вырваться из его пасти.

— Так, соберите моих заместителей, — сказал Элай и окинул эльвов пристальным взглядом. — Нам нужно решить вопрос. Он коротко махнул Сэнду рукой, подзывая его ближе.

— Пойдёшь со мной на совет? — тихо, почти на ухо, спросил он.

— Конечно, брат, — ответил Сэнд, стараясь не выдать, как тяжело ему даётся каждый шаг из-за натёртых ног.

Элай кивнул.

— Отлично. А пока найдём тебе обувь поудобнее.

Они наконец вошли в центральную комнату штаба. Внутри уже собрались несколько эльвов — высоких, крепких, мрачных, с одинаковыми татуировками на лицах, из-за которых многие действительно казались друг другу почти близнецами. Они стояли вокруг круглого стола и молча ждали распоряжений. Круглая форма стола здесь не столько означала равенство, сколько была старой данью традиции — но даже за ним Элай всё равно оставался тем, чьё слово имело вес. Не хватало лишь одного.

— Где он? — резко спросил Элай.

Все переглянулись, не зная, что ответить. И почти в тот же миг дверь в комнату открылась. Вошёл ещё один эльв. Он заметно отличался от остальных. В его осанке было что-то от древних магистров, о которых слагали полузабытые песни — в движениях — холодная уверенность, привыкшего, что ему уступают дорогу. Он медленно прошёл через зал, не торопясь, с задумчивым видом скользнул пальцами по эфесу меча, словно проверяя, на месте ли старый спутник. Каждый его шаг отдавался в тишине глухим, ровным звуком и только усиливал напряжение, повисшее в комнате. Увидев свободный стул, он с нарочитой неторопливостью отодвинул его. Дерево скрипнуло так громко, что звук резанул по нервам. После этого он сел, словно всё происходящее принадлежало ему по праву.

— А вот и ты, — произнёс Элай. — Тогда начнём.

Пришедший эльв улыбнулся, не обращая внимания на то, как остальные смерили его настороженными взглядами. Элай подробно изложил им случившееся. Разговор затянулся надолго и быстро перешёл на повышенные тона. Спорили все, перебивали друг друга, требовали объяснений. Досталось и Сэнду — кто-то резко бросил, что он вообще неизвестно кто и почему оказался на закрытом совете Певчих.

Сэнд хотел было что-то ответить, но Элай уже устал от этого шума. Он сделал глоток из стоявшего на столе напитка, выдохнул и, с заметной силой в голосе, сказал.

— Молчать. Всем слушать меня. После этих слов комната мгновенно стихла.

Даже воздух, казалось, замер между каменными стенами.

— Я временно должен оставить пост лидера Певчих. Сухо проговорил Элай.

При этих словах Инэр, опоздавший на собрание, криво усмехнулся. Зато трое остальных, удивительно похожие друг на друга, заметно напряглись.

— Почему? И кто тогда будет за главного? — спросил один из них.

— Главными будете вы.

У вас и без того прибавится дел. Элай спокойно, но твёрдо объяснил им, что отныне у Певчих не будет одного правителя. Вместо этого власть перейдёт к совету четырёх. Их задачей станет собрать как можно больше людей на свою сторону, привлечь наёмников и подготовиться к тому дню, когда придётся защищать Вэйс и его жителей. А если город всё же падёт, вывести из него как можно больше людей. Во время разговора Сэнд отдельно попросил позаботиться об их матери. Элай не возразил — он и сам понимал, насколько дорога она была им всем. Они любили её так сильно, что в этом не было ни тени сомнения. Согласились все, кроме Инэра.

— А почему не назначить меня? — спросил он с плохо скрытым высокомерием.

Ответа не последовало. Элай обычно не удостаивал Инэра лишним вниманием, особенно когда тот задавал вопросы не к месту. Между ними давно тлело раздражение. Инэр был его главным соперником, и доверия к нему не было. Он любил свои тихие, подковёрные игры, слишком часто спорил с прямыми приказами и слишком уж редко признавал чужую волю. Поэтому бывший руководитель Певчих попросил трёх грузных эльвов задержаться, когда остальные уже начали расходиться, включая Сэнда и Инэра. Эти трое всегда работали как единое целое. Они дополняли друг друга до странной, почти пугающей слаженности и ни разу не подвели своего командира. Любое поручение, каким бы тяжёлым оно ни было, выполнялось ими точно и безукоризненно.

— За Инэром нужно следить особенно внимательно, — тихо произнёс Элай.

Алир, один из троих, настороженно огляделся и даже выглянул за дверь, проверяя, не подслушивает ли кто-нибудь их разговор. Ирэк подошёл ближе и, понизив голос, спросил.

— Вы ему не доверяете? Думаете, он способен предать нас?

Индар, третий из них, молчал. Он всегда говорил мало и прежде, чем произнести хоть слово, долго обдумывал ответ, словно взвешивал каждую фразу на невидимых весах. Он лишь следил за остальными, цепким, тяжёлым взглядом, и то и дело косился по сторонам, будто опасался чужих ушей. После короткой паузы он негромко сказал.

— Будьте осторожны. Нас могут подслушать. Лучше не говорить прямо. Элай, напишите нам всё, что имеете в виду. Вы знаете нас — мы исполним ваш приказ безукоризненно.

Он молча кивнул, взял ястребиное перо с заострённым наконечником и опустил его в чернила. Такие чернила стоили почти как небольшой замок — их было почти невозможно достать честно — только купить втрёдорога или украсть. Пока Алир, Ирэк и Индар ещё раз проверяли, не осталось ли рядом лишних глаз, Элай закончил письмо. И в нём было сказано. «Инэр — змея на нашей груди. Город скоро возьмут в кольцо, и его предательство станет для нас смертным приговором. Не доверяйте ему ни в чем. Устраните его прежде, чем он успеет нанести удар. Если же на вашем пути встретится человек в золотой маске — знайте, это союзник. Он поможет вам выстоять в грядущем».

Братья переглянулись, и в их глазах отразилась холодная решимость. Слова излишни, когда приказ написан кровью будущего провала, если его не исполнить. Они молча проверили остроту клинков, поправили перевязи и вышли из комнаты. Задача была ясна, как никогда. Воздух в городе становился тяжёлым, предвещая скорую бурю. Паника, словно чума, могла вспыхнуть в любой миг, и теперь на плечи Певчих легла забота о городской страже и защите тех, кто не мог постоять за себя. Не время делить людей на расы — будь ты эльв, человек или гном — перед лицом осады все становились равны в своей смертности. Сейчас нужно было задействовать каждый медяк, каждый меч и каждого наемника, но прежде всего — выжечь гниль в собственных рядах. Предатель — это трещина в щите, которая разойдётся в

самый неподходящий момент. Трое братьев бесшумными тенями поднялись на верхний этаж, к покоям Инэра. Тот, завидев их, расплылся в самодовольной улыбке и радушно распахнул двери, не чувствуя дыхания смерти.

— Решили обсудить итоги собрания? — спросил он, отступая вглубь комнаты. — Наконец-то поняли, что без меня вам не обойтись?

Ответа не последовало. Тишину разорвал лишь свист выходящей из ножен стали. Алир шагнул вперед, и прежде чем в глазах Инэра отразилось понимание, его грудь пронзил холодный клинок. Тяжелые времена не оставляли места для милосердия. Элай не желал такой участи своему сопернику, но иного выхода не видел. Покидая город и организацию, он не мог оставить за спиной тлеющий фитиль измены. Малейшая слабость сейчас обернулась бы крахом всего дела и гибелью друзей, ставших ему семьей. Тело вынесли под покровом сумерек, когда тени стали достаточно длинными, чтобы скрыть лишнее. Без лишнего шума его сбросили в сточную канаву — бесславный конец для того, кто метил в лидеры. В это же время в штабе Сэнд сидел у постели Лорика. Гном, вопреки всем опасениям, выглядел заметно бодрее. Лихорадка отступила, он пришел в сознание и, завидев друга, криво, но искренне улыбнулся, тут же принявшись ворчать и шутить в своей излюбленной грубой манере. Жизнь продолжалась, хотя над Вэйсом уже сгущалась тьма.

— Ну ты и даешь, малец... — Лорик хрипло каркнул, пытаясь приподняться на подушках. — Серьезно? Настоящее заклинание?

Сэнд смущенно улыбнулся. Он и сам до конца не верил, что та безумная искра, сорвавшаяся с его пальцев, была реальностью.

— Да... Но ты прости меня, Лорик. Это ведь из-за моей медлительности та тварь до тебя добралась. Если бы я ударил кинжалом на секунду раньше, если бы не струсил... ничего бы не было.

Гном внимательно посмотрел на юношу. Он видел в его глазах тот самый жгучий стыд, который когда-то, в годы наемничьей молодости, едва не сожрал его самого после гибели первого напарника.

— Брось, парень. Не изводи себя, — Лорик тяжело положил широкую ладонь на плечо Сэнда. — В первый раз всем тошно. В этом нет позора. Тебе сразу досталась дрянь посерьезнее обычных лесных лихоманов, так что считай — прошел крещение огнем.

Сэнд невольно рассмеялся. От гнома веяло таким спокойным, грубоватым теплом, какое он редко чувствовал даже со стороны родного брата. В этой пропахшей травами комнате Лорик стал для него точкой опоры. Покопавшись в походной сумке, Сэнд с заговорщицким видом выудил на свет пузатую бутылку. Темное стекло матово блеснуло, обещая крепкий пшеничный дух. Лорик округлил глаза так, будто увидел гору золота.

— Ты где это умыкнул, малец?!

— Позаимствовал в трактире, пока лекари не видели, — Сэнд ухмыльнулся, вспоминая, как ловко стащил бутылку под общий шумок. — Подумал, тебе для дезинфекции души не помешает.

Конечно, не все гномы были горькими пьяницами — это лишь байки для глупцов. Но Лорик прошел слишком много войн, и хмель был для него не развлечением, а единственным способом унять фантомную боль в старых шрамах и заглушить крики тех, кого он не успел спасти. В этот момент дверь скрипнула, и в палату вошла женщина. Сэнд невольно затаил дыхание. Это была эльвка, но такая, чью красоту невозможно было описать привычными словами о «дивной расе». Статная, со светлым, почти сияющим лицом, она казалась существом из иного мира, каплей чистой воды в этой обители боли. Лорик, мгновенно растеряв весь свой боевой задор, смешно засуетился, пытаясь спрятать бутылку под одеяло. На ней было надето простое серое платье без украшений — наряд, в котором трудно было признать одну из великих целительниц эльвийского народа. Она двигалась стремительно, почти не касаясь пола. Работы

у нее хватало — в коридорах стонали Певчие, столкнувшиеся с первыми сущностями Тьмы. Большинство из них сгорало за час, и то, что Лорик дожил до прихода Сэнда, было настоящим чудом, сотворенным вопреки законам природы. Она подошла к кровати и склонила голову в легком, полном достоинства поклоне.

— Мое имя — Анаэль, — негромко произнесла она, обращаясь скорее к Сэнду. В её долгом, пронзительном взгляде читалось понимание: она видела юношу насквозь — и его страх, и его вину.

Сэнд лишь молча кивнул. Легкость моментально испарилась, уступив место тяжелой реальности госпитальной палаты. Эльвка принялась за осмотр — она осторожно, но уверенно вращала руку гнома, проверяя подвижность суставов и то, насколько глубоко яд или инфекция успели выжечь плоть. Лицо её оставалось беспристрастным, как мраморная маска.

— Вы на редкость живучи, мастер гном, — наконец заключила она. — Должно быть, природа наделила ваш народ особой стойкостью, раз вы до сих пор пребываете в здравом уме.

— Да это всё малец! — Лорик уже открыл рот, чтобы выложить историю про чудесное исцеление, но Сэнд отчаянно закивал, делая страшные глаза. Анаэль лишь едва заметно приподняла бровь, но допытываться не стала — у лекарей в такие времена были свои секреты, а у выживших — свои.

— Всё ясно. Скоро вы будете на ногах, — она внезапно наклонилась и точным движением извлекла из-под овечьего одеяла бутылку пшеничной. — Только вот это я заберу. Здоровью сейчас полезнее покой, а не хмель.

С легкой, почти неуловимой улыбкой она спрятала трофей и направилась к другим раненым, где её помощи ждали послушники. Скрипнула дверь, пропуская Элая. Он выглядел так, будто на его плечи обрушился свод пещеры. Расправа над Инэром оставила на нем свой отпечаток — крайние меры никогда не давались ему легко. Сэнд, привыкший примечать детали, заметил на сапогах брата комья рыхлой, зловонной грязи — такой, что скапливается лишь у городских сточных канав. Элай шел медленно, лицо его казалось серым от усталости и затаенной печали. Не говоря ни слова, он притянул скрипучий стул и тяжело опустился на него, обводя друзей долгим взглядом.

— Как ты? — негромко спросил он, глядя на Лорика.

Гном в ответ расхохотался — так густо и громко, что вздрогнули даже привычные к стонам послушницы в дальнем углу. Он рывком сел, свесив короткие крепкие ноги с кровати, и ударил здоровой рукой Элая по плечу.

— Ха! Каким-то укусом меня не взять, парень. Я еще не всех чертей в этом мире пересчитал.

Элай едва заметно расслабился. Боевой задор ветерана был сейчас необходим как воздух. Сэнд же, напротив, едва сдерживал нетерпение. Его манил зов дороги: деревня Ар-Дэнс, большой перекресток, настоящий мир за пределами смрадных трущоб Вэйса. Он был единственным, кто в этом мраке видел проблеск приключения.

— Я пришел не просто поведать, — голос Элая вновь стал сухим и деловым. — Выходим завтра на рассвете. Лорик, ты как, сдюжишь?

— Куда я денусь? — хмыкнул гном. — Бывало, и с топором в пузе маршировали. Главное — припасов побольше, да коня мне справного... Ну, или пони, чтобы я не выглядел на нем как мешок с углем.

Сэнд хотел было спросить, почему нельзя выступить прямо сейчас, не теряя ни минуты, но глянул на изношенные сапоги брата, на бледность Лорика и почувствовал, как ноют собственные мозоли после бесконечного бега по городским мостовым. Долгая ночь закончилась, но впереди их ждала тьма куда более глубокая, и перед встречей с ней стоило хотя бы немного поспать.

— Стало быть, решено. Завтра на рассвете уходим, — подвел черту Элай, поднимаясь. — Постарайтесь выспаться. Певчие соберут нам провиант и снаряжение, но главное — это ваши силы. До Ар-Дэнс рукой подать, но предчувствие шепчет, что дальше дорога станет в разы тяжелее. Этот незнакомец в маске он ведь даже не сказал, как выглядит та девица, что ждет нас. Только имя, и больше ничего.

Они просидели еще какое-то время, вполголоса перебирая возможные угрозы. Путь через перекрестки в эти темные времена сулил мало хорошего. Опасались лихих банд гномов-налетчиков, хотя Лорик бахвалился, что с соплеменниками он всегда сумеет сторговаться. Куда больше тревожили волколаки — свирепые твари, чье происхождение оставалось загадкой. Сколько раз Ловчие пытались выжечь их логова, но всегда пара подонков ускользала, чтобы вновь расплодиться в лесной глуши. Но самым мрачным в их разговоре было упоминание сущностей тьмы. Если их армия действительно неумолимо ползет к городу, то разведчики врага наверняка уже рыщут по округе, высматривая слабые места в обороне Артрейна. Элай надеялся лишь на гонцов, которых Певчие разослали к вольным наемникам. Таких отрядов в лесах хватало: ветераны, не пожелавшие гнуть спину перед герцогами, или просто искатели удачи. Поговаривали даже, что могут откликнуться «Лесные бродяги» — пестрая орава эльвов и людей. Или, что было бы совсем удачей, «Тринадцатые». Их командир Алек слыл гением — он вооружил своих людей сарадами — непомерно длинными копьями — и выстраивал их в непробиваемую фалангу. О них ходили разные слухи — вплоть до того, что они приручили волколаков и держат их в узде, но большинство считало это лишь пьяными байками трактирных завсегдатаев. Вскоре Лорик забылся тяжелым сном прямо в лазарете. Элай ушел в штаб Певчих, чтобы до глубокой ночи корпеть над картами, выстраивая маршрут с дотошностью обреченного. Сэнд же остался в своей комнате. Но одиночество было лишь иллюзией. Как только затихли шаги в коридоре, в его голове вновь зазвучал тягучий многоголосый хор. Со стороны это выглядело бы безумием: молодой эльв, запертый в четырех стенах, шепчущийся с пустотой. Но голоса были реальны, и они давали наставления.

— Нужно идти в Золотую Чашу. Ты верно всё сделал. Очень складно красиво поступил, — шелестел хор.

— Что мы там ищем? — одними губами спросил Сэнд.

— Увидишь — поймешь. Только там ты осознаешь свою истинную суть.

— А тот человек в маске? Как быть с ним?

— Пользуйся им. Он многому тебя научил и научит еще большему. Но никогда, слышишь, никогда не доверяй ему до конца. У него своя игра.

Голоса стихли так же внезапно, как и появились. Сэнд привалился к мягкой пуховой подушке, чувствуя странный прилив азарта. Завтрашний день манил его. Ему было глубоко безразлично, что станет с этим городом и заберет ли его Тьма. Его интересовал лишь путь в Дераверн. Там, впереди, за горизонтом, скрывалась его судьба, и никакие твари из бездны не смели встать у него на пути. Теперь он знал это наверняка.

Глава 9 - Отправление

До сих пор помню тот день.

Лорик. Золотые уста.

Так и прошел прошлый день — быстро, почти неуловимо, как это и бывает всякий раз, когда впереди дорога. Сон у каждого вышел коротким и тревожным, и уже наутро они собирались в путь. Сэнд, воспользовавшись помощью лекарей, тщательно смазал мозоли, перебинтовал ноги и прихватил с собой еще несколько чистых полос ткани, на случай если дорога окажется беспощаднее, чем ожидалось. На ноги он натянул мягкие сапоги, не столь удобные для долгого перехода по тропам, но зато не так сильно натирившие. Затем он сменил свои трупобные лохмотья на легкий доспех — достаточно прочный, чтобы не остаться беззащитным, и достаточно легкий, чтобы не стеснять движений. В таком можно было и метнуть заклинание быстрее, и в случае нужды уйти от удара. На плечи он накинул сумку; в ней лежало лишь то, что дал ему незнакомец в маске. Еще он взял побольше провианта из тех запасов, что выдали Певчие: вяленую солонину и черствый, но крепкий хлеб, способный пролежать еще не один день. Внизу его уже ждал черный, как смола, рысак. Сэнд стоял рядом, укрывшись в темном плаще с капюшоном, не бросавшемся в глаза, и терпеливо ждал остальных. Лорик к этому времени уже понемногу приходил в себя после раны, оставленной тварью. Боль притихла, но до полного исцеления было еще далеко. Секиру он менять не стал — лишь подправил лезвие у местного кузнеца в штабе Певчих, чтобы держала кромку и в грязи, и в сырости. Кроме того, в их запасах он отыскал любопытный арбалет: не громоздкий, удобный, такой, что можно было скрыть под плащом и выхватить в самый нужный миг. Лорик взял его себе, а вдобавок прицепил к груди несколько кинжалов — на случай, если дело дойдет до ближней схватки. Секира в тесноте не всегда спасала, а вот удачный удар кинжалом в стык доспеха мог решить исход боя. В походную сумку он уложил запасы еды и часть брони — тяжелой, но ценной. Тащить все это на себе после недавнего ранения было бы сущей глупостью, куда разумнее было нагрузить пони. Он и не собирался надевать доспех сразу. На такой переход это было бы непрактично. Проще было накинуть сверху плотную тканевую накидку и оставить тяжелые пластины на спине у зверя. В этом и заключалась особенность артрейнских пони: ростом они были невелики, зато могли нести на себе куда больше, чем казалось на первый взгляд. Впрочем, и у них был предел, потому груз приходилось распределять с умом. Гномьи доспехи изначально ковали под каждого владельца отдельно, и каждая их часть была съемной. Гномий металл и впрямь поражал — прочный, гибкий и будто бы созданный не для человека, а для самой войны. Лорик спустился вниз вторым. Рука его все еще была туго перевязана, а потому он с видимым усилием развязывал и заново укладывал свое имущество на небольшого скакуна. Наконец, покосившись на зверя и словно оценив его стать, он усмехнулся:

— Крепыш. Ему подойдет. Улыбка тронула его лицо, но в ней было больше усталости, чем веселья.

Сэнд, сидевший рядом и уткнувшийся в увесистый талмуд, тоже едва заметно улыбнулся. Он все пытался разобрать путаницу символов, надеясь вырвать у мироздания хотя бы крупицу силы нового заклинания, но даже эта работа не помешала ему оценить выбор товарища.

— Раз твой — Крепыш, то мой будет Туманом, — не отрываясь от книги, произнес Сэнд.

— Это еще почему — Туман? — пробасил гном, затягивая очередную подпругу.

— Честно говоря, не знаю. Сердцем чувствую, что ему подходит.

Лорик коротко хохотнул, похлопав пони по шее.

— Что ж, по рукам. Туман так Туман.

Солнце окончательно вылезло из-за зубчатых стен города, заливая площадь холодным светом. Двое были полностью готовы к выходу, но Элай все не показывался. Редкие прохожие, жители Вэйса, начали коситься на странную компанию. В эти смутные времена мало кто решался покинуть городские стены, а уж такая разношерстная группа — гном, вооруженный до зубов, и человек в плаще с загадочным фолиантом — вызывала у горожан не столько любопытство, сколько суеверный страх. Наконец тяжелые двери штаба Певчих со скрипом отворились. Элай вышел в сопровождении троих членов совета. Они о чем-то яростно спорили, и по лицу эльва было ясно — разговор дался ему нелегко. Несмотря на то что он сложил с себя полномочия, он оставался их негласным лидером — тем, кто превратил Певчих в самую могущественную тайную силу столицы. Возле коней они остановились. Элай низко поклонился братьям по оружию, затем они крепко обхватили друг друга за предплечья — древний жест, скрепляющий верность общим идеалам. Подойдя к своему рыжему коню, Элай поправил лямки рюкзака и потянулся к перевязи меча, намереваясь закрепить его в седельных ножнах.

— Брат, а как зовут твоего зверя? — спросил Сэнд, закрывая талмуд.

— Не знаю, — Элай помедлил, погладив коня по огненной гриве. — Я редко брал его в дело, имен не давал.

— Надо придумать, — вставил Лорик, проверяя, надежно ли приторочена к седлу запасная обувь. — Имя — это на удачу. А она нам понадобится, дорога легкой не будет. Слыхал, в Пустошах у безмянных коней ноги чаще подкашиваются?

Элай ненадолго задумался, глядя, как солнечные лучи играют на рыжей шкуре жеребца.

— Опал, — наконец произнес он. В памяти вспыхнул образ теплого оранжевого камня. — Пусть будет Опалом.

Он закрепил свою длинную эльвскую саблю так, чтобы рукоять не мешала в пути. Элая всегда забавляло, как другие всадники умудрялись скакать с паполуторными мечами за спиной — в седле это была верная пытка. В дополнение к мечу он приторочил к луке седла связку дротиков — на случай внезапной стычки. Но больше всего друзей удивила его новая броня. Вместо привычного снаряжения на Элае был превосходный кожаный доспех, покрытый тонкой вязью эльвийских рун. Кожа была выделана так искусно, что казалась почти живой, отливая матовым блеском.

— Брат, а что на нем начертано? Что говорят эти знаки? Сэнд сощурился, разглядывая незнакомую письменность.

— Это древний язык нашего народа. Эти знаки символизируют удачу. Их придумали еще до того, как наш народ пал во тьму и грехопадение.

Наконец все трое собрались, оседлали коней и выехали из Вэйса. Дорога предстояла нелегкая, но иного пути у них не было — город следовало покинуть как можно скорее. Пока они сдержанным шагом ехали по улицам, Вэйс раскрывался перед ними во всей своей мрачной, изломанной красоте. Сначала потянулись тесные кварталы трущоб, где дома словно жались друг к другу, укрываясь от ветра и беды. Затем начались каменные улицы получше: крепкие фасады, резные карнизы, узкие окна, за которыми горел тусклый свет. На перекрестках стояли стражники — хмурые, закованные в железо, с лицами, давно привыкшими к чужой лжи и собственной усталости. То и дело им попадались проповедники инквизиции. Они стояли прямо на улице, среди грязи, телег и спешащих горожан, и вещали о грехе, покаянии и вечной расплате. Их голоса звучали над площадями сухо и жестко, будто скрежет ножа по камню. А на главной площади, окруженный толпой, громко вещал оратор, разнося последние новости и слухи. Его голос, сильный и поставленный, легко перекрывал городской шум. Элая всегда поражало, как такие люди умудряются говорить перед столькими слушателями, не сбиваясь и не теряя ни единого взгляда из толпы. Наконец перед ними поднялись ворота. Они были поистине огромны — вдвое выше обычных замковых, тяжеловесные, словно сама земля выко-

вала их в час недобрых времен. Первая часть укреплений выступала вперед двумя мощными башнями, готовыми обрушить смерть на любого, кто осмелится подвести под стены таран. Но впереди была еще одна створка — окованная каленым гномьим железом, черная, с тусклым металлическим блеском, будто впитавшая в себя копоть сотен кузниц. Пройти через такие ворота без позволения было бы почти невозможно.

Стража перегородила им путь. Один из воинов, не снимая руки с копья, холодно сказал: — Главные ворота закрыты по приказу коллегии.

Элай даже не замедлил движения. Он прекрасно знал, как разговаривать со стражниками. Под плащом тихо звякнул кошель. Элай вынул его, взвесил в ладони и, небрежно бросив стражнику, лишь коротко кивнул. Тот поймал кошель, приподнял бровь, заглянул внутрь и тут же сменил тон.

— Открыть ворота! — рявкнул он через плечо. — Важные гости выезжают!

Как всегда. Порой для этого мира хватало всего лишь небольшого мешочка с монетами, и любые двери сами распахивались перед тем, у кого хватало золота и спокойствия в голосе. Когда они выехали за городские стены, перед ними раскинулась совсем иная картина. Дорога уходила вперед ровной, тщательно вымощенной лентой. Ее проложили еще во времена Арлея Жестокого, и с тех пор она почти не изменилась: камень был стерт веками, но все еще держал форму, будто помнил тяжелые шаги армий и скрип обозов. По обе стороны тянулись густые смешанные леса. Осень уже тронула их своими холодными пальцами: кроны пылали красным, желтым и багровым, перемешиваясь с темной зеленью елей. Воздух был сырым, пахнул прелой листвой, хвоей и далекой водой. Лорик, который не слишком любил природу вне гор, все же невольно замер, оглядываясь вокруг. Он бывал здесь не раз, но каждый раз удивлялся, как эта земля умудряется оставаться такой красивой, несмотря на все, что в ней есть жестокого и мертвого.

— Невероятно, — тихо проговорил Сэнд, не сводя взгляда с леса.

— Это еще что. Ты видишь лишь малую часть того, что может показать этот край. Элай усмехнулся, чуть наклонив голову.

Он бросил взгляд вперед, туда, где дорога терялась между деревьями.

— Если повезет, доберемся и до водопадов. Там, говорят, вода падает с таких высот, что гул слышен за целую милю. И рядом всегда работают люди — каменщики, плотники, грузчики. Живут на самом краю земли, будто и не знают, что мир под их ногами давно прогнил.

Сэнд при этих словах заметно оживился. В его глазах вспыхнуло предвкушение, почти детская жадность до новых чудес.

— Тогда не будем терять времени, верно, друзья? — сказал он и слегка пришпорил лошадь.

Конь сорвался вперед, подняв из-под копыт влажную пыль. За ним тронулись Лорик и Элай. Некоторое время они ехали молча, пока дорога не вывела их к перекрестку. Там, среди серых камней и корявых придорожных столбов, стояли три указателя, потемневшие от дождей и времени.

Лорик хмыкнул, прищурившись.

— Вот это, надо признать, люди придумали разумно, — пробормотал он.

На одном из указателей было вырезано: «Ар Денс». Этого оказалось достаточно, чтобы сомнения развеялись. Дальше они ехали без разговоров, прямо по узкой дороге, пока вечер не начал медленно, но неотвратимо затягивать лес серой синевой. Когда свет окончательно побледнел, путники решили, что пора становиться на ночлег. Подходящее место нашлось не сразу: Элай не хотел разводить лагерь где попало, слишком близко к дороге, где их мог заметить кто угодно. Они углубились в лес, и вскоре впереди показался невысокий холм — сухой, удобный, чуть приподнятый над черной лесной подстилкой. В отдалении, между деревьями, угадывалась старая крестьянская мельница. Рядом темнели несколько полей, уже пустых и забро-

шенных на ночь. Место показалось всем троем достаточно тихим и укрытым. Они быстро устроили привязь для лошадей. Кони, усталые после долгой дороги, фыркали и переступали копытами, косо поглядывая в темноту. Лорик тем временем взялся за ужин. Сэнд отправился в лес собирать сухие ветки для костра, а Элай, хоть и не любил открытого огня в незнакомых местах, на этот раз не стал спорить. Тишина вокруг была спокойной, почти усыпляющей. Лес, укрытый сумерками, больше не казался враждебным, и напряжение понемногу отпускало его плечи. Лорик готовил так, будто делал это не для ночлега у дороги, а для королевского стола. В котелке быстро закипела густая гномья похлебка — тяжелая, наваристая, с вяленным мясом, черствым хлебом, луком и щедрой щепоткой пряностей, которые гном берег, как сокровище. Запах у нее был такой, что у голодного свело бы живот даже на расстоянии. Вокруг костра повеяло дымом, жиром и чем-то по-настоящему домашним, несмотря на мрачный лес вокруг. Позже, уже сидя у огня, они ели молча лишь первые несколько минут. Потом разговор сам собой ожил. Лорик, поминутно прикладываясь к своей кружке с пшеничным напитком, обхватил большую руку и хмуро посмотрел в темноту за огнем.

— Ну и что, мы вообще узнаем, кто эта девка? — спросил он, уже заметно осоловевшим голосом. — Или, как обычно, придем, а там опять загадки, туманные намеки и взгляды исподлобья?

Элай усмехнулся, бросив сухую ветку в огонь. Пламя коротко треснуло и поднялось выше.

— Думаю, она сама нас узнает, — ответил он спокойно. — Этот незнакомец наверняка предупредил ее. Так что раньше времени тревожиться не стоит.

Гном хмыкнул и, сделав еще один глоток, кивнул.

— Уже лучше. Я люблю, когда хотя бы кто-то знает, что происходит. А то в последнее время все у вас через одно место.

Сэнд, который почти всю дорогу не выпускал из рук книгу, только мельком поднял глаза. Он то всматривался в страницы, то украдкой переводил взгляд на лес, будто пытался разом удержать в голове и текст, и весь окружающий мир. Элай заметил это не сразу. Потом все же повернул голову и прищурился.

— Что это ты там все читаешь, малец?

— Ничего особенного, — быстро ответил Сэнд, не поднимая глаз.

Ответ прозвучал слишком коротко и слишком резко. Элай сразу насторожился. Он подвинулся ближе, пытаясь разглядеть обложку.

— Брат, будь осторожнее, — сказал он уже тише. — Я понимаю, у каждого свои секреты. И понимаю, что у тебя открылся дар к магии. Но это опасное ремесло. С ним шутки плохи.

Сэнд на мгновение сжал губы. В его голосе, когда он ответил, уже слышалось раздражение — то самое, знакомое каждому старшему брату, когда младший не хочет слушать нравовучения.

— Я понимаю.

Он перевернул страницу и откусил кусок солонины, будто разговор его только досадно отвлекал.

— Она, думаю, поможет нам. Значит, я должен учиться.

Лорик покачал головой и шумно выдохнул в усы.

— Малец, послушай брата, — пробурчал он. — Просто будь осторожнее. Магия — штука хитрая. Она сначала дает, а потом требует вдвое больше.

Сэнд помрачнел еще сильнее. Он захлопнул книгу не до конца — лишь пальцами придержал страницы, будто не хотел выпускать ее из рук даже на миг.

— Пойду я, пожалуй, — бросил он и поднялся.

Он недовольно глянул на них обоих и ушел вниз по склону холма, не оглядываясь. Элай проводил его взглядом, но останавливать не стал. Потом снова повернулся к Лорику.

— У нас всегда так, — тихо сказал он. — Он терпеть не может, когда его учат.

Гном усмехнулся, поворошил угли и отпил из кружки.

— Это в его возрасте нормально. Все они такие, когда думают, что уже всё понимают. Сколько ему? Двадцать четыре эльвских года?

— Да.

Лорик хмыкнул.

— Ну вот. Не бери в голову. У парня голова на плечах есть. Упрямый, конечно, как осел, но не глупый.

Пока они говорили, Сэнд спустился с холма. Лес вокруг него тянулся сплошной стеной: темный, пестрый, настороженный. Лунного света едва хватало, чтобы различить переплетенные ветви, черные силуэты стволов и влажный блеск листвы. И тут он услышал шорох. Потом еще один. Сначала Сэнд не придал этому значения, решив, что где-то в кустах возится зверь или ветки шевелит ветер. Но звуки не исчезали. Наоборот, они становились ближе, осторожнее, словно кто-то шел за ним по пятам, стараясь не выдать себя. Лес будто изменился. Тишина в нем стала плотной, вязкой, как холодный туман. Даже собственные шаги Сэнд начал слышать громче, чем следовало. Он нахмурился и крепче сжал книгу в руке. И только тогда понял — в темноте рядом с ним кто-то есть.

Из чащи выскочила белка — юркая, с ободраным рыжим хвостом и цепкими лапками. Зверёк вел себя нагло, словно лесной дух, не знающий страха перед человеком. Она металась у самых ног Сэнда, а в следующее мгновение, когтями цепляясь за плотную ткань дорожной куртки, взлетела ему на плечо. Сэнд вздрогнул, чудом не выронив книгу в рыхлую листву.

— Эй, ты чего удумала? — парень невольно улыбнулся, глядя на дрожащий носик и бусинки глаз, в которых отражались угли далекого костра. — Совсем голодно в лесу, да?

Он отложил гримуар в сторону и полез в поясной мешочек. Отыскав там сухую корку черствого хлеба, Сэнд протянул её гостье. Белка ловко выхватила подношение и, едва коснувшись его пальцев холодными лапками, стрелой скрылась в густом папоротнике. Улыбка сошла с лица Сэнда так же быстро, как удрал зверёк. Лес, до этого наполненный лишь мягким шорохом листвы, вдруг замер. Птицы смолкли. Тяжелый, вязкий звук ломающейся ветки заставил сердце парня пропустить удар. Из глубокой тени вековых елей выступила фигура. Это был волколак. Чудовище возвышалось над Сэндом, застилая собой просветы между деревьями. Огромный, обросший жесткой угольно-черной шерстью, он ступал на задних лапах, двигаясь с пугающей, почти человеческой грацией. Его глаза, налитые зловещим багрянцем, светились в полумраке, словно два тлеющих уголька в кузнечном горне. Сэнд резко вскочил. Дыхание перехватило. Он лихорадочно начал хлопать себя по карманам, надеясь нащупать хотя бы перочинный нож или огниво — хоть что-то, через что можно было бы пропустить стихийный поток магии. Но пальцы натыкались лишь на пустую ткань. Он оставил всё оружие у костра. Книга лежала слишком далеко, чтобы успеть прочесть хоть одну защитную формулу.

— Проклятая самонадеянность... — мелькнула горькая мысль.

Огромная тварь остановилась в пяти шагах. Она не рычала, не обнажала клыки для смертельного броска. Волколак замер, соблюдая странную, почти рыцарскую дистанцию. А затем лесную тишину разорвал голос — глухой, утробный, похожий на скрежет камня о камень.

— В чаще нынче дурная кровь льется... — прохрипел зверь. — Древние твари вылезли из нор. Будь осторожен, человек. Не суйтесь вглубь леса. Они уже выжгли два поселения к западу и ищут новую плоть.

Сэнд оцепенел, глядя в багровые глаза существа. Прежде чем он успел выдать из себя хоть слово, волколак развернулся и так же бесшумно, как появился, растворился в ночном тумане. Со стороны холма послышался топот и ругань. На поляну, тяжело дыша, ворвались Элай и Лорик. У эльва в руках блестела обнаженная сталь, а гном сжимал свой верный топор, злобно озираясь по сторонам.

— Живой, малец?! — рывкнул Лорик, заслоня парня собой. — Я чуял этот запах... Псиной за версту несло!

— Куда он делся? — процедил Элай, его взгляд метался по теням, а пальцы перехватили рукоять меча удобнее. Он уже сделал шаг к зарослям, готовый преследовать хищника.

— Постой! — Сэнд схватил брата за локоть. — Не надо. Он не собирался нападать. Он... он предупредил нас.

Парень сбивчиво пересказал короткий, пугающий разговор с ночным гостем. Лорик и Элай переглянулись. Гном сплюнул на землю и опустил топор, но напряжение из его плеч не ушло.

— Небывальщина какая-то, — проворчал Лорик. — За всю мою жизнь не видал, чтоб эти твари язык за зубами держали, а уж тем более советы давали. Видать, совсем плохи дела в Вейсе.

— Если даже такие создания выходят из сумрака, чтобы предупредить о беде, значит, Тень подобралась совсем близко, — мрачно подытожил Элай. — Нельзя здесь задерживаться. До рассвета установим двойной дозор. Как только первый луч коснется верхушек гор — уходим. Нам нужно добраться до города раньше, чем этот лес окончательно сойдет с ума.

В то же самое время по перекрёстной дороге двигался таинственный всадник и пятеро его спутников. Все шестеро были облачены в чёрные доспехи, тяжёлые, черные будто высеченные не из металла, а из самой ночи. Лица их скрывали глухие забрала, и только холодный блеск узких щелей выдавал, что под бронёй ещё теплится жизнь. Они ехали молча. Лошади под ними шли тяжело, сдавленно фыркая, словно чувствовали вокруг не просто дорогу, а место, где давно поселилась беда. Под копытами трескалась сухая земля, будто сама не хотела держать их вес. Там, где они проходили, трава темнела и ложилась в пыль, а воздух тянуло сыростью, гнилью и чем-то ещё — смутным, мерзким, от чего хотелось отвести взгляд. Они не спрашивали дорогу у прохожих. Они не торопились. Им было достаточно встретить любого живого на пути. Первым оказался старик с телегой. Он не успел даже поднять головы. Всадник лишь чуть повернул к нему коня, и один из чёрных латников уже оказался рядом. Раздался короткий, глухой удар — и телега, звякнув колесом, съехала в канаву. Старик даже не понял, что произошло. Дальше была женщина с корзиной. Потом мальчишка-погонщик, прижавший к груди связку хвороста. Потом ещё двое путников, шедших с юга. Никого они не щадили. Не потому, что злились. Не потому, что наслаждались кровью. Просто таков был их путь. Живые для них ничего не значили, если не могли дать ответа.

— Где он? — спросил всадник, остановив коня у развилки.

Голос его звучал глухо, будто доносился из-под каменной плиты. Один из его людей, чуть наклонившись в седле, осмотрел пустую дорогу и бурые пятна на камнях.

— Следы уходят к северу, — сказал он. — Но здесь недавно проходил отряд Артрейна. Возможно, кто-то видел маску.

— Значит, ищем дальше, — ответил всадник. — И если кто-то встанет на пути, он умрёт.

— А если никто не скажет? — спросил другой, с тихим, хриплым смешком.

Всадник медленно повернул к нему голову.

— Тогда мы уничтожим всё, что помешает найти нужный ответ.

И они поехали дальше, оставляя за собой не просто след копыт, а длинную полосу страха, гнили и безмолвной смерти. Дорога после них выглядела так, словно по ней прошла чума: трава чернела, мелкие зверьки не показывались из нор, а на ветру долго держался тяжёлый запах крови и мокрого железа. Им было всё равно, кто погибнет по пути. Им было важно только исполнить приказ. Найти незнакомца в маске. Найти аванпосты армии Артрейна. И уничтожить всё, что встанет между ними и их целью.

В это же время по старому перекрёстку, где ветер гонял пыль между камней и сухих придорожных трав, ехали шестеро всадников. Один — впереди, чуть поодаль от остальных, и

уже по одной его посадке в седле было ясно: он здесь главный. За ним следовали ещё пятеро — такие же молчаливые, такие же неподвижные, будто выкованные в одной кузнице и наделённые одной волей. Все были облачены в чёрные доспехи без единого герба, а их лица скрывались за глухими забралами. Ни глаз, ни кожи, ни даже намёка на человеческое выражение — только тёмный металл, холодный и мёртвый, как надгробная плита. Они ехали неторопливо, но в этой медлительности было больше угрозы, чем в бешеной скачке. Казалось, им некуда спешить, потому что от них всё равно нельзя уйти. Под копытами их коней дорога трескалась, словно высохшая кость, а в воздухе после них оставался тяжёлый запах сырой земли, железа и начинающегося тления. Там, где они проезжали, смолкали птицы. Даже ветер будто слабел, не решаясь касаться этих людей — или того, что когда-то было людьми. Первого встречного они настигли у придорожного столба. Это был старик с вязанкой хвороста за спиной. Он услышал их раньше, чем увидел, и обернулся слишком поздно. Главный всадник остановил коня в одном шаге от него. Остальные окружили дорогу молча, без суеты, будто делали это уже сотни раз.

— Смотри на меня, — прозвучал голос из-под шлема.

Старик вздрогнул. Голос был низкий, глухой, будто шёл не из человеческого горла, а из пустого железного нутра.

— Я... я всего лишь иду домой, господин, — пробормотал он, крепче прижимая к себе хворост.

— Где человек в маске? — спросил всадник.

— Не знаю, господин. Клянусь, не знаю.

— Тогда скажи, где аванпосты Артрейна.

Старик затряс головой. Его губы дрожали, глаза беспомощно метались от одного чёрного шлема к другому.

— Я не солдат... Я не бываю у застав... Я ничего не знаю.

На несколько мгновений повисла тишина. Даже кони стояли неподвижно, только из ноздрей одного из них вырывался белёсый пар, хотя воздух был тёплым. Затем предводитель едва заметно шевельнул рукой. Старик не успел ни закричать, ни отступить. Один из пятерых ударил быстро и без лишнего движения. Тело осело в пыль, хворост рассыпался по дороге, а кровь медленно потянулась в щели между камнями. Никто из всадников даже не посмотрел вниз.

— Слишком много невежд на этой дороге, — произнёс один из них.

— Или слишком много лжецов, — отозвался другой.

Они поехали дальше. После них на перекрёстке осталась не просто смерть. Вслед за отрядом тянулось что-то худшее — тяжёлое, вязкое ощущение порчи, будто сама земля не принимала их веса. Трава у обочины темнела и ложилась, как после заморозка. В лужах мутнела вода. На старых колёсных следах выступала чёрная грязь, хотя дождя не было уже много дней. Следующих путников было двое: тележник и молодой парень, должно быть сын. Они везли мешки с мукой, и кони испуганно заржали ещё до того, как чёрные всадники приблизились. Телега встала поперёк дороги. Парень схватился за вожжи, но руки его дрожали.

— Не надо... — тихо сказал тележник, выступая вперёд. — Мы люди мирные. Мы ничего вам не сделали.

— Нам нет дела до того, что вы сделали, — ответил предводитель. — Нам нужно то, что вы знаете.

— Мы ничего не знаем, господин.

— Все что-то знают.

Он немного наклонился в седле, и впервые стало ясно, какое давление исходит от одного его присутствия. Не крик, не ярость, не угроза в обычном смысле — а спокойная, почти бесстрастная уверенность существа, которое привыкло брать силой всё, чего желает. От него веяло такой мощью, что даже его спутники держались чуть позади, как если бы и для них существовала граница, которую нельзя пересекать без дозволения.

— Человек в маске, — повторил он. — Где его видели в последний раз?
Тележник молчал.

— Аванпосты Артрейна, — продолжил всадник. — Сколько их на этой дороге? Кто командует? Где стоят дозоры?

— Я не знаю, — выдавил мужчина. — Клянусь могилами предков, не знаю.
Молодой парень не выдержал и выпалил:

— Говорили только... только о деревне Ар-Денс. Будто кто-то чужой проходил мимо неё несколько дней назад. Больше я ничего не слышал, господин. Это всё, что знаю. Всё!

Несколько всадников повернули головы в его сторону.

— Ар-Денс, — медленно повторил один из пятерых. — Значит, след всё же ведёт туда.

— Возможно, — сказал другой. — Если в деревне его укрыли, они сами открыли ворота смерти.

Тележник хотел что-то сказать, но осёкся. Предводитель молчал дольше обычного. Он смотрел на юношу так, словно пытался понять, врёт тот или нет. Под чёрным забралом невозможно было разглядеть его лицо, и от этого молчание становилось только страшнее. Наконец он произнёс:

— Если ты солгал, мы вернёмся по этой дороге. И тогда живых здесь не останется.

Парень побледнел так, что на его лице не осталось ни кровинки.

— Я сказал правду...

— Правда любит страх, — тихо ответил всадник. — Страх делает её чище.

Он выпрямился и взглянул на своих спутников.

— Мы идём к Ар-Денс.

Один из пятерых слегка склонил голову.

— А если маски там нет?

— Тогда найдём тех, кто видел её путь. — Ответил главных из них.

— А если деревня станет молчать?

Предводитель выдержал короткую паузу.

— Тогда Ар-Денс заговорит через огонь.

Эти слова прозвучали негромко, но от них по коже шёл холод. Не было в них ни гнева, ни бравады — только приговор. Так, должно быть, говорит палач, уже затянувший петлю.

Тележник опустил на колени прямо в дорожную пыль.

— Пощадите... Там семьи. Дети. Простые люди.

Один из всадников коротко рассмеялся, и смех этот был сухим, лишённым всякого веселья.

— Простые люди умирают так же легко, как и прочие.

— Нам приказано искать, — сказал другой. — А не щадить.

Предводитель не удостоил просящего взглядом.

— Живые всегда цепляются за жизнь так, будто в этом есть смысл, — произнёс он. — Но приказ важнее.

И снова отряд двинулся вперёд. Тележника и его сына они оставили в живых — не из милости, а потому, что уже получили направление. Иногда страх был полезнее смерти. Он бежал впереди них быстрее любого коня, распахивал двери, сбивал шёпот в домах и заставлял людей ошибаться. К вечеру небо потемнело, и далёкие низкие облака стали похожи на синяки над лесом. Шестеро чёрных всадников ехали к Ар-Денс, и с каждым часом казалось, будто сама земля уступает им дорогу. Их кони не уставали. Их броня не звенела. Их тени были длиннее, чем должны быть у живых существ. Они не просто искали незнакомца в маске и не просто вынюхивали следы аванпостов Артрейна. Они несли с собой силу, перед которой отступали и человек, и зверь. Там, где проходил их отряд, оставались не только трупы, но и память о настоящем ужасе — о той разновидности зла, которая приходит не в ярости, а в холодной,

неумолимой уверенности. И если след действительно вёл в Ар-Денс, деревне стоило бояться не того, что эти всадники найдут, а того, что они не найдут. Потому что тогда они начнут искать тщательнее. Дом за домом. Двор за двором. Человека за человеком. А когда шестеро воинов тьмы уже скрывались за поворотом дороги, один из них негромко спросил:

— Каков приказ, если маски в Ар-Денс не окажется?

Предводитель ответил не сразу.

— Оставить после себя такой след, — сказал он наконец, — чтобы следующий, кто решит скрывать от нас правду, сам вышел нам навстречу.

После этих слов никто больше не заговорил. Лишь трескалась под копытами дорога, да тянулся за ними запах гнили, железа и близкой смерти.

Глава 10 - Вэйс

Союзником может оказаться любой.

Важны только цели.

Арлейн жестокий. Выдержка из книги Инквизитора Тареса

В самом городе уже давно витала тяжёлая, тревожная атмосфера. Инквизиция с каждым днём усиливала свои проповеди, и площади всё чаще наполнялись не торговыми криками, а голосами проповедников, хриплыми и надрывными, будто сам страх говорил их устами. Смертей становилось всё больше, но стража старалась не подпускать людей к местам, где они происходили, — не столько ради порядка, сколько затем, чтобы горожане не начали задавать лишних вопросов. Впрочем, вопросы уже рождались сами собой. Люди шептались на рынках, у колодцев, в тёмных проулках. Кто-то видел в переулках неведомых зверей. Кто-то клялся, что по ночам в город пробирались волколаки и терзали запоздалых прохожих. Одни утверждали, что это бродячие твари из лесов, другие — что дело куда хуже и тварей кто-то выпускает нарочно. Но чем больше росли страх и неразбериха, тем охотнее толпа слушала инквизицию. Её проповеди становились всё жёстче, всё громче, всё яростнее, и в них всё чаще звучал скрытый, ядовитый намёк: виноваты чужие, виноваты иные, виноваты те, кому город и без того не доверял. В трущобах эльвы начали собираться всё чаще. Их собрания были тревожными и шумными — люди спорили, кричали, требовали объяснений, а потом снова срывались в гулкий, злой ропот. Они хотели пробиться к аванпостам стражи, дойти до герцога и услышать наконец ответ — что происходит с городом, почему их район оставлен на произвол судьбы, почему туда больше не привозят еду, почему лекари, которые прежде хотя бы изредка заглядывали в трущобы, теперь обходят их стороной. Их действительно почти бросили. Лучших лекарей стянули в другие кварталы, а самых сильных магов — в башни коллегии и к инквизиции, где пытались найти способ справиться с тварями, что всё чаще появлялись на улицах. Сначала это были лишь отдельные слухи, потом — растерзанные тела, затем — слишком явные следы когтей и клыков. Инквизиция же не упускала случая подогреть народный гнев. Она ловко обращала недовольство толпы против коллегии, уверяя, что именно маги виновны в происходящем, что именно их гордыня и колдовские опыты открыли городу путь к беде.

Тем временем незнакомец в маске уже прибыл в штаб Певчих. С ним были охрана и третий маг коллегии, Вейран, — человек молчаливый, сухой, с усталым взглядом и руками, на которых, казалось, ещё держался запах чернил, реагентов и старых свитков и конечно же шрамами от частого использования искусства крови. Там гостя встретил новообразованный совет. Штаб Певчих и подконтрольные им улицы в этом хаосе выглядели почти как осколок прежнего порядка. Здесь ещё можно было увидеть выметенные мостовые, вовремя починенные ставни, разнесённые по нужным районам мешки с хлебом и даже патрули, которые следили не за тем, чтобы ловить случайных прохожих, а затем, чтобы люди вообще могли дойти до дома живыми. На удивление самому совету, с делами, оставленными Элаем, они справились неплохо, хотя работы всё ещё оставалось немало. Нужно было укреплять склады, налаживать поставки в самые голодные кварталы трущоб эльвов, удерживать стражу от чрезмерного давления и, главное, не дать городу окончательно сорваться в панику. Им даже удалось вооружить многих граждан. Это, разумеется, вызывало всё большее недовольство у стражи, которая теперь почти целиком подчинялась инквизиции. Та, пользуясь смятением, сумела перехватить главенство у коллегии магов и всё настойчивее захватывала власть над городом. При этом горожане до сих пор не знали, что стало с их герцогом. Исчез ли он, был ли заключён под стражу или мёртв — никто не говорил вслух. Зато инквизитор Радагост уже без стеснения издавал указы от его имени, как будто сам город принадлежал теперь не правителю, а его мрачной тени.

С каждым новым приказом Вейс всё глубже погружался в религиозный трепет, похожий не на веру, а на страх перед кнутом. Людей заставляли молиться, каяться, доносить, указывать на подозрительных соседей, а на площадях инквизиторы уже почти открыто разжигали ненависть к эльвам и гномам. И это напоминало самые тёмные времена Арлея Жестокого — гонения, унижения, облавы. Теперь эльвов и гномов могли схватить прямо на улице, среди бела дня, под рев толпы и громкие речи проповедников. Такое резкое падение города в страх и жестокость, всего за пару недель после отъезда Сэнда и его спутников, поражало даже тех, кто привык к худшему. Но, пожалуй, именно это и было самым страшным — людям всегда проще было поверить в удобного виноватого. Виноватыми становились чужие, те, кто отличался, те, кого не понимали. Тем более что набеги гномов на караваны не прекращались, а попытки Певчих договориться окончательно провалились. Гномы не пошли на контакт, и нападения только усилились. Пути снабжения были перерезаны, город медленно задыхался от голода, а стражи и армии не хватало, чтобы удерживать дороги.

— Чёртовы гномы, — мрачно пробормотал незнакомец в маске, оглядывая улицы, по которым тянулись бледные, измождённые люди.

В лицах прохожих читалась усталость, почти забытая покорность и голод, от которого у некоторых уже подрагивали руки. Кто-то провожал его взглядом из-за запотевшего стекла, кто-то, наоборот, поспешно отворачивался.

— Остановитесь, — сказал он охранникам, идущим рядом.

— Так точно, — коротко ответили те.

Одним из сопровождавших оказался человек, которого в городе знали довольно хорошо. Когда-то он был начальником стражи и проиграл Элаю на турнире, а затем, на фоне последних событий, лишился должности. Характер у него был тяжёлый: слишком прямой, слишком несговорчивый для удобной службы. Он не умел закрывать глаза на взятки стражникам и вообще плохо уживался с теми, кто привык кормиться чужой слабостью. Честные люди в таких местах редко нравятся начальству. В итоге он оказался простым стражником при коллегии, хотя по виду и повадке всё ещё оставался воином, которого не сумели сломать до конца. Незнакомец посмотрел на него внимательнее, словно вспоминал не только лицо, но и прошлую дуэль, и ту давнюю сталь, что ещё не совсем ушла из этого человека. Впрочем, сейчас у города были дела куда страшнее турниров и старых обид.

Незнакомец в маске подошёл к нищим, поправил плащ и достал из внутреннего кармана кошель. Тонкая кожа тихо звякнула, когда он раскрыл его — внутри лежало несколько серебряных монет с ликом герцога Дерриона. Такие деньги ходили лишь в верхних кварталах, где мостовые ещё не были растрескавшимися, а фонари зажигали до захода солнца. В трущобах же, если кому-то и попадалась серебряная монета, то разве что поддельная — грубая, потемневшая, отчеканенная фальшивомонетчиками. Все знали, что за такое в Артрейне могли лишиться руки, а то и головы, но в этих местах закон давно уже существовал только для вида. У стены, под провисшим навесом, сидела женщина с ребёнком. Оба были в лохмотьях: её платье давно потеряло цвет, а у мальчика на коленях держалась дыра, аккуратно зашитая чужой рукой. Женщина подняла взгляд на незнакомца и замерла, словно не поверила собственным глазам.

— Господин вы не шутите? — спросила она, осторожно принимая кошель дрожащими пальцами.

— Бери. Накорми ребёнка. И уходите из города как можно скорее, — ответил он. Голос его был ровным, но в нём слышалась такая твёрдость, что спорить не хотелось. — Ты поняла?

Женщина несколько раз быстро кивнула. По её лицу было видно — она не дура и всё прекрасно понимает. Если человек, за спиной которого стоят вооружённые стражники, говорит уходить, значит, опасность здесь не случайна и не преувеличена. Она прижала ребёнка к себе, торопливо собрала свои скудные пожитки и почти бегом покинула привычное место, будто боялась, что милость незнакомца вот-вот исчезнет, как дым. Незнакомец проводил её

взглядом, после чего вновь двинулся вперёд. Стражник рядом с ним — тот самый Ингвар, некогда начальник городской стражи, а теперь просто человек в чужих доспехах — тихо покачал головой.

— Достойный поступок честного мужа, — сказал он.

Незнакомец на миг промолчал, будто подбирая слова.

— Тяжело смотреть, когда граждане, достойные лучшей жизни, вынуждены жить в таком убожестве, — произнёс он наконец. — А уж дети такие юные, беззащитные. Это и вовсе невыносимо.

Ингвар молча кивнул. По его лицу было видно, что он согласен. Когда-то, будучи начальником стражи, он не раз пытался бороться с подобной несправедливостью, но система упорно ломала тех, кто не умел закрывать глаза на грязь. Иногда ему казалось, что он сам вот-вот нарушит все свои обеты — не из злости, а от бессилия. Третий маг коллегии Вейран, шедший с ними, никак не отреагировал. Для него это были лишь разговоры о бедняках, которых и так слишком много в любом городе. Он смотрел вперёд с холодным равнодушием человека, привыкшего считать чужую нужду чем-то далёким и несущественным.

Незнакомец между тем не сводил с Ингвара глаз.

— Это ведь не будет нарушением обетов? — спросил он негромко. Намекая на те слова о поддержке бедняков.

На лице стражника мелькнуло неподдельное удивление.

— Неужели он умеет читать мысли? — мелькнуло у него в голове.

После короткой паузы он всё же ответил:

— Эти обеты ненастоящие. Именно поэтому они на улице, а я — здесь.

— Ты прав, — спокойно сказал незнакомец и указал рукой вперёд. — Вот и он. Мы пришли.

У штаба Певчих толпились эльвы, и почти у каждого на коже темнели татуировки. Их было много, и они не без дела стояли у входа — приводили беженцев из трущоб, распределяли их по спискам, записывали имена, возраст, род занятий — всё с той деловитой точностью, какая появляется только там, где порядок приходится вырывать из хаоса зубами. Похоже, здесь действительно ждали чего-то серьёзного. Незнакомец с охраной прошёл мимо очереди без лишних объяснений и направился к дверям. Но один из эльвов, совсем молодой, видимо только что поставленный на пост, окликнул их:

— Эй, вы куда? Туда нельзя. Ингвар, ещё будучи начальником стражи, уже успел бы решить такой вопрос по-своему: жёстко, быстро и без лишних слов. Он шагнул вперёд и уже собирался прижать эльва к стене, как его остановил незнакомец.

— Не стоит, — спокойно сказал он. — Они наши союзники. Простите моего спутника.

Он мягко отодвинул Ингвара в сторону, после чего чуть поправил доспех на груди эльва, словно тот был не солдатом на посту, а растерянным юношей, которому просто не успели толком объяснить, как держаться.

— Так-то лучше. Верно? — с лёгкой усмешкой спросил он.

Эльв растерянно моргнул. Было видно, что на этот пост его поставили совсем недавно: он ещё не научился ни говорить уверенно, ни держаться с должной строгостью. Наконец он спохватился и выдавил:

— Эм что вам нужно? - с страхом в голосе спрашивал молодой эльвский стражник.

Ингвар усмехнулся, а незнакомец ответил учтиво:

— Мы пришли встретиться с вашим советом. Мы из коллегии. У нас есть дело. Эльв ещё немного помедлил, будто решая, можно ли вообще пускать их внутрь, а потом всё же отворил дверь.

— Проходите. - отвечал им стражник и открывая при этом дверь.

Уже внутри штаба к удивлению незнакомца в маске и его спутников, у Певчих царили идеальный порядок и дисциплина. Никто не бегал, не кричал, не толкался. Люди двигались быстро, но слаженно, как в хорошо отлаженном механизме.

— Они к чему-то готовятся, — шепнул он Ингвару.

— Однозначно, — ответил тот. Впереди, у входа в зал, стояли трое советников. Они сразу же заметили незваных гостей. Один из них молча взял письма, переданные гонцом, бегло просмотрел их, после чего подозвал к себе остальных и коротко бросил:

— Проходите, — сказал по всей видимости старший из них Алир.

Их провели в комнату для собраний. Она была почти пустой — только круглый стол в центре, символ равенства и общего решения. Ничего лишнего, никаких украшений, только голые стены и тяжёлый воздух, словно здесь каждое слово стоило дороже золота.

— Интересная задумка, — заметил незнакомец, окинув взглядом зал.

Ингвара он попросил остаться за дверью и следить за проходом, пока они будут говорить. Третьего мага коллегии, напротив, решили пустить внутрь. Когда все заняли свои места, один из советников посмотрел на незнакомца и произнёс без предисловий:

— Мы знаем, с чем ты прибыл. — сухо говорил второй представитель совета Ирэк.

Незнакомец и сам это прекрасно понимал. Элай был далеко не глуп, и потому успел заранее предупредить их. Теперь оставалось лишь выбрать верные слова — те самые, что помогут надавить в нужный момент и не раскрыть всех карт раньше времени. Он чуть откинулся на спинку стула, сложил пальцы вместе и на мгновение задумался, прежде чем начать разговор.

— Нам нужно защитить город, — произнёс незнакомец негромко, но так, что его голос сразу заполнил всю комнату. — И выступить против инквизиции.

В зале повисла тишина. За узкими окнами выл ветер, шевеля ставни, а где-то внизу, во дворе, глухо лязгнуло железо. Один из трёх эльвов, высокий, с тонким шрамом у виска, медленно поднял глаза на гостя. Взгляд у него был тяжёлый, недоверчивый. Это был Алир.

— Инквизицию сейчас не победить, — сказал он после паузы. — Она слишком глубоко пустила корни в этом городе. Слишком быстро. Слишком крепко.

Второй советник, сухощавый, с перебитым когда-то носом и длинными пальцами музыканта, мрачно кивнул. Элай всегда вспоминал его образ, Ирэк никогда не хотел вступать в Певчих, но жизнь вынудила его.

— Он прав. Люди уже начинают видеть в них не палачей, а защитников. Инквизитор оказался умнее, чем мы думали. Осторожнее. Хитрее. — Он сжал лежавшую перед ним ладонь в кулак. — Теперь его слово весит больше, чем слово верховного мага. И дела он ведёт так, будто сам говорит от имени герцога.

Незнакомец слушал молча. Всё это не было для него новостью; большую часть сказанного он знал и без них. И всё же его не отпускало странное чувство. Разговор тёк слишком ровно, почти без обычной настороженности, какая всегда возникает между теми, кто впервые сидит за одним столом и при этом решает судьбу города. Это настораживало не меньше дурных вестей.

Третий маг коллегии Вейран по-прежнему хранил молчание. Он стоял чуть в стороне от круглого стола, будто не желал до конца становиться частью этого собрания, и медленно пил вино из серебряной чаши, найденной здесь же, среди скромной, но добротной утвари. На его губах играла едва заметная улыбка — не насмешливая, но какая-то слишком спокойная для такого разговора. Незнакомец перевёл взгляд с одного советника на другого.

— Тогда остаётся только одно. Мы должны собрать солдат. А после — либо договориться с инквизитором... либо убить его.

Слова его прозвучали просто, без нажима, и именно оттого стали ещё тяжелее. Где-то за дверью скрипнули половицы. Один из эльвов медленно выдохнул сквозь зубы. Хотя совет здесь считался равным, незнакомец быстро понял, кто из троих на самом деле говорит последним

словом. Это был тот самый эльф со шрамом у виска. Он сидел неподвижно, положив локти на стол, и смотрел на гостя так, словно уже мысленно примерял на него могильную плиту.

— Глупости, — отрезал он. — Ты предлагаешь нам взять башню штурмом? Инквизитор не покидает её без крайней нужды. У него охрана, внутренние караулы, цепь осведомителей по всему району. Даже если мы соберём всех, кто у нас есть, мы оставим половину людей под её стенами, а вторую — потеряем в переулках, когда по нам ударят с крыш. Незнакомец чуть склонил голову набок.

— Ты меня недооцениваешь, — сказал он спокойно. — Я не собираюсь тратить ваших людей на лобовую бойню. Башня нам не нужна.

Эльвы переглянулись.

— Тогда о чём ты говоришь? — спросил второй советник.

— О встрече, — ответил незнакомец. — Есть только один человек, с кем инквизитор сочтёт нужным вести настоящий разговор. Не с вами. Не со мной. И даже не с герцогом, если сможет этого избежать. Только с верховным магом. При этих словах третий маг Вейран наконец поставил чашу на стол. Серебро мягко звякнуло о дерево. Он всё так же улыбался — лениво, почти вальяжно, будто речь шла не о заговоре, а о предстоящем званом ужине. В комнате стало тише прежнего.

— Инаэль встретится с ним, — продолжил незнакомец. — Не в башне. На нейтральной территории. Во дворце герцога.

Теперь уже все трое советников смотрели только на него.

— Во дворце? — переспросил Ирэк. — Ты в своём уме? Там полно глаз. Слуги, писцы, люди инквизитора, люди самого герцога. Да там даже стены, кажется, умеют слушать. ГГ

— Именно поэтому, — ответил незнакомец, и под маской его голос стал чуть жёстче,

— это лучшее место. Инквизитор любит безопасность и видимость законности. Если ему предложить встречу во дворце, под предлогом мирного разговора и урегулирования полномочий, он клонет. Он слишком уверен в своём положении. Слишком уверен, что все вокруг уже боятся его достаточно, чтобы не осмелиться на удар.

Третий маг тихо усмехнулся.

— А мы поможем ему ошибиться.

— Мы сами организуем эту встречу, — продолжил незнакомец. — Ваша задача проще и опаснее одновременно — обеспечить нам преимущество на улицах перед дворцом. Не устраивать резню. Не поднимать шум раньше времени. Но если всё сорвётся — перекрыть подходы, задержать подкрепление инквизиции и удержать площадь столько, сколько потребуется.

Советники молчали. На их лицах читались сомнение, расчёт и усталость людей, которых слишком долго вынуждали выбирать не между добром и злом, а между гибелью медленной и быстрой.

Наконец Алир поднялся из-за стола.

— Ждите здесь.

Он вышел, и дверь за ним тихо затворилась. Пока его не было, никто не говорил. Ветер за окнами усилился, и где-то на крыше застучала старая черепица. Третий маг снова взялся за чашу, но пить не стал — лишь покрутил её в пальцах, глядя, как вино тёмной дугой ложится по серебряным стенкам. Через несколько минут эльф вернулся. В руках он держал несколько листов, исписанных плотным, аккуратным почерком. Бумага была затёрта на сгибах, словно её уже не раз перечитывали при свете свечи и наспех прятали при каждом постороннем шаге. Он положил перепись на стол.

— Всё, чем мы располагаем.

Незнакомец наклонился вперёд. Его взгляд быстро побегал по строкам: число бойцов, способных держать оружие; копья, луки, короткие мечи, старые кольчуги, щиты с треснув-

шими умбонами, запасы стрел, нехватка шлемов, почти полное отсутствие тяжёлой брони. Эльв мрачно следил за его лицом.

— Ну? — спросил он. — Теперь ты понимаешь, чем именно собираешься воевать?

Незнакомец поднял глаза.

— Вы чем-то недовольны? — спросил он ровно.

Эльв сухо усмехнулся.

— Конечно недоволен. Нас слишком мало, чтобы выступить против инквизиции открыто.

И он не преувеличивал. Певчих, находившихся в городе и способных взяться за оружие, было не больше семи сотен. Да, за последние дни они сумели навести в своих кварталах относительный порядок — выставили дозоры, расчистили несколько улиц, наладили связь между убежищами. Но времени всё равно оказалось слишком мало. Люди были собраны наспех, многие не имели ни доспеха, ни настоящего боевого опыта. У иных на поясе висели ножи мясников вместо солдатских клинков, а кожаные куртки выдавались за броню только от отчаяния.

— Мы дадим вам оружие, — негромко сказал третий маг.

Все трое советников посмотрели на него.

— И это уже решено, — добавил он.

На этот раз удивление эльвов было неподдельным. Первый среди равных даже медленно сел обратно, не отводя глаз от мага.

— С чего такая щедрость? — спросил он. — Коллегия не славится любовью к тем, кто живёт вне её стен.

— Не называй это щедростью, — ответил третий маг. — Называй это необходимостью. Если падёте вы, следом придут за нами. Инквизиция не умеет останавливаться на полпути.

Второй советник провёл пальцами по столу, словно раздумывая, стоит ли верить услышанному.

— И сколько оружия?

— Достаточно, чтобы ваши люди не выглядели толпой с палками, — сказал маг. — Не армия, но уже сила.

Несколько мгновений никто не говорил. Затем первый среди равных коротко кивнул.

— Хорошо. Мы согласны.

Незнакомец и третий маг обменялись быстрыми взглядами. Оба чуть заметно улыбнулись. Но радость не успела закрепиться.

— Вы нужны сегодня, — сказал незнакомец.

Слова его ударили по комнате не хуже кулака по столу.

— Сегодня? — почти одновременно переспросили двое советников. В голосе одного прозвучало раздражение, другого — откровенное недоверие.

— Именно сегодня, — отрезал незнакомец. — Нам больше нельзя терять время.

— Ты просишь нас поднять эльвов за один день, — сказал второй. — Вооружить их, расставить, объяснить задачи, не вызвав паники и не насторожив осведомителей инквизиции. Это не просто риск. Это безумие.

— Безумием будет ждать, — ответил незнакомец. — Каждый лишний час работает не на нас.

Первый среди равных в этот миг смотрел не на него, а на что-то своё, мрачное и тяжёлое. Затем он медленно потянулся под плащ, достал сложенное письмо и положил его на стол.

— Он прав, братья, — сказал эльв глухо. — Враг уже совсем рядом.

На этот раз удивились и незнакомец, и третий маг.

— Насколько рядом? — быстро спросил незнакомец.

— Шестеро всадников, — ответил эльв. — По последним донесениям нашей разведки. Они прошли перекрёстки у города, заходили в деревни, расспрашивали людей, поднимали

дворы среди ночи. Идут не скрываясь, но и не поднимая лишнего шума. Значит, уверены в том, что ищут.

Третий маг выпрямился.

— Что им нужно?

Эльв поднял взгляд и посмотрел прямо на незнакомца.

— Странник в маске.

В комнате словно стало холоднее. Даже огонь свечей, казалось, дрогнул. Несколько мгновений никто не произносил ни слова. Потом незнакомец очень тихо спросил:

— Они почти вышли на него?

— Почти, — ответил эльв. — Или думают, что почти. Разница невелика. Известно и то, куда они направляются дальше.

— Куда? — сухо спросил Незнакомец.

— В Ар-Дэнс.

Под маской лицо незнакомца потемнело. Никто не видел его черт, но перемену уловили все. Плечи его едва заметно напряглись, а пальцы на краю стола сжались так, что костяшки наверняка побелели бы, не скрывай их перчатки. Он знал, кто находится в Ар-Дэнсе. Сэнд. Элай. Лорик. Ирида тоже должна была ждать их там. Слишком много нитей сходилось в одном месте. Слишком удобная точка для удара. Третий маг заметил его молчание.

— Ты кого-то туда отправил? — спросил он уже без прежней лёгкости.

Незнакомец не сразу ответил.

— Да.

— Тогда медлить нельзя, — сказал Алир. — Если всадники идут по следу, то скоро в Ар-Дэнсе станет тесно от крови.

Незнакомец медленно поднялся.

— Нужно отправить весточку, — произнёс он. — Немедленно. Сегодня же. Сразу после собрания.

— Мы можем дать гонца, — предложил второй советник. — Быстрого и молчаливого.

— Дайте двоих, — сказал незнакомец. — Если один не доедет, доедет другой.

Третий маг усмехнулся краем рта, но на этот раз без веселья.

— Вот теперь разговор стал похож на правду.

Незнакомец повернулся к окну. За мутным стеклом город тонул в сером сумраке. Где-то вдали, над крышами, поднимался дым — густой, чёрный, вязкий, будто сам Артрейн медленно тлел изнутри.

— Значит, решено, — сказал он. — Времени на раздумья больше нет, — голос незнакомца стал жестче, в нем прорезался металл, свойственный тем, кто привык отдавать приказы в разгаре боя. — Нужно действовать на опережение. Отправьте гонцев к наемным отрядам в предместьях. Скажите, что плата удвоится, если их мечи окажутся в городе до заката. Они нужны здесь, и нужны немедленно.

Один из советников, поджав губы, едва заметно кивнул:

— Мы уже разослали вестников. Золото — хороший стимул, когда пахнет большой кровью.

— Отлично. — Незнакомец окинул тяжелым взглядом притихший Совет. — Сегодня вечером мы решим вопрос с инквизицией раз и навсегда. Собирайте своих людей по кварталам. Ряды должны быть плотными, а дисциплина — железной. И избавьтесь от слишком ретивых проповедников. Тех, кто вопит о каре небесной на каждом углу, устраняйте тихо. Либо вложите им в глотки наши слова: пусть меняют суть своих речей. Быдло любит слушать крикунов, и эти кликуши могут пригодиться, чтобы утихомирить толпу, когда улицы вспыхнут.

Совет Певчих ответил угрюмым, тягостным соглашением. Слишком долго они копили обиды, чтобы теперь отступить. Незнакомец и Третий маг покинули душный подвал, оставив

эльвов в окружении карт и старых списков. Воздух снаружи казался ледяным, пропитанным гарью и предчувствием грозы. Вернувшись в Башню Коллегии, где высокие своды эхом отдавались на каждый шаг, незнакомец сразу прошел в кабинет. Зажженная свеча исходила черным дымом, пока он торопливо выводил строки на тонком пергаменте. Перо скрипело, едва поспевая за его мыслями.

«Ирида. Я был излишне суров в наш последний разговор, и это тяготит меня. Надеюсь, это письмо достигнет тебя раньше, чем Тень падет на порог вашего убежища. Ситуация изменилась — враг дышит вам в затылок. Ты должна немедленно встретить тех путников, о которых я говорил, и увести их прочь. Никаких задержек, никакой жалости к вещам. Слушай Сэнда. Его чутье на тропы не подводило нас в худшие времена, он знает, куда идти. Да пребудет с тобой удача.»

Внизу, вместо имени, он оставил лишь свой знак — хищный росчерк, знакомый немногим. Свернув записку, он передал её Ингвару, застывшему у двери мрачной статуей.

— Отправь с голубем. Самым быстрым. И проследи, чтобы птица ушла чисто.

Закончив с письмом, он быстро проверил снаряжение. Скрытые клинки, флаконы с кровью, укрепленные перчатки. В сопровождении личной охраны, состоящей из молчаливых ветеранов, чей вид внушал страх даже городской страже, он выдвинулся в сторону дворца. Инаэль уже был в пути. Его сопровождали трое магистров Коллегии и небольшой отряд элитных бойцов. Каждое звено этого построения было выверено: несмотря на численное меньшинство, они были вооружены до зубов и защищены чарами. В отношениях между Коллегией и Инквизицией давно не осталось места для дипломатии — лишь холодная ненависть, готовая в любой миг выплеснуться сталью. Встречу назначили на час после полуночи, когда город замирает в самом глубоком сне. Инаэль прибыл во дворец первым. Он методично расставил своих людей в вестибюле и на галереях так, чтобы перекрыть узкие места. В случае стычки они должны были удерживать численно превосходящих фанатиков столько, сколько потребуется для маневра магов. Войдя в зал совета, Инаэль занял место в тяжелом кресле, где когда-то покойный герцог принимал верных вассалов. Атмосфера величия давно выветрилась, сменившись запахом залежалой пыли, холодного камня и скорби. Свечи в тяжелых канделябрах едва разгоняли мрак, бросая длинные, уродливые тени на стены. За спиной Инаэля неподвижно замерли стражники. Его ладонь произвольно легла посох. Перспектива открытой бойни в этих стенах леденила кровь, но иного пути не было. Он не мог взять больше людей — каждый клинок был на счету в Башне Магистрата, где гарнизон из последних сил удерживал блокпост. Твари, запертые внутри, бесновались в темноте, и если бы они все прорвались в город сейчас, Артрейн превратился бы в один огромный склеп еще до того, как инквизиторы обнажат свои мечи.

Сам же Инквизитор прибыл так, словно явился не на тайный ночной совет, а на собственное коронование. Если у Инаэля под рукой было не больше полусотни бойцов, то инквизитор привел с собой едва ли не пять сотен отборных стражников. Все — как один — в латах, начищенных до тусклого серебряного блеска, в тяжелых плащах с вышитым знаком Высшего и с лицами людей, давно разучившихся сомневаться. Многие из них сражались на Закатном холме. Они видели тварей вблизи, чувствовали на себе их смрадное дыхание, слышали хруст костей в ночи — и потому вера их стала не тише, а только яростнее. Такие люди особенно крепко цепляются за молитву, когда однажды уже заглянули в пасть смерти. Пока они шли по пустеющим улицам, над мостовой плыл глухой, размеренный напев. Не громкий, нет — почти шепот, но оттого еще более неприятный. Слова, подхваченные сотнями глоток, ложились на город, как сырая погребальная ткань. В домах один за другим гасли огни. Ставни закрывались. Люди убирали с подоконников свечи и отходили от окон, будто сам этот звук мог накликасть беду.

— Слава Высшему

— Да пребудет Высший с нами

— Да оградит Он нас от скверны

Они повторяли это снова и снова, с одинаковой мерностью, без жара, почти без чувства — и именно этим пугали сильнее всего. Не толпа фанатиков, а стройный хор людей, давно отдавших свои души чужой воле.

К воротам дворца герцога Дериона инквизитор подошел, не замедлив шага. Внутрь, однако, вошла только половина его людей. Остальные остались снаружи, заполнив двор, арки и прилегающую площадь так плотно, что камень под их сапогами будто бы потемнел. Он явно ждал подвоха. Возможно, чуял его так же ясно, как зверь чует грозу задолго до первого удара грома. Сам инквизитор казался крайне молодым. Рыжие волосы, коротко остриженные, отливали медью в свете факелов. Лицо — открытое, почти приветливое. На губах играла легкая, слишком ровная улыбка, из тех, что способны разом и располагать к себе, и вызывать желание немедленно отступить на шаг. Так улыбаются люди, привыкшие убеждать, выносить приговоры и смотреть, как другие принимают эти приговоры за милость. Он был крепко сложен — широкие плечи, сильная шея, тяжелая поступь человека, который не пренебрегает ни тренировками, ни походной жизнью. На поясе у него висел молитвенник в потемневшем металлическом окладе. Одной рукой инквизитор почти все время касался его, будто черпал из этой книги уверенность или напоминал окружающим, кому служит. На левом бедре покоился одноручный меч. Ножны были темные, без лишних украшений, зато на самом клинке, который мелькнул, когда он поправил полы рясы, Инаэль заметил гравировку. Он прищурился. Текст был выбит не людским письмом, а гномьими рунами.

«Высший хранит истинное благо».

Инаэль задержал на надписи взгляд дольше, чем следовало. В этом было что-то почти оскорбительное, почти насмешливое. Инквизиция годами кричала о чистоте, о правильной крови, о чужаках, недостойных милости. И вот теперь один из их лидеров носил при себе клинок, украшенный письмом тех, кого его же собратья презирали с холодным благочестием.

—До чего удобна чужая работа, когда она выкована достаточно хорошо, — с мрачной усмешкой подумал эльв.

Инквизитор прошел к своему месту и, прежде чем сесть, поправил тяжелую рясу. Под темной тканью отчетливо угадывались очертания брони. Инаэль скользнул по нему взглядом и едва заметно дернул уголок рта.

—Вот же дурак. Он вообще когда-нибудь снимает доспехи? Или и спит в них, чтобы не встретиться с собственными страхами?

Но тут же одернул себя. Недооценивать противника было бы ошибкой. При всей своей молодости инквизитор не казался ни глупцом, ни пустым фанатиком. В нем чувствовалась жесткость, выучка и та опасная уверенность, которая бывает у людей, искренне убежденных, что им дозволено больше прочих. Инаэль видел таких раньше. Они редко отступали и почти никогда не признавали поражения — даже когда уже стояли по колено в крови. Их вражда была предрешена еще до этой встречи. С одной стороны — Инаэль, старый эльв, переживший смену эпох, осколок времени, когда магия еще не пряталась по башням и подвалам, а говорила в полный голос. С другой — молодой человек, возглавивший религиозный орден в час, когда страх стал главной монетой власти. Один был живым напоминанием о прошлом, которого инквизиция боялась и ненавидела. Другой — лицом нового порядка, где на всякий древний дар уже заранее приготовлены цепи, клеймо и костер. Несколько мгновений в зале стояла тишина. Тусклые свечи потрескивали в подсвечниках. Где-то под сводами скреблась крыса. Снаружи, за высокими окнами, доносился приглушенный гул — шаги, лязг железа, редкие команды. Дворец, некогда полный голосов, музыки и придворной лжи, теперь слушал другую речь — речь людей, готовых вцепиться друг другу в горло под знаменем порядка. Инквизитор сел первым.

— Магистр Инаэль, — произнес он мягко, почти учтиво. — Рад видеть, что вы все же нашли в себе мужество прийти.

Инаэль не изменился в лице.

— А я рад видеть, что вы нашли в себе мужество явиться не с тысячей людей. Это, пожалуй, можно считать знаком доверия.

Улыбка инквизитора стала чуть шире.

— Доверие — роскошь, которую нынешние времена не позволяют.

— В этом мы с вами удивительно единодушны.

Инквизитор опустил ладонь на стол, слегка постукивая пальцами по древнему дубу.

— Город в смятении. На улицах шепчутся о тварях, о порче, о колдовстве. Людям нужен порядок.

— Порядок или удобный виновник? — спокойно спросил Инаэль.

— Иногда это одно и то же.

— Только для тех, кто любит простые ответы. Взгляд инквизитора чуть похолодел. Ответил Инаэль

— Простые ответы лучше, чем хаос, который вы называете мудростью.

— А костры лучше, чем вопросы, не так ли?

На краткий миг воздух между ними словно натянулся. Даже стоявшие поодаль советники затаили дыхание. Инквизитор, впрочем, быстро вернул себе прежнюю приветливость — ту самую, от которой веяло льдом.

— Я надеялся, что этой ночью мы обойдемся без старых упреков.

— Тогда вам не следовало приносить их с собой, — ответил Инаэль и кивнул в сторону двери, за которой еще недавно стояли вооруженные люди. Инквизитор помолчал, затем вдруг поднял руку.

— Стража. Вон.

Приказ прозвучал негромко, но без малейшего сомнения. Его телохранители переглянулись, однако подчинились немедленно. Один за другим они покинули зал, оставив только тяжелый запах масла, железа и сырой шерсти. Инаэль проследил за ними взглядом. Затем, не оборачиваясь, произнес:

— Вам тоже лучше подождать снаружи.

Его стражники не спорили. За долгие годы службы они научились понимать оттенки его голоса лучше слов. Через несколько мгновений зал совета опустел, если не считать самих переговорщиков и нескольких ближайших помощников, без которых ни одна сторона не рисковала остаться. А в это самое время, у подножия дворцового холма, в ночной темноте уже собиралась совсем иная сила. Незнакомец встретился с представителями Певчих у старого фонтана, где давно уже не текла вода. Каменные чаши покрывала слизкая тень, а в трещинах между плитами росла черная трава. С ним пришли люди из арсеналов Коллегии — вооруженные тем, что обычно выдавали только перед настоящей войной. Их было около семисот: городские бойцы, наемники, подмастерья, бывшие солдаты и те, кому пообещали золото, месть или право пережить грядущую ночь. Кто-то держал копья, кто-то — короткие арбалеты, у многих за спинами висели связки зачарованных болтов и склянки с алхимическим огнем. Они подошли ко дворцу быстро и без песен. В отличие от людей инквизиции, эти шли молча. Только оружие тихо стучало о доспехи, да изредка слышалось хриплое покашливание. Увидев впереди плотные ряды инквизиторской стражи, несколько человек инстинктивно перехватили древки крепче.

— Стоять, — тихо сказал незнакомец. Рядом с ним один из Певчих, высокий, сутулый мужчина с серым лицом, спросил шепотом:

— Прикажете ударить первыми? Пока они не поняли, сколько нас?

Незнакомец даже не повернул головы.

— Нет. Не сейчас.

— Но если во дворце все пойдет не так

— Когда пойдет не так, — сухо поправил он. — Тогда и двинемся. А пока — ни шага без моего слова. Он смотрел на освещенные окна дворца, будто пытался разглядеть сквозь камень и стекло то, что происходило внутри.

— Сегодня слишком многие хотят пролить кровь, — добавил он уже тише. — Не будем помогать им раньше времени.

Люди затаились в тени зданий, под арками, у памятников давно забытым героям. Ночь сгушалась. Над городом висел дым. И дворец, освещенный дрожащими огнями, казался теперь не резиденцией власти, а дорогим склепом, где вот-вот должны были решить, кому из живых суждено дожить до рассвета.

Один из людей Инквизиции будто бы хотел шагнуть вперед, остановить их, перекрыть путь одним лишь движением руки. Но почти сразу понял: поздно. Силы были неравны. Их было втрое меньше. И как бы крепко ни стояли они в своих тяжёлых доспехах, как бы ни держала их вера, против численного перевеса этого оказалось недостаточно. Совет Певчих приказал своим людям построиться напротив солдат Инквизиции. Те подчинились молча, сдержанно, только металл негромко звякнул о металл, когда ряды сомкнулись. А сам Совет вместе с незнакомцем вошёл во дворец. Внутри было холодно, просторно и непривычно тихо. Высокие своды терялись в полумраке, стены украшали старые гобелены и потускневшие фрески, изображавшие времена Арлея Жестокого — ту эпоху, о которой в королевстве вспоминали неохотно, будто о старой ране, что до сих пор ноет в сырую погоду. Пустующий трон герцога стоял в глубине зала, как немой укор. Всё здесь напоминало о смуте, что поразила королевство, некогда одно из самых могущественных из двенадцати. Они заняли свои места. Инквизитор даже не шелохнулся. Он сидел ровно, с холодным достоинством человека, привыкшего считать страх окружающих естественной частью разговора.

— Пригласил подмогу? — произнёс он с кривой усмешкой. — Испугался? Впрочем, даже если вы убьёте меня сейчас, люди вам этого не простят.

Инаэль поморщился, словно от дурного запаха, и стукнул ладонью по столу.

— Мы не собираемся тебя убивать. Его голос прозвучал резко, почти зло.

Незнакомец, стоявший рядом, тут же вмешался, не дав спору разгореться.

— Нам нужна твоя помощь. И сила Инквизиции.

Инквизитор медленно подался вперед. По его лицу было видно: предложение его заинтересовало, но прежде чем отвечать, он хотел услышать всё до конца. Его пальцы невольно легли на потемневшую обложку молитвенника, будто он черпал в нём не только уверенность, но и право судить.

— И с чем же вам нужна помощь Инквизиции? — спросил он.

Совет Певчих переглянулся, и один из них, худой мужчина с сухим, словно выцветшим лицом, заговорил первым:

— Нужно защитить город от сущностей тьмы.

Инквизитор чуть приподнял бровь. Затем медленно провёл ладонью по молитвеннику, посмотрел на них так, словно перед ним сидели не союзники, а жалкие безумцы, и повторил с холодной насмешкой:

— Сущностей тьмы? Так вы их называете?

— Да, — ответил Инаэль.

Он говорил уже спокойнее, но в его голосе слышалась усталость человека, слишком долго сдерживавшего раздражение.

— Они уже заняли башню магистрата. Там мы держим своих подчинённых. Мы выстроили блокаду и уже поймали множество тварей внутри города. Сейчас пытаемся выяснить, что против них действует.

Инквизитор тихо усмехнулся.

— Неплохо. Даже очень неплохо.

Он склонил голову набок, и в этой позе было что-то почти оскорбительно снисходительное.

— Я прекрасно осведомлён обо всём этом, мой старый друг, — произнёс он с заметной долей иронии.

Он не собирался умолкать. Напротив, инквизитор медленно поднялся с кресла, и это движение было исполнено хищной грации. Он принялся расхаживать перед столом туда-сюда, меряя шагами пространство, словно зверь, загнавший добычу в угол и теперь наслаждающийся её бессилием.

— Мои люди уже сталкивались с этой гнилью, — бросил он через плечо, и голос его зазвучал гулко в пустом зале. — И, признаться, далеко не всем удалось уйти живыми, несмотря на доспехи, освященные Именем Высшего. Полагаю, их вера в тот миг оказалась недостаточно крепка, чтобы удержать душу в теле.

Стоявший поодаль незнакомец издал короткий звук — не то кашель, не то глухую усмешку, различимую даже сквозь плотную маску. Инквизитор замер. Он привык, что от его взора не укрывается ни тени сомнения, ни капли дерзости, и этот жест незнакомца, скрытого за чеканным металлом, ударил по его самолюбию сильнее, чем открытое оскорбление. Взгляд инквизитора впился в маску, стараясь прожечь её насквозь.

— А ещё... — он выдержал паузу, понизив голос до опасного шепота, — я знаю, за кем пришла Тень. Кого она ищет в этих переулках. Может, мне будет проще выдать его? Принести одну малую жертву на алтарь спокойствия города, чтобы ужас прекратился?

— Тебе не позволит это сделать твоя же Вера, — холодно парировал Инаэль. Он знал слабые места этого человека, знал, за какими догматами тот прячет свою жажду власти.

Инквизитор снова зашагал по залу. Он прекрасно понимал, зачем они пришли. Им нужны были его проповедники, его ресурсы, его влияние на чернь и — самое главное — его легионы. После кровавой бойни на Закатном Холме остатки кавалерии герцога влились в ряды Инквизиции, и теперь под началом этого святоши стояло ужасающее войско: десять тысяч мечей, из которых две тысячи составляли тяжелые всадники, закованные в вороненую сталь. Коллегия магов могла выставить от силы половину от этого числа. О Певчих и наемниках и говорить не стоило — они были лишь пылью на сапогах этой армии.

— И что же вы готовы положить на весы, чтобы я согласился? — инквизитор внезапно остановился и посмотрел Инаэлю прямо в глаза.

Инаэль был готов. Он чувствовал горечь во рту, понимая, что эта партия была проиграна ещё в тот миг, когда тело герцога остыло на камнях. Люди всегда боялись магов, ненавидели эльвов и с подозрением косились на гномов, но они любили силу, облеченную в святость. Спротивляться было бессмысленно. Проигрывать нужно было достойно.

— Ты станешь регентом, — сухо, почти безжизненным тоном произнес он.

В зале воцарилась такая тишина, что стало слышно, как трещит нагар на свечах. Незнакомец в маске резко повернул голову к Инаэлю. Совет Певчих замер, в их глазах плескалось непонимание, смешанное с ужасом от услышанного. Но никто не возразил. Все они знали: сначала нужно вырвать город из объятий Тьмы, а о том, какую цену они за это заплатили, они будут плакать после — если доживут до рассвета. Торжествующая ухмылка инквизитора еще не успела окончательно застыть на его губах, когда тишину зала разрезал холодный, лишенный эмоций голос незнакомца:

— Только через волеизъявление народа, — произнес он, и в этом уточнении лязгнула сталь. — Мы назначим выборы. Если паства действительно пойдет за тобой, ты получишь свой титул. Но в голосовании примут участие все жители Вейса: и люди, и эльвы, и гномы. Без исключений.

Лицо инквизитора мгновенно изменилось. Маска самодовольства сползла, обнажив хищный оскал человека, которого заставили коснуться чего-то нечистого. Для него ставить гордых слуг Высшего в один ряд с «подгорным племенем» и «лесными отщепенцами» было почти ересью. Однако, быстро взвесив шансы, он коротко кивнул. Условия его устраивали — он знал силу своей пропаганды.

— Да будет так, — он рывком забрал молитвенник со стола, словно возвращая себе законное оружие. — Мои легионы выступят на рассвете. Мы выжжем эту заразу, и ни одна тень не устоит перед огнем истинной веры. Высший укажет путь, и на сей раз осечки не будет.

Он развернулся и стремительно покинул залу. В коридорах тут же началось движение: его личное сопровождение — семь сотен закованных в латы фанатиков — слаженно двинулось вслед за господином. Управлять такой массой людей было искусством, требующим времени и железной воли, и инквизитор владел им в совершенстве. Едва тяжелые дубовые двери захлопнулись за солдатами, Совет Певчих взорвался негодованием.

— Ты хоть понимаешь, какую петлю ты затянул у нас на шее?! — выкрикнул один из старейшин, чье лицо побагровело от ярости. — Отдать ему власть?!

— Он превратит Вейс в одну общую могилу для всех, кто не поет его псалмы! — подержал другой, в отчаянии всплеснув руками. — Гномы и эльвы будут проклинать тот день, когда родились. Даже хроники Арлея Жестоккого покажутся детской сказкой на фоне того, что устроит в городе этот святоша!

Незнакомец в маске, до этого хранивший молчание, ответил за Инаэля, — У нас нет иного выхода. Без его стали мы не удержим даже эти стены. Мы слепы: мы не знаем ни истинной мощи врага, ни того, сколько лазутчиков Тьмы уже вскрыли городские архивы и подвалы, чтобы превратить их в свои питомники.

— К тому же, если небо не обрушится на нас завтра, — тихо добавил кто-то из Совета, — выборы оставят нам лазейку. У нас всё ещё есть шанс переиграть его на этом поле.

Инаэль не участвовал в споре. Он стоял у окна, глядя на сгущающиеся сумерки, и каждое слово коллег казалось ему бессмысленным шумом. — Прикажите раздать оружие всем, кто способен его держать, — подытожил он, направляясь к выходу. — Патрули — удвоить. Магические заслоны — обновить. Ждите наемников и берегите провиант. Я кожей чувствую — враг уже переступил порог. Когда в зале не осталось никого, кроме незнакомца в маске, тишина стала почти осязаемой. Он медленно подошел к пустующему престолу покойного герцога и сел на него, не из жажды власти, а от экзистенциальной усталости. В этот миг в его сознании возник глубокий, рокочущий шепот его истинного господина.

— Тень уже здесь, — прозвучало в голове. — Вы проиграли, едва начав. Оставь этот город, он обречен.

Незнакомец сжал пальцами холодные подлокотники трона. — У нас есть шанс. Мы дадим им бой.

— Шансов нет, — отозвался голос с ледяным безразличием. — Этот город — гнилое дерево. Люди слабы, эльвы горделивы, вы разрознены. Собирай народы, уводи выживших, только в единстве изгнанников будет надежда. Здесь же — лишь пепел.

С этими словами связь оборвалась. Незнакомец резко встал, сорвал с лица тяжелую золотую маску и с силой швырнул её на полированный стол. Металл жалобно звякнул.

— Тогда, проклятье, помоги мне спасти хотя бы их! — крикнул он в пустоту, но ответа не последовало.

Маска соскользнула со столешницы и с глухим стуком упала на ковер. Он подошел, поднял её и долго всматривался в пустые глазницы благородного лица. — Мой позор тянется из древности, — прошептал он. — На этот раз я не отвернусь. Он вышел из помещения, готовясь к долгой ночи. В памяти всплыло бледное лицо Ириды и тот жестокий выбор, который он сде-

лал по отношению к ней. В глубине души, скрытой за множеством тайн, он надеялся, что они справятся. Что они выживут и когда-нибудь смогут навсегда покинуть проклятый Ар-Денс.

Глава 11 - Встреча

Я и не думала, что тогда мы станем так близки.

Ирида.

Ворон, посланный незнакомцем в маске, резал воздух над землями, лежавшими в нескольких лигах от Вейса. Под ним стлалась страна, уже тронутая порчей грядущего бедствия: перелески чернели, словно обугленные ладони, овраги наливались сумеречной синевой, а холмы тонули в багряной дымке заката, будто сама земля истекала старой, еще не остывшей кровью. Ветер бил птице в грудь, трепал перья, тащил назад, но ворон летел упрямо, ведомый не одним лишь заклятием, а чужой волей, вцепившейся в него крепче железных когтей. И тогда он увидел тьму. Она не просто надвигалась. Она шла — по равнинам, по каменистым склонам, сквозь редкие рощи, между холмов, ломая очертания мира, текла армия, от одного вида которой разум невольно искал спасения в слепоте. Это были не беспорядочные толпы, не безумное стадо чудовищ, рвущееся вперёд на одном только голоде. Нет. В этой массе жила воля. Страшная, холодная, нечеловеческая воля, сумевшая связать разнородный ужас в подобие строя. Сущности тьмы двигались рядами — там, где им вообще было дано удерживать строй, — и в этом уродливом порядке чудилось нечто особенно омерзительное. Даже хаос подчинялся здесь команде. И всё же, как ни жутка была эта слаженность, она не дотягивала до той железной выучки, с какой когда-то маршировали полки герцога Дериона. Те шли, как единое существо, как стальная змея, чьи кольца двигались в безупречном согласии. Здесь же строй держался не на чести, не на дисциплине, не на верности, а на страхе и колдовском принуждении. Это была не армия в человеческом смысле. Это была язва, научившаяся шагать в ногу. Ворон поднимался выше, всматривался в кипящую мглу под собой, выискивая того, кто вёл эту силу. Где-то там должен был быть властелин, чьё присутствие заставляло столько тварей не рвать друг друга на части, а двигаться к одной цели. Но сначала он видел лишь бесконечное движение: копья, щиты, ржавые шлемы, ломаные лезвия, косматые спины, вздрагивающие горбы, пасти, распахнутые в безмолвном зверином рыке. Всё сливалось в один чудовищный поток, текущий к городу, как чёрная кровь по венам мёртвого великана. Он пролетел над закатным холмом — и там увидел его. Дракон. Тёмно-багровый, точно высеченный из запёкшейся крови и старого сумрака, он возвышался над воинством, как идол погибшего века. Огромный, неподвижный, почти неотличимый от скалы в первые мгновения, он казался слишком древним, чтобы быть живым, и слишком живым, чтобы быть просто зверем. Последний свет заката скользил по его чешуе тусклыми отблесками, словно солнце не освещало её, а угасало об неё. Глаза дракона горели глубоко посаженным, тяжёлым огнём — не пламенем ярости, а медленным жаром ненависти, что тлеет веками и не знает насыщения. Сразу стало ясно — это и был источник воли, стягивавшей тьму в кулак. Не вожак орды. Не полководец. Нечто хуже. Существо, чья власть не требовала крика, потому что само его присутствие было приказом. Твари сновали у подножия холма, посыльные носились между рядами, и армия меняла движение едва заметно, но безошибочно, точно по беззвучному жесту невидимой руки.

Однако рассмотреть дракона дольше ворону не дали. Один из магов поднял голову. Потом другой. И в следующий миг воздух взорвался визгом. Из глубины тёмных рядов с леденящим душу криком сорвались в небо крылатые твари — не птицы и не звери, а что-то промежуточное, словно ночь в припадке ярости пыталась породить жизнь и всякий раз ошибалась. Их крылья были кожистыми и рваными, как погребальные полотнища; длинные шеи

судорожно изгибались; пасти шерились частоколом игольчатых зубов. Они рванули к ворону с такой свирепой стремительностью, что воздух застонал вокруг них. Ворон метнулся в сторону. Раз, другой. Когтистая тень чиркнула мимо, едва не задев крыло. Он нырнул ниже, надеясь уйти в поток ветра над склоном, но одна из тварей уже заходила сверху. Удар был мгновенным. Небо опрокинулось. Боль обожгла бок. Перья взвились чёрным вихрем. Мир закрутился, и земля с пугающей быстротой рванулась навстречу. Ворон успел лишь выдохнуть хриплое, почти человеческое проклятие, прежде чем сумрак проглотил и его, и последний отблеск заходящего дня. В ту же минуту далеко в Вейсе незнакомец в маске вздрогнул, будто по нервам ему провели раскалённой проволокой. Он стоял в своём кабинете, полутёмном, тесном от книжных шкафов, карт, свитков и запертого молчания, и крепко сжимал в руке окровавленный кинжал — тот самый, что был использован для заклания. На лезвии темнели засохшие пятна, но металл всё ещё дышал остаточной силой. От него тянуло могильным холодом, и даже пламя свечей рядом горело ниже и слабее, словно не смея подниматься в его присутствии. Он закрыл глаза лишь на миг, принимая то, что успел передать ему ворон перед гибелью. Этого оказалось достаточно. Тень шла не ради добычи. Не ради земли. Не ради мести в человеческом её понимании. Она шла, чтобы обрушиться на Артрейн, разорить Вейс, завалить дороги, площади и дома телами, лишит мир голоса, дыхания и памяти. Ей было безразлично, кто встанет у неё на пути. Человек, эльф, гном, одарённый, инквизитор, беглец, солдат, дитя, старик — всё это были лишь разные формы плоти, подлежащей уничтожению. Даже древние существа, о которых спорили легенды и догматы, для неё не значили ничего. Ни чёрные драконы старых эльвийских преданий, ни Высшие, чьи имена так любили шептать в запретных залах, не были бы для неё чем-то большим, чем очередной костью в общей груде. Незнакомец медленно поднял взгляд к карте, прибитой к стене. Он и прежде понимал, что силы врага велики. Теперь же это знание обрело форму, вес и холод. Армия Тени была огромна настолько, что само число переставало что-либо значить. Там, где человеческий разум искал счёт, начиналось бессилие. Её было не просто много — её было слишком много для любой надежды, которая ещё пыталась сохранять благопристойный вид надежды. Среди бесчисленных рядов он успел различить уже знакомых тварей — тех самых, что однажды появились в башне магистрата. Сущности в доспехах, с кривыми мечами, с движениями резкими и ломаными, как у кукол, которых дёргает невидимая злая рука. Но были и другие. Намного хуже. Закалённые, лучше вооружённые, тяжёлые, как осадные машины из сгнившего железа и мяса. Их латы были ржавы, местами словно проедены болезнью, покрыты налётом гнили, однако в этой гнилости не было слабости. Напротив — казалось, сама порча заковала их крепче хорошей стали. Особенно огры. Одного воспоминания о них было достаточно, чтобы у человека с воображением начались дурные сны. Громадные, сутулые, с руками, способными переломить хребет лошади одним движением, они шагали среди тёмного войска, как живые осадные башни. Инаэль рассказывал о таких после боя на закатном холме, и тогда это казалось преувеличением, свойственным выжившим. Теперь стало ясно — он ещё смягчал увиденное. Эти твари могли бы таскать брёвна, каменные ядра, части требушетов так, словно речь шла о вязанках хвороста. Могли бы ломать ворота голыми руками. Могли бы нести смерть в городские переулки, где ни одна стройная линия обороны уже не спасла бы защитников. Но и это было не самым скверным. Хуже оказались маги. Сущности тьмы, владеющие кровавым искусством, — уже сама мысль об этом звучала как надругательство над границами возможного. И всё же они были. Ворон успел увидеть барьеры, натянутые над отдельными частями воинства, будто мутные купола из свернувшейся тьмы и застарелой крови. Под этими покровами маги вершили свои ритуалы. Их движения были неторопливы, почти торжественны, как у жрецов при жертвоприношении, а заклинания не вспыхивали светом — они, напротив, высасывали его из воздуха. Там, где начиналось их колдовство, вечер блек, будто сам мир отворачивался, не желая смотреть.

Незнакомец не знал, кто из них командует отдельными полчищами. Возможно, среди этих заклинателей и скрывались полководцы Тени. Возможно, истинные вожаки вообще оставались вне поля зрения, как разум остаётся невидим в черепе. Но одно было ясно —против Вейса двигалась не просто орда, а сила, у которой имелись и власть, и замысел, и время довести этот замысел до конца. Он вышел на балкон, словно стены кабинета внезапно стали слишком тесны для его мыслей. Над городом ещё висел вечер — хрупкий, золотистый, обманчиво мирный. Вейс простирался перед ним, прекрасный, как перед казнью: башни и шпили ловили последние лучи, черепичные крыши горели тёплой медью, высокие окна отражали закат, будто в каждом из них теплилась частичка уходящего солнца. С высоты всё ещё можно было поверить, что это живой город, а не будущий склеп. Но если смотреть вниз, чары рассеивались. Там уже начиналась другая правда. По улицам тянулись солдаты. Кордоны росли на перекрёстках, как железные нарывы. У ворот возводили заграждения, на площадях ставили бочки с песком, копья, связки стрел, ящики с болтами для арбалетов. Патрули шли быстро, отрывисто переключаясь, и в каждом шаге слышалась не уверенность, а торопливое упорство людей, слишком хорошо понимающих, что времени больше нет. Горожане стекались к воротам в безмолвной панике, которая куда страшнее крика. Лица были серы, глаза расширены, руки дрожали. Матери прижимали к себе детей, ремесленники тащили узлы, старики хрипло спорили с дозорными, будто ещё можно было отвоевать у беды право не смотреть ей в лицо. Они хотели бежать из обречённого города. Но город уже не отпускал. Инквизиторы и солдаты останавливали беглецов. И не для того, чтобы успокоить или разогнать. Им вручали оружие. Копья, короткие мечи, топоры, старые щиты со стёртыми гербами, арбалеты, которые, возможно, не снимали со стен десятки лет. Железо переходило из рук в руки, как печать приговора. И каждый, кто принимал его, будто старел на несколько лет в один миг. Незнакомец увидел, как один юноша — то ли подмастерье, то ли писарь, слишком худой для воина и слишком растерянный для героя, — отшатнулся, когда ему сунули в ладонь меч.

— Я не умею, — прошептал он.

Солдат, покрытый дорожной пылью и копотью, посмотрел на него устало, почти без злобы.

— Научись, если доживёшь до рассвета. И пошёл дальше.

Юноша так и остался стоять посреди людского потока, глядя на клинок так, словно держал в руках не оружие, а обломок собственной прежней жизни. Незнакомец медленно перевёл взгляд на городские стены, на башни, на ворота, на темнеющий горизонт за ними. Вейс всё ещё жил: дышал, суетился, молился, лгал себе, надеялся, вооружался. Но уже чувствовалось, как над ним смыкается невидимая петля. Город ещё не пал, и всё же в воздухе витал тот особый холод, который приходит лишь перед великим разорением, когда судьба уже вынесла решение, а людям оставила только право встретить его стоя.

Инквизиция с поразительной скоростью решала вопросы с нехваткой людей. Впрочем, это касалось не только её. Коллегия, Певчие — все тянули в город новые руки, будто Вейс и впрямь готовился не к осаде, а к долгой, изнурительной мясорубке. Внутри стен уже стояли наёмники, отряды лесных бродяг и двенадцатых, укреплявших городские стены. Днём они тащили брёвна, заколачивали щели между зубцами, ставили дополнительные помосты для лучников; ночью же, не снимая доспехов, спали вполглаза, будто сам воздух вокруг них мог обернуться бедой. Наконец незнакомец всё же заговорил, поняв, что лучше собеседника ему сейчас не найти.

— Если Высший существует, — произнёс он тихо, с усталой, почти чужой горечью, — было бы славно, если бы он нам помог. Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как дым после пожара.

В это же время шестеро всадников, посланных Тенью, не останавливались ни на миг. Их кони, покрытые пеной и дорожной пылью, били копытами землю, будто пытались выбить из

неё остатки жизни. Встреченные на пути существа, если не были растерзаны сразу, всё равно редко уходили живыми. Некоторым, конечно, везло: им удавалось спрятаться в овраге, уйти в лес, раствориться в сумраке меж деревьев. Но большинству не выпало и этой жалкой милости. Они искали того самого незнакомца в маске. Им была отдана чёткая задача, и отказаться от её исполнения они не могли. Да и не осмелились бы. Перед ними тянулись деревни и поселения, мимо которых лежал путь в Ар-Дэнс — самые обычные крестьянские земли, где жизнь обычно шла однообразно и тихо: с рассветом — в поле, к полудню — к колодцу или в хлев, вечером — в трактир, а потом снова домой, в тепло, в запах хлеба, дыма и мокрой земли. Всё это казалось вечным и нерушимым, пока не появлялись они. После проезда этих всадников мирная жизнь обрывалась очень быстро — и всегда в самых тёмных красках. Они приближались неумолимо. Сэнд, Элай и Лорик тем временем покинули стоянку, где раньше встретили волколака, предупредившего их об опасности. После той ночи они так и не смогли нормально уснуть. Даже когда договорились, что дозор будет держать только один, в итоге не спал никто: каждый по очереди поднимался, вслушивался в лесную тишину, в хруст веток, в далёкий вой, который то ли был настоящим, то ли рождался в уставшем сознании. После таких слов сон всегда приходит тяжело.

Собрав вещи и двинувшись в путь ещё до рассвета, они погнали лошадей быстрее, чем следовало бы. Животные тяжело дышали, сбивались с ритма, фыркали на холодном воздухе, но людей это уже мало заботило. Встретиться с теми тварями, о которых предупреждал волколак, хотелось ещё меньше. Элай вёл их по лесным тропам уверенно, словно знал каждую корягу, каждый поворот и каждую яму под слоем листвы. И неудивительно — будучи руководителем Певчих, он не раз продумывал тайные маршруты для своих шпионов и знал, как обойти большую дорогу так, чтобы добраться до Ар-Дэнса почти к концу светового дня. Когда впереди показались первые дома, они уже были измучены дорогой. Деревня встретила их тишиной. Спокойной, почти сонной. Крестьяне занимались привычными делами: кто-то возвращался с мотыгой на плече, кто-то уже направлялся в трактир, где пахло кислым элем, пережжённым маслом и старым деревом, кто-то чинил забор или тащил ведро к колодцу. В воздухе стоял запах навоза, сырой земли и дыма из печных труб. Ничто здесь не предвещало беды.

— Наконец-то доехали, — выдохнул Сэнд, заметно расслабляясь.

Он и правда устал от этой бесконечной дороги. Десять часов в седле — испытание не из лёгких, особенно когда тело ноет, а каждая кочка отдаётся в спине тупой болью. Но ноги его уже не беспокоили так сильно: на привале он всё равно использовал те припарки, что дала ему лекарь ещё в штабе Певчих. Они жгли кожу терпко и охладили потом, но боль глушили исправно.

Лорик покосился на деревню и тихо хмыкнул:

— Слишком тихо.

— Не начинай, — буркнул Сэнд. — Я только-только решил, что сегодня нас хоть раз не попытаются сожрать.

Элай, не слезая с седла, медленно осмотрел улицу, окна, колодец у центра деревни и тёмную полоску леса за домами. Его лицо осталось спокойным, но взгляд стал заметно жёстче.

— Тихо бывает перед бурей, — сказал он. — Или перед резнёй.

Сэнд поморщился.

— Не лучшая у тебя привычка — говорить такие вещи в деревне, где и так тревожно дышат.

— А у тебя — делать вид, что тревоги нет, — спокойно ответил Элай. — Это ещё хуже.

Они остановились у края улицы, и лошади, будто почувствовав наконец короткую передышку, трянули головами и шумно выдохнули. Где-то за домами залаяла собака, затем ещё одна. За окном мелькнула чья-то тень, и тут же исчезла, словно человек внутри дома сам испугался собственной любознательности.

Сэнд спрыгнул с седла осторожнее, чем позволяла усталость, и потянулся, чувствуя, как хрустит спина.

— Ладно, — сказал он, оглядываясь. — Если здесь и правда спокойно, я готов поверить в чудо.

Элай коротко посмотрел на него.

— Не стоит. Чудеса редко приходят вовремя.

— В трактир! Давайте сразу туда! — перебил его гном, не скрывая нетерпения. Элай и Сэнд обменялись короткими взглядами. Не сказать, чтобы удивлённо — скорее так, будто подобное предложение они ожидали услышать с самого начала.

— Сначала нужно оставить лошадей и накормить их, — спокойно сказал Элай. — А уже потом — да, отправимся туда. Нам всё ещё нужно найти ту, о которой говорил тот в маске. Он произнёс это тем ровным тоном, каким говорят люди, привыкшие принимать решения без лишних споров.

В их небольшой, но странной компании именно он невольно стал негласным ведущим — не потому, что требовал этого, а потому, что умел держать голову холодной, когда остальные готовы были поддаться усталости, раздражению или голоду. Лорик недовольно проворчал что-то себе под нос, но всё же кивнул. За время пути он успел привязаться к своей пони, к крепышу с упрямым нравом и короткими, но удивительно резвыми ногами. Пони, казалось, отвечала ему тем же — косила на него тёмным глазом, фыркала, когда он задерживался рядом, и терпеливо несла его сквозь день за днём. Они спешили, взяли лошадей под уздцы и пошли вдоль низких домов, тянувшихся по обе стороны узкой улицы. Деревня выглядела бедно, почти покорно — с покосившимися заборами, потемневшими от времени стенами и крышами, на которых ветер словно навсегда оставил след сырости и пыли. Из труб поднимался жидкий дым. Где-то стучали по дереву, кто-то ругался вполголоса, а из одного двора тянуло кислым запахом брожения и навоза. Люди, попадавшиеся навстречу, останавливались и провожали их взглядами. В любом уголке королевства такая компания не могла пройти незамеченной: два эльва и гном, идущие вместе, уже казались чем-то странным, почти нелепым. В этих землях подобное сочетание не вызывало доверия, а порой и вовсе — откровенной настороженности. Здесь чужаков замечали сразу. Подойдя к стойлам, они почти одновременно остановились.

— А вы тоже видите, что там в конце какая-то полотно? — спросил Сэнд, прищурившись.

— Да, — отозвался Лорик с кривоватой усмешкой. — Может, там девка какая-нибудь.

— Да брось ты, — усмехнулся Сэнд. — Что будет девушка делать в таком грязном стойле?

— И то правда, — буркнул гном, но по голосу было слышно, что он расстроен. Он уже успел провести в дороге слишком много времени, чтобы не начать тосковать по простым деревенским радостям — и особенно по женскому вниманию, которого ему, как водится, вечно не хватало.

Однако за занавесью никого не оказалось. Ни девушки, ни работника, ни даже какого-то движения — только полутёмный проход, запах сена, лошадиного пота и мокрой соломы. Они решили подождать немного и заодно разгрузить вещи. Оставлять всё при лошадях было бы глупо: крестьяне в таких местах жили небогато, а бедность, как известно, часто делает руки длиннее, чем следовало бы. Каждый снял свой походный рюкзак, нагруженный припасами, со спины лошади и проверил оружие. Элай, стягивая с седла саблю, заметил движение сбоку. К ним уже подходил мужчина в грубой крестьянской одежде — конюх, судя по потрёпанному фартуку, закатанным рукавам и крепким рукам, измазанным в грязи и сене. Лицо у него было простое, открытое, но глаза — внимательные. Он явно не был тем, кто пропустит чужаков без лишнего любопытства.

— Добрый день! — крикнул он ещё издали, приветливо поднимая руку. Он явно хотел сразу расположить к себе тех, кто забрёл в их довольно забытую Богом деревню.

Элай первым повернулся к нему.

— Добрый день, уважаемый, — ответил он сдержанно, но вежливо.

Сэнд и Лорик были слишком заняты снаряжением, чтобы сразу отвлечься, и лишь когда Элай коротко окликнул их, оба подняли головы и тоже ответили на приветствие. Конюх сразу же показал свою открытость и доброжелательность — ту простую, деревенскую, осторожную, но искреннюю.

— Откуда вы? — спросил он почти сразу, не скрывая интереса.

Спутники на миг замолчали. Вопрос был слишком прямым, а отвечать первому встречному о своих делах и целях — удовольствие сомнительное, особенно когда дорога привела их в такую глушь, где каждый второй может оказаться либо болтливым, либо слишком любопытным. Сэнд уже открыл рот, но Элай едва заметно качнул головой, и гном промолчал.

— Мы ищем сестру, — вдруг выкрикнул он, не выдержав.

Конюх улыбнулся, но улыбка вышла осторожной, даже чуть настороженной. Всё-таки в такой глуши увидеть двух эльвов и гнома, разыскивающих сестру, да ещё в обычной деревне, стоящей почти на самой границе с Земрисом, было как минимум странно.

— Ну, будьте аккуратнее, — сказал он после паузы. — Я, конечно, тут эльвов не видел. Да и не жалуют их у нас, от глупости своей.

— Спасибо, — сухо произнёс Элай. — Вы присмотрите за нашими лошадьми?

— Конечно, — кивнул конюх. — Но будет же чем-то мне отплатить?

Лорик не стал тянуть. Он сунул руку в карман, достал кошель и высыпал в ладонь конюху две серебряные монеты. Для простой деревенской работы это было даже слишком щедро, куда больше обычной платы за уход, корм и стойло. Но гном сделал это намеренно — в его коротком жесте чувствовалась редкая для него мягкость, почти благодарность. Конюх это сразу понял. Монеты он сжал в кулаке, а потом уважительно кивнул.

— Если это кто-то важный и он объявился в наших краях, я советую вам зайти в трактир, — сказал он уже тише, словно делился не советом, а маленьким секретом.

— Там подают очень вкусную смородиновую медовуху и гречишную похлёбку. Сегодня как раз должна быть горячая.

Лорик тут же оживился.

— Ну, раз дело идёт к медовухе и к вечеру, я за! — выкрикнул он, заканчивая собирать походную сумку.

На этом он счёл разговор оконченным и направился вперёд, уже мысленно примеряя к себе обещанный ужин. Элай и Сэнд, прежде чем последовать за ним, коротко склонили головы в знак благодарности. Всё же трущобы, в которых им довелось вырасти, кое-чему их научили — в том числе и манерам, которые не стоило забывать даже в такой глуши. Они быстро догнали Лорика. Впереди их ждала самая обычная таверна — ничем особенно не примечательная, такая же, как десятки других по деревням Артрейна. Невысокое здание с потемневшими стенами, узкими окнами и кривой вывеской, которая поскрипывала на ветру. Над входом висел старый фонарь, дающий слабый, жёлтый свет, будто и сам устал от этой дороги. Когда они вошли внутрь, первое, что бросилось им в глаза, был герб королевства Артрейн. Он висел прямо над тем местом, где обычно сидел владелец заведения. Герб был бордового цвета, с жёлтым мечом, пересекающим его целиком. Но это был не просто меч. Он выходил из пасти дракона — древнего, страшного символа, в котором чувствовались и власть, и кровь, и память о чём-то куда более старом, чем сама эта деревня. Этот герб, выбитый на потемневшем дереве над челом трактирщика, был безмолвным эхом былых времен. Бордовое знамя с золотым клинком, выходящим из пасти зверя, напоминало о царствовании Арлея Жестокоего. Тот правил империей всего двадцать четыре года, но успел залить земли кровью, проносясь над полями битв верхом на чёрном драконе, чьё имя история предпочла забыть. Путники прошли вглубь зала. По сторонам, за щербатыми столами, сидели крестьяне. Разговоры стихли —

лишь скрип половиц да треск свечей нарушали вязкое молчание. Сэнд кожей чувствовал, как десятки глаз впиваются в них, изучая каждый шов на одежде и рукоятки мечей. Он невольно придвинулся ближе к брату и спросил вполголоса.

— Почему они так пялятся? Будто мы не в трактир зашли, а им в огороды нагадили.

— Не любят здесь эльвов, Сэнд. И никогда не скрывали, — Элай даже не повернул головы, его взгляд был устремлен вперед. — Земрис под боком, дышит в затылок. Для этих людей всё, что не человек — либо угроза, либо дурной знак.

Лорику же было плевать на косые взгляды. Он прошагал к стойке, тяжело опершись на неё локтями, и рявкнул, не тратя времени на вежливость.

— Эй, хозяин! Три кружки смородиновой медовухи. Плачу серебром!

Слово «серебро» сработало лучше любого приветствия. В такой глухомани чеканная монета была редкостью, за которую можно было купить и верность, и молчание. Трактирщик лишь мельком глянул на своих постоянных гостей, сплюнул под ноги и развернулся к пузатой бочке. Тяжёлая струя хмельного напитка ударила в дно кружек. — И похлёбки вашей! Гречишной! — добавил гном, предвкушая сытный ужин. Хозяин недовольно фыркнул, но заказ принял, крикнув что-то в сторону кухни, где среди пара и копоти возилась его жена. Элай и Сэнд молча кивнули, подтверждая заказ, хотя попросили разбавить медовуху.

— Уверен, что стоит прикладываться к чарке сейчас? — Элай покосился на гнома. — Брось, парень! Это же водица, только язык развязать, — Лорик расплылся в шербатой улыбке.

Гнома было не так-то просто свалить с ног деревенским пойлом. Пока они ждали еду, он успел поведать историю о том, как в бытность наёмником перепил собственного капитана. Два бочонка крепчайшей пшеничной водки ушли в небытие, прежде чем капитан рухнул под стол, а Лорик всего лишь сладко заснул прямо на месте триумфа. Наконец перед ними появились дымящиеся миски и грубо выстроганные ложки. Сэнд, несмотря на настороженность, первым зачерпнул густую массу. Похлебка оказалась наваристой, с кусками какого-то вяленого мяса, чей вкус он так и не смог опознать, но голод заглушал брезгливость. — Спасибо, мастер! Доброе варево, — крикнул он трактирщику. Тот лишь мазнул по нему взглядом и ничего не ответил, боясь навлечь на себя гнев односельчан лишней любезностью с чужаками. За окнами окончательно стемнело. Деревня погрузилась в глухую, липкую тьму. Посетители начали расходиться, оставляя зал в распоряжении теней. Элай выждал момент и, понизив голос, подался вперед.

— Скажи, хозяин, не виделась ли тебе здесь одна девица? Странная, не из местных.

Трактирщик замер, медленно протирая и без того чистое дерево стойки.

— Странная девица? — переспросил он с тяжелым вздохом. — Господин, любой, кто решается жить рядом с лесами и этими... эльвами, уже не в своем уме. Он явно не собирался продолжать. Элай коротко кивнул Лорику. Тот, понимая намек без слов, выудил кошель и выложил на стойку пять серебряных монет.

— За еду, за выпивку и за доброе слово, — пробасил гном. — Налей и себе, старик. Освежи нутро за наш счет.

Блеск металла пересилил страх. Трактирщик сгрёб серебро, наполнил себе стакан и присел на край скамьи.

— Была такая, — выдохнул он после глубокого глотка, осушив половину кружки разом.

— Ну, не тяни kota за хвост! Где она? — рыкнул Лорик, теряя терпение.

— Ошивалась в стойлах у конюха. Ютилась там в каморке за занавеской. Только день её уже как не видно. Парни говорят, в лес ушла вчера на рассвете.

— В лес? Одна? — Сэнд недоуменно приподнял бровь. — И что ей там понадобилось?

— Кто ж её знает, болезную. Ушла налегке, даже пожитки свои не забрала. Раз вещи на месте — значит, думает вернуться. Ждите, коли охота есть. А вам-то она зачем?

— Да это не нам она нужна, — сухо отрезал Элай, делая глоток. — Скорее наоборот. Она должна была нас встретить.

— Эх, бабы... Вечно с ними беда, — трактирщик поднял кружку. — Ну, будем? Хоть вы и не из людей, а вроде дело говорите.

— Будем! — гаркнул Лорик.

Кружки столкнулись с глухим стуком, но выпить они не успели. Дверь трактира распахнулась от мощного толчка, сорвав сквозняком тяжелую занавесь. В затхлый воздух медовухи и навоза ворвался резкий, почти чужеродный аромат — ваниль с терпкой ноткой спелой малины. Девушка влетела внутрь подобно сорванному вихрю. Она не шла — она пронеслась мимо пустых столов, направляясь напрямик к троице, чьи руки замерли у губ. В её тонких, испачканных в дорожной пыли пальцах был зажат молитвенник — тот самый, который её наставник и таинственный незнакомец едва не бросили в костер прошлой ночью. Добежав до стола, девушка замерла, пытаясь выдавить хоть слово, но легкие горели огнем, а горло перехватило спазмом. Она лишь судорожно ловила ртом воздух, пока на неё в немом изумлении пялились трое путников.

— Эй, девка, ты часом не за призраком гналась? — проворчал Лорик, придерживая свою кружку.

Даже в этом жалком состоянии, со спутанными волосами и в промокшей одежде, она была поразительно красива. Сэнд невольно засмотрелся на её бледное лицо и лихорадочный блеск глаз. Красота её была какой-то болезненной, тонкой, словно надломленный клинок. Ирида — а это была именно она — резко протянула руку и схватила ближайший стакан, надеясь на орошающую влагу. Но посуда оказалась пуста. Она с раздражением грохнула деревом по столу.

— Чертовы мужланы... — прохрипела она, кривя губы. — Даже даму встретить по-человечески не могут.

Лорик набылся, недовольный тем, что какая-то приبلудная хватает его посуду. Элай же, чью голову уже начал приятно туманить хмель, прищурился, разглядывая гостью.

— Ты еще кто такая, милое создание? — лениво осведомился он.

Вместо ответа девушка медленно поправила выбившиеся светлые кудри и окинула их тяжелым, оценивающим взглядом. Затем она коротко кивнула в сторону трактирщика. Тому не нужно было повторять дважды — почуввав неладное, старик бочком-бочком двинулся в сторону кухни.

— Пойду я... дрова, знаете ли, сами себя не нарубят, — буркнул он и скрылся в тени дверного проема.

Ирида тут же заняла его место, придвигаясь ближе к свету догорающей свечи. Она перешла на едва различимый шепот, от которого по спине Сэнда пробежал холодок.

— Меня зовут Ирида. Вы... от него?

Спутники переглянулись. Хмель из головы Элая начало выдувать ледяным сквозняком предчувствия.

— Ты имеешь в виду того, в маске? — уточнил Сэнд, понизив голос до предела.

Она коротко кивнула.

— Да, мы от него, — твердо подтвердил Элай, чувствуя, как рука непроизвольно потянулась к рукояти меча под столом.

На её лице не появилось ни радости, ни тени улыбки. Она лишь сильнее вцепилась в молитвенник, костяшки её пальцев побелели. Казалось, эта старая книга была её единственным якорем в этом мире.

— Слава Высшему, — выдохнула она, и в её голосе послышался надрыв. — Нам нужно уходить. Сейчас же. У нас нет часа, едва ли есть четверть.

Лорик, только что собиравшийся заказать вторую порцию, едва не подавился. Но резко вспомнивший что трактирщик ушел за дровами.

— Как — уже? Куда в такую темень? Дай хоть медовуху доцедить!

— Ты оглох, гном? — в её голосе змеей зашипел настоящий, неприкрытый ужас. — Уходить. Немедленно.

Элай внимательно посмотрел ей в глаза, пытаясь разглядеть в них отблеск того, что она видела в лесу.

— Это из-за тех тварей? — тихо спросил он.

Ирида молча кивнула, и этого жеста было достаточно. Элай резко поднялся, опрокидывая табурет. Его лицо вмиг стало жестким, как сыромятная кожа.

— Уходим. Живо, — скомандовал он брату и гному. — Не хватало еще накликать беду на эту деревню и подставить под удар людей, какими бы они ни были.

Сэнд молча встал следом, натягивая капюшон. Несмотря на косые взгляды крестьян и их вечное недоверие к чужакам, оставлять за собой шлейф из трупов в его планы не входило. Тьма за порогом трактира больше не казалась просто отсутствием света — теперь она казалась пастью, которая медленно начала смыкаться. В этой деревне, к удивлению Элая и его спутников, к эльвам и гномам относились на редкость терпимо. Слишком уж на редкость, если учитывать, как часто в таких местах слово «чужак» звучало почти как приговор. Лорик был этим недоволен с самого начала — не любил он ни людских взглядов, ни людского спокойствия, в котором всегда чудилось что-то липкое и настороженное. Однако возражать не стал. Молча поднялся, повёл плечами и вместе с остальными направился к выходу. Только вот трактирщик словно растворился в воздухе. В зале воцарилась тишина такая густая, что казалось, ее можно черпать ложкой. Не просто тишина — мертвецкая. Будто само помещение затаило дыхание. Когда они подошли к двери, из темноты внезапно потянуло едкой вонью — тяжелой, гнилостной, мерзкой, словно где-то совсем рядом вскрыли старую могилу, полную червей и сырой земли. Но это были не мертвецы. Не совсем. Хуже. Элай поднял ладонь, останавливая спутников, и сам замер, вглядываясь в темнеющий проем. Ирида побледнела еще сильнее, хотя казалось, бледнеть ей было уже некуда. Она прижала к груди молитвенник так крепко, будто книга могла укрыть ее от самой смерти.

— Это они, — прошептала она, и голос ее дрогнул. — Мы не успели.

Снаружи послышался цокот копыт. Медленный, тяжелый, уверенный, как поступь приговоренных. Затем из тумана и ночной мглы вынырнули шестеро всадников. Их лошади двигались странно — с костяными, почти белыми копытами, будто не ступали, а царапали землю мертвым железом. От них несло гнилью так сильно, что у Лорика перекошило лицо. На поясах у них висели кривые мечи, тусклые и облупленные, словно их долго держали в сыром склепе. Доспехи были ржавыми, местами проломанными, с висящими клочьями кожи и темными пятнами, от которых лучше было отводить взгляд. Но один из них отличался от прочих. Он ехал впереди. Высокий, прямой, неподвижный, словно в седле сидела не живая плоть, а чья-то холодная воля. Его доспех был крепким, чистым, ухоженным. На поясе висел полуторный меч с черным клинком, и даже в полумраке казалось, что лезвие не отражает свет, а пожирает его.

Элай медленно оглядел всадников, оценивая расстояние, двери, окна, шансы. Никаких шансов. Он сделал знак рукой, приказывая всем отходить назад.

— Отходим, — выдохнул он почти беззвучно. — Попробуем выйти через черный ход.

Лорик сердито скривился и оглянулся на дверь, будто прикидывал, не вломиться ли в бой прямо сейчас.

— Может, всё же ударим первыми? Четверо против шестерых — бывали расклады и хуже.

— Ты дурак, что ли? — резко зашипела Ирида, не сводя глаз с окна. — С ними ты не справишься.

— Уверена? — буркнул гном, уже почти оскорбленный самим тоном. — Дай только проверить.

Но договорить он не успел: в плечо ему тяжело и без лишних церемоний врезался Сэнд.
— Не будем. Слушай брата, — тихо, но твердо сказал он.

Тем временем всадники спешили. Двигались они без спешки, почти лениво, будто знали, что добыча никуда не денется. И не сговариваясь, начали расходиться по деревенским домам, заходя в каждый по одному. Так им было удобнее, так быстрее. Элай следил за ними не отрываясь, пока остальные пытались отыскать потайной выход из трактира. Точнее, пока Ирида быстро и уверенно вела их к нему, словно уже не раз считала каждый угол, каждую щель, каждую доску в этом проклятом месте. Она знала трактир досконально — все двери, все проходы, все места, где можно было скрыться или выскользнуть наружу, если ночь вдруг решит стать еще страшнее. И каждый раз, когда один из всадников входил в дом, оттуда доносились крики. Крики людей, которым уже не оставили ни надежды, ни права на милость. Крики, в которых ломался страх, а потом и что-то куда более страшное — сама душа. Деревня начала захлебываться кровью. Элай резко отпрянул от двери, когда к трапезной стороне здания приблизился один из всадников. Сердце у него билось гулко и тяжело. Он быстро догнал спутников, и это, пожалуй, было самым странным — по пути им не встретился ни трактирщик, ни его семья. Ни один человек не показался на глаза. Словно все они исчезли еще до того, как начался этот кошмар.

— Он вас сдал, — тихо сказала Ирида, не оборачиваясь.

— Не мог, — ответил Сэнд, хмурясь. — Он был с нами.

— Значит, сдал заранее, — холодно отрезала она. — Не верь людям, мальчик.

Лорик фыркнул, но даже он не нашелся, что сказать. Они уже почти добрались до выхода, когда дверь трактира внезапно распахнулась с сухим, злым треском. Внутрь шагнул один из всадников. Он не спешил, но и не медлил — просто методично, без эмоций, принялся осматривать помещение. Столы, лавки, стойку, темные углы, занавеси, пол, все, что могло бы выдать чье-то присутствие. И конечно же его взгляд зацепился за одну-единственную пустую кружку, стоящую на столе. Слишком пустую. Слишком свежую. Слишком явную. Всадник замер на миг, будто что-то внутри него шевельнулось. А потом медленно повернул голову в сторону, где еще совсем недавно сидели живые люди.

Он взял кружку двумя пальцами, будто боялся испачкаться даже через древесную гладь. Поднес к лицу, задержал взгляд на мутной поверхности, а затем на миг будто увидел в ней собственное отражение — вытянутое, костлявое, с мертвыми, тяжелыми чертами. В трактире стоял густой запах прокисшего пива, мокрой шерсти, дыма и старого страха. Это зрелище и эта вонь вызвали у него только отвращение. Он резко отдернул руку и с глухим стуком отшвырнул кружку в сторону. Та ударилась о стену, разлетелась щепой и пеной. Следом он, уже не сдерживаясь, начал крушить трактир. Стол опрокинулся, будто был сделан не из дерева, а из тонких костей. Скамья с визгом прошлась по полу. Где-то звякнула посуда, застонала разошедшаяся дверь, а затем в воздухе повис низкий, звериный голос:

— Я знаю, вы здесь. Слова прозвучали противно, влажно, будто он выплюнул их вместе со слюной. Голос резал слух и не обещал ничего хорошего.

Спутники не стали отвечать. Им нужно было добраться до лошадей раньше, чем их найдут, раньше, чем эта ночь окончательно обернется для них кровью. Каждый шаг теперь был на вес жизни.

Сэнд, не оборачиваясь, едва слышно выдохнул:

— Нам нужно в Земрис.

Ирида нахмурилась, стиснула губы. Сначала она хотела возразить, но письмо наставника, лежавшее где-то глубоко в памяти, тяжело и неумолимо напомнило о себе. Она знала, что отступить нельзя. Не сейчас.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Я знаю дорогу. Давайте быстрее.

Они двинулись вперед, почти крадучись, хотя поспешность уже хлестала по ним изнутри. Трактир позади грохотал, словно внутри него ломали не мебель, а чьи-то кости. Дерево трещало, кто-то кричал, кто-то смеялся, и все это смешивалось в одну грязную, душную какофонию. Но едва они успели пройти дальше, как перед ними открылась новая сцена, от которой даже на миг хотелось остановиться. Один из шестерых тащил за ворот мальчишку — сына конюха. Ребенок отчаянно вырывался, бился, цеплялся ногами за землю, оставляя на ней борозды, и кричал так, будто сам крик мог вернуть ему отца. А отец отец лежал неподвижно у самой стены, и по тому, как неестественно он был раскинут, уже становилось ясно: он мертв. Мальчик захлебывался слезами.

— Папа! Папа, встань! Встань, пожалуйста!

Он повторял это снова и снова, будто если сказать достаточно много раз, мир одумается и исправит случившееся. Но мир не слушал. Мир только молчал. Ирида замерла. Она узнала эту семью сразу. Именно у них она не так давно гостила. Именно их дом пах хлебом, теплым молоком и дымком из очага. Именно тот ужин она помнила особенно ясно: простая еда, добрые лица, тихий смех за столом. Они приняли ее без лишних вопросов, по-человечески, по-доброму — и потому теперь эта картина ударила в нее особенно жестоко. На лице Элая не дрогнул ни один мускул, но взгляд его стал тяжелее. Он заметил, как Ирида побелела, как сжались ее пальцы. Секунда — и он уже все понял. Он ничего не сказал спутникам. Лишь чуть повернул голову и указал пальцем в сторону стойл.

— Двигайтесь дальше. Не ждите меня.

Сэнд резко обернулся.

— Брат, ты что делаешь?

Элай не ответил сразу. Он медленно выпрямился, поднимаясь из собственной решимости. Потом вытащил двуручную эльвскую саблю. Лезвие глухо и хищно блеснуло в тусклом свете. Он отвел оружие в сторону, принял низкую, крепкую стойку и замер. В его позе не было ни суеты, ни бравады. Только холодная, мрачная уверенность человека, который давно уже все решил.

— То, что должно, — сказал он наконец.

Голос его звучал ровно, почти спокойно, но в этом спокойствии было больше стали, чем в любом крике. Он уже выбрал свой путь. Если для того, чтобы мальчишка выжил, ему придется остаться здесь и умереть, значит, так тому и быть.

— Иди.

Сэнд стиснул зубы, но спорить было бессмысленно. Остальные, недовольно и с явным страхом, продолжили путь к стойлам.

А Элай шагнул вперед.

Враги заметили его сразу. Один из шестерых — самый рослый, хотя и ненамного выше остальных — грубо толкнул мальчика в сторону, словно тот был не человеком, а мешком с соломой. И только после этого Элай сказал, глядя прямо перед собой.

— Беги отсюда.

Мальчик даже не сразу понял, что ему сказали. Потом резко дернулся, сорвался с места и помчался к лесу. Туда, где среди деревьев могли ждать и эльвы, и иные, куда более страшные твари. Но ему было уже все равно. Дом он потерял. Отца — тоже. Деревня больше ничего ему не обещала, кроме пустоты и страха. Он бежал, пока воздух не начал рвать грудь. Бежал, не оглядываясь. Ирида видела его уход. Видела, как мальчишеская фигура тонет в темноте между деревьями. Но окликнуть его не могла. Любой лишний звук выдал бы их, и тогда уже не спасся бы никто. От бессилия она ударила кулаком по земле.

— Черт возьми — прошипела она сквозь зубы. — Не догнать. Хоть бы он выжил.

Тем временем Элай уже сошелся с первым противником. Тот не принял красивой стойки. Просто поднял меч — искривленный, уродливый, будто выковали его не кузнецы, а само зло.

В следующий миг он сделал резкий выпад в голову. Движение было быстрым и злым. Элай встретил удар саблей. Сталь ударилась о сталь с сухим, жестким звоном. Не теряя темпа, он тут же ответил рубящим ударом в торс. Движение получилось настолько точным и опасным, что казалось — лезвие сейчас распорет противника от ключицы до живота. Но тот оказался проворным. Почти неуловимым движением он выхватил кинжал с пояса и подставил его под удар. Металл скрежетнул, и удар был сбит в сторону. А в следующую секунду враг резко полоснул Элая по ноге. Элай успел отступить на полшага, не давая лезвию дотянуться до кости. Боль дернулась по бедру горячей иглой, но он даже не поморщился. Они оказались равны. Сразу. Без лишних иллюзий. Бой обещал затянуться.

Неплох, — мелькнуло у Элая. — Движения грязные, неряшливые но именно такие и опасны. С таким нельзя ошибаться.

Остальные пятеро пока не вмешивались. Один из них стоял чуть в стороне и молчал, будто происходящее его вовсе не касалось. Он не двигался, не говорил, только следил — и от этого казался еще страшнее. Элай снова пошел вперед. Теперь он бил чаще, резче, шире. Сабля пела в воздухе, разрывая полумрак хищными дугами. Он намеренно повышал темп, стараясь задавить врага скоростью, не дать ему поймать ритм и навязать свой. Лезвие свистело, плечи напрягались, шаги становились все короче и жестче. Он давил, не оставляя пространства для передышки. Но противник не отступал. Он принимал удары на клинок, ускользал, выворачивался, будто сам был вылеплен из злой, кривой тени. И тогда Элай решился на риск. Он перехватил саблю из двух рук в одну. Баланс клинка это позволял, и он знал это. В тот же миг, когда враг попытался отбить очередной удар, Элай второй рукой схватил его за кисть и резко дернул. Кинжал вылетел из пальцев и упал на землю. На короткое мгновение преимущество стало его. Но именно тогда остальные двинулись. Сначала едва заметно. Потом — уже всем телом, слаженно, как стая. Элай увидел это краем глаза слишком поздно. Он успел сделать шаг, перехватить дыхание, но следующий удар не отбил. Лезвие полоснуло его по ноге. Рана была не глубокой, но достаточно мерзкой, чтобы сбить стойку и отозваться по всей конечности тупой, пульсирующей болью. Нога сразу стала тяжелой, будто к ней привязали камень. Элай едва удержался на месте. И в этот момент раздался сухой, резкий хлопок арбалета. Болт Лорика со злым стуком ударился в землю рядом с ними, взметнув грязь и щепки.

— Бегом сюда! — крикнул он. — Хватит геройствовать!

Лошади уже ждали. Они били копытами, фыркали, дергались, чувствуя близость крови и страха. Элай, сжав зубы, поплелся к своим как мог быстро. Он заставлял себя не хромать слишком заметно, хотя нога уже предательски дрожала. Ирида тем временем понимала: нужно выиграть еще несколько секунд. Только несколько. Не больше. Она полоснула ножом по ладони. Кровь выступила сразу — темная, вязкая, горячая. Ирида быстро зашептала заклинание, и воздух перед ними дрогнул, будто сам мир на мгновение задержал дыхание. Перед ними поднялся барьер — не слишком прочный, не вечный, но плотный и колючий, как холодное стекло. Он не должен был удерживать врагов надолго. Но должен был выиграть время. Элай вскочил в седло почти на ходу. Лошадь нервно дернулась, но он вцепился в поводья и удержался. Через миг они уже мчались прочь — в сторону леса, туда, где среди черных стволов ждал Земрис. А позади оставался трактир, крики, стук сапог по доскам и запах крови, густой, почти осязаемый. Шестеро не стали сразу ломиться через барьер. Они остановились по ту сторону, оценивая ситуацию. Первым заговорил тот, что до этого молчал. Голос у него был низкий и спокойный, от чего становился только страшнее.

— Пусть бегут. Мы догоним. Он и так умрет.

Глава 12 - Спасение

Я и подумать не могла. Кем он станет для нас.

Ирида.

Он бежал, не разбирая дороги, и изо всех сил старался не оглядываться. В голове стучала одна-единственная мысль: нельзя. Нельзя смотреть назад. Пока не обернешься — можно верить, что они не гонятся следом. Пока только бежишь — еще есть надежда. А если увидеть за спиной погоню, услышать их голоса, скрип ремней, звон стали, — тогда страх станет настоящим, обретет лицо, дыхание, шаги. Надо было только бежать. Ветки Золотого леса смыкались вокруг него все плотнее, будто чаща нарочно не желала выпускать чужака. Низкие сучья били по плечам и лицу, цеплялись за рукава, сухие прутья хрустели под ногами. Земля здесь была мягкой, прелой, местами проваливалась под сапогами, а сверху, несмотря на ночь, тускло мерцали золотистые листья. Они ловили холодный лунный свет и отбрасывали странные, больные блики, из-за которых лес казался не живым, а заколдованным, чуждым человеку. Но страшнее леса было то, от чего он не мог убежать. Он все еще слышал голос отца. Не настоящий — тот уже оборвался, захлебнулся в последнем, хриплом вздохе, — а тот, что продолжал звучать в памяти. Словно отец был где-то рядом. Словно вот-вот окликнет его по имени, велит не путаться под ногами, велит принести воды или затворить ставни на ночь. Но вместе с этим голосом в памяти снова и снова всплывал другой звук — его собственный крик, беспомощный, детский, жалкий. И надежда, нелепая до боли, что отец сейчас поднимется. Встанет, отряхнет одежду, выругается сквозь зубы и, как бывало всегда, скажет, что все не так страшно, как кажется. Но он не встал.

Мальчик споткнулся о корень, едва не рухнул, удержался и побежал дальше, уже почти вслепую. Перед глазами вновь встала та картина. Как один из пришлых ворвался в дом с мечом в руке, будто имел на это право. Как отец, не раздумывая, схватил старый солдатский клинок, висевший у стены больше на память, чем для дела. Меч был старый, с потемневшей гардой, щербатый у основания, но отец держал его уверенно. Когда-то, еще до деревни, до мирной жизни, он умел им пользоваться.

— За мной стой! — крикнул он тогда, даже не обернувшись.

Мальчик и сейчас слышал эти слова так ясно, будто они были сказаны только что. Отец сделал шаг вперед, прикрывая собой дверь, стол, очаг — весь их тесный дом, всю их жалкую, но все-таки жизнь. На одно короткое мгновение мальчику даже показалось, что отец сможет. Что сейчас этот чужак отступит. Что старый меч еще помнит войну, а сильные руки — старое ремесло. Но все кончилось слишком быстро. Слишком быстро, чтобы осознать. Слишком быстро, чтобы закричать вовремя.

Враг ударил без колебаний, почти лениво, как делают люди, давно привыкшие к чужой смерти. Отец успел отбить первый взмах, но второй пришелся слишком точно. Потом был шум, грохот опрокинутой лавки, кровь на полу и его собственный голос, надсадный, сорванный:

— Папа!.. Папа, встань!.. Ну встань же!.. Пожалуйста...

А потом появился тот лысый эльв. Мальчик не знал, откуда он взялся — словно возник прямо из дыма, из общей суматохи, из ночи. Он вступил в бой, и на мгновение все смешалось: крики, лязг оружия, чужие сапоги, ржание лошадей где-то снаружи. И именно это дало мальчику несколько драгоценных мгновений, чтобы сорваться с места и бежать.

Теперь он был здесь. Один. В темноте. Не зная, куда идти.

Перед ним не было ни тропы, ни просвета, ни малейшего признака того, что лес вообще когда-нибудь кончается. Только черные стволы, золотые листья и липкий ужас, который шел за ним по пятам, даже если настоящей погони уже не было. Он бежал до тех пор, пока в груди не стало жечь так, будто туда набили раскаленных углей. Ноги налились тяжестью, в горле пересохло, каждый вдох давался с трудом. Наконец он не выдержал и, шатаясь, подошел к одному из деревьев — огромному, древнему, куда выше остальных. Его ствол был таким широким, что мальчик не смог бы обхватить его и вдвоем с отцом. Высоко наверху тихо шевелилась золотая крона, и лепестки-листья мерцали в лунном свете так ярко, будто дерево было осыпано мелкими монетами. Мальчик опустился на землю, привалился спиной к шершавой коре и закрыл лицо руками.

— О-отец... — выдохнул он дрожащим голосом.

Одно это слово сломало в нем остатки сил.

Слезы хлынули сами собой — горячие, жгучие, бесконечные. Он пытался вытереть их рукавом, но это было бесполезно. Они текли и текли, словно внутри него что-то надломилось, и теперь уже не могло остановиться.

— Я не должен был убегать... — прошептал он. — Не должен был... слышишь? Я должен был остаться... должен был помочь тебе...

Он всхлипнул, до боли прикусил губу и мотнул головой, будто хотел вытрясти из себя эту мысль. Что мог сделать ребенок? Ничего. Он это понимал. Но понимание не приносило облегчения. Наоборот — только сильнее душило.

— Нет... нет... — сказал он уже тише, упрямее. — Я выжил. Я выжил, и это не просто так.

Он поднял мокрое от слез лицо к черным ветвям.

— Слышишь меня? — шепнул он в пустоту, сам не зная, к кому обращается: к отцу, к лесу, к равнодушному небу. — Я клянусь... Я отомщу. Клянусь тебе. Всем им.

Последние слова сорвались у него с дрожью, почти жалко, по-детски, но в них уже было что-то твердое, острое. Не сила — до силы было далеко. Не мужество — он все еще боялся до тошноты. Но зерно чего-то темного, упорного уже легло ему в сердце. Потом пришла пустота. Так всегда бывает после сильной боли: сначала она рвет человека изнутри, а потом вдруг отступает на шаг, оставляя после себя глухую, тяжелую тишину. Мальчик сидел, обхватив колени, и думал то об одном, то о другом, не в силах удержать ни одну мысль до конца. Что будет дальше? Куда идти? Есть ли кто-то еще живой? Возвращаться нельзя. Остаться на месте — тоже. А если лес полон чудовищ? А если те люди все-таки найдут его? А если он умрет здесь, один, и никто даже не узнает его имени? Так, в слезах, страхе и изнеможении, прошел не один час. Ночь стала тише. Ветер блуждал между ветвей, порой доносился далекий вскрик какой-то ночной твари, и от этого звука по спине полз холод. Но усталость оказалась сильнее горя. Голова сама собой склонилась набок, веки налились свинцом, и в конце концов мальчик уснул, прижавшись к корням огромного дерева, словно искал у него защиты. Сон был тяжелым, рваным. Ему снился дом — но без стен. Очаг — но холодный. Отец стоял на пороге и что-то говорил, только слов было не разобрать. А потом его лицо заливала тень, и вместо глаз оставались две черные ямы, глубокие, как лесная чаща. Под утро мальчик вздрогнул и проснулся. Первым делом он не понял, что именно не так. Потом сердце у него провалилось куда-то вниз. Того дерева рядом не было. Он резко поднялся, огляделся и застыл, не веря своим глазам. Лес изменился. Не чуть-чуть, не так, как меняется местность с рассветом, когда ночные тени отступают, а по-настоящему. Стволы стояли иначе. Кусты были не те. Даже цвет листвы казался другим — не теплым золотым, как ночью, а блеклым, почти мертвенным. Земля под ногами была усыпана сероватой листвой, а не яркими лепестками. И того исполинского дерева, под которым он уснул, не было вовсе. Будто оно ему привиделось.

Мальчик медленно повернулся кругом, всматриваясь в чашу.

— Нет... — шепнул он. — Нет, нет, нет...

Ему вспомнились деревенские байки, которые у очага пересказывали взрослые, когда думали, что дети уже спят. О лесных эльвах, что заманивают путников в чашу и уводят детей так далеко, что те уже не находят дороги назад. О волколаках, что встают на задние лапы выше человека и умеют подражать знакомым голосам. О бледных духах, блуждающих между деревьев перед чьей-нибудь смертью. И о тех, кто уходил из деревни искать лучшую долю — и не возвращался никогда. Тогда эти истории казались страшными и притягательными одновременно. Теперь в них не осталось ничего сказочного. Теперь мир просто показал ему свое истинное лицо. Жестокое. Темное. Равнодушное. Он сглотнул, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Так вот оно как... — тихо сказал он сам себе. — Вот какой он, этот мир.

Для такого возраста мысль была слишком тяжелой, но после этой ночи он уже не мог думать по-детски. Невинность сгорела вместе с домом, с криками, с кровью на полу. Осталось только идти вперед. Он вытер лицо ладонью и сделал первый шаг. Разницы и правда не было. Стоять на месте — значит ждать. Чего? Голода, холода, хищников, погони. Идти — хотя бы значило надеяться, пусть даже глупо. Может, лес и впрямь кончится. Может, впереди найдется ручей, дорога, заброшенная хижина или хоть что-нибудь, кроме бесконечных деревьев. Он брел все глубже в золотую чашу и понимал даже своим юным умом, насколько это место опасно. В этом лесу было что-то неправильное. Здесь даже тишина звучала враждебно. Ветви шуршали не от ветра, а будто перешептывались между собой. Корни выползали из земли, словно пытались зацепить неосторожную ногу. А свет — бледный, утренний — не разгонял мрак, а только делал его видимым. Он вспомнил тех, кто уходил из деревни. Мужчину, мечтавшего стать торговцем. Двоих братьев, решивших податься в наемники. Девушку, что говорила о большом городе, где улицы вымощены камнем. Никто из них не вернулся. И вдруг ему пришла странная мысль, почти упрямая в своей детской наивности.

— Может... они нашли, что искали, — пробормотал он. — Потому и не вернулись.

Он сам не слишком верил в это, но мысль согрела его на несколько мгновений. Не все должно кончаться смертью. Не все дороги ведут в могилу. Хотелось верить, что хотя бы иногда человек уходит — и находит не ужас, а что-то лучшее. Он невольно вспомнил отца. Как тот иногда, устав после работы, глядел вдаль, туда, где за полями начинался лес, и говорил с грустной усмешкой:

— Мир большой, сын. Больше, чем наша деревня. Может, однажды и ты его увидишь.

Тогда это звучало почти как обещание. Теперь — как насмешка судьбы.

— Как и обещал мой отец... — горько прошептал мальчик.

Он шел дальше. Ветки шуршали над головой. Под ногами ломались сухие сучья. Иногда ему чудилось, будто справа или слева кто-то идет параллельно, прячется за стволами и не показывается на глаза. Несколько раз он резко оборачивался, но видел только неподвижные деревья и ключья бледного тумана, стелившегося у земли. Чем дальше он продвигался, тем гуще становилась тревога. Она уже не била в грудь, как ночью, а свернулась внутри холодным узлом. Мальчик старался ступать тише, дышать ровнее, прислушивался к каждому шороху. И вдруг замер. Между деревьев, на небольшой поляне, стояло что-то... или кто-то. Сначала ему показалось, что это просто утренний туман собрался в человеческий силуэт. Но силуэт не рассеивался. Он был тонкий, бледный, полупрозрачный, словно сотканный из белесого дыма и лунного света. Призрак. Настоящий призрак. Он не парил грозно и не выл, как в страшных сказках. Напротив — в нем было что-то тихое, печальное до дрожи. Он стоял, чуть склонив голову, и медленно, почти бережно тянулся к цветку, выросшему у корней дерева. Цветок напоминал тюльпан, только еще не распустившийся до конца. Его лепестки были плотные, темно-золотые, с алыми прожилками, будто в них застыли тонкие струйки крови. Призрак касался его снова и снова, но полупрозрачные пальцы проходили сквозь стебель, не в силах ухватиться. В этом движении было столько беспомощности, что у мальчика по коже побежали мурашки.

Он резко пригнулся и юркнул за ближайший ствол, прижавшись к нему всем телом. Сердце колотилось так громко, что казалось — его услышат за сотню шагов. Он зажал рот ладонью, чтобы не выдать себя дыханием, и осторожно выглянул из-за дерева. Призрак по-прежнему тянулся к цветку. Медленно. Упорно. Почти нежно. Мальчик не понимал, что страшнее — если дух вдруг обернется... или если так и не обернется вовсе. Он замер и стал наблюдать.

По всей видимости, перед ним был призрак девушки. На ней еще держалось платье — не новое и не целое, но упрямо сохранившее в себе что-то от прежней жизни. Ткань была бледной, словно выстиранной лунным светом, местами порванной и истончившейся до прозрачности. Когда-то оно, должно быть, было красивым: с узким лифом, длинной юбкой и тонкой вышивкой у ворота. Теперь же платье лишь смутно напоминало о том, что перед ним не тень и не морок, а чья-то забытая смерть. Мальчик затаил дыхание.

— Нельзя попадаться ей на глаза, — успел подумать он, и в груди у него неприятно сжалось, будто кто-то холодными пальцами задел сердце. Но в тот же миг призрак резко обернулся, точно что-то услышал. Он оставил попытку поднять цветок, который чуть покачивался у корней дерева, и исчез так внезапно, словно его и не было. У него похолодели ладони.

— Я ее спугнул? — мелькнуло у него в голове. Он не успел даже толком втянуть воздух, как сзади прошелся сухой, настороженный шорох.

Мальчик резко напрягся и оглянулся через плечо. Призрак стоял уже позади него. Не нападал. Не скалился. Не тянул к нему костлявые руки. Он просто смотрел — внимательно, почти изучающе, как смотрят на редкую, незнакомую вещь. На незваного гостя, забредшего туда, где ему быть не следовало. Мальчик попятился и тут же наткнулся спиной на ствол дерева. Кора царапнула лопатки сквозь тонкую ткань рубахи. Сердце у него забилось быстрее. Он, не думая, схватил с земли палку — длинную, сучковатую, с кривым, потемневшим от сырости концом — и выставил ее перед собой так, как учил отец. Отец всегда говорил, что палка в руке — это уже не совсем страх. Это хотя бы видимость защиты. Мальчик крепче сжал древко, надеясь, что призрак испугается или отступит. В двенадцать лет очень легко верить, будто любая преграда может спасти тебя, если держать ее достаточно уверенно. Он еще не понимал главного — если бы этому существу и правда понадобилось причинить ему вред, никакая палка не остановила бы его. Но надежда упряма, особенно когда вокруг темный лес и рядом только собственное дыхание. Призрак медленно подлетел ближе. Он вжался в дерево сильнее, хотя дальше отступать уже было некуда. Он оказался зажат между влажной корой и тихим, бесшумным существом из холодного света. Он даже не решился замахнуться — рука будто одеревенела от страха. А потом призрак заговорил. Голос у нее был тихий, ровный и удивительно мягкий, с той самой осторожной нежностью, какая бывает у женщин, убаюкивающих ребенка или утешающего человека после долгой беды. В этом голосе не было ни злобы, ни голода, ни хищной усмешки, которых мальчик так боялся.

— Здравствуй, не бойся меня, — сказала она.

Мальчик уставился на нее широко раскрытыми глазами. Он и представить не мог, что призраки вообще умеют говорить. В книжках, которые он читал, они были совсем другими: голодными, страшными, лживыми. Такие существа заманивали путников в чашу, притворялись знакомыми голосами, обещали помощь — а потом забирали жизнь. Его отец, хоть и был всего лишь конюхом, грамоте был обучен и сына своего учил старательно. Вечерами он ставил перед ним потрепанные книги и говорил: «Больше читаешь — больше знаешь». Он помнил эти слова лучше многих других. И потому сейчас его пугало не только то, что перед ним стоял призрак, но и то, что этот призрак совсем не походил на описанного в книгах. Она не выглядела чудовищем. Да, ее лицо было бледным, почти прозрачным, а глаза казались слишком глубокими и темными, словно в них застыла давняя печаль. Но в чертах не было жестокости. Напротив, в ней ощущалась какая-то тихая, забытая доброта — почти человеческая. От этого

становилось еще страшнее, потому что чудовище, притворяющееся добрым, вдвойне опаснее. Мальчик сглотнул. Колени у него заметно дрожали.

— Не говори со мной — выдавил он наконец. Голос предательски сорвался на хрип.

— Уйди, пожалуйста. Мне страшно. Призрак чуть отстранился. В ее неподвижности мелькнуло что-то похожее на растерянность, будто она и правда не ожидала такой просьбы.

— Я не причиню тебе вреда, — сказала она так же мягко. — Я даже ничего не могу коснуться. И тебя тоже. Она слегка приподняла руку и медленно протянула ее к ближайшей ветке, лежавшей у ног мальчика. Пальцы прошли сквозь древесину, не задев ее даже краем. Затем она осторожно приблизилась к мальчику, словно желая показать, что не лжет.

— Видишь? — почти шепотом добавила она.

— И правда — тихо ответил он.

Дети двенадцати лет, как правило, сперва верят глазам, а уж потом всему остальному. И, увидев, что призрак и впрямь не способен коснуться ни его, ни палки, мальчик почувствовал, как страх понемногу отступает. Осторожно, не сразу, но упрямая дрожь в груди начала стихать. В конце концов, если она не может ударить его, значит, по крайней мере, прямо сейчас он в безопасности. Призрак немного отодвинулась, давая ему больше воздуха. Потом опустилась — точнее, почти опустилась — на колени перед ним, и ее призрачное платье мягко легло на землю. Оно не помялось, не запачкалось, не намокло от лесной сырости, будто касалось не травы, а чего-то совсем иного, скрытого от глаз живых. Ингвар, заметив это, снова замер от удивления. Лес и правда был полон странных вещей. Но эта странность была не зловещей — скорее печальной, старой, как забытая могила.

— А что ты тут делаешь? — спросила она осторожно, почти с детским любопытством.

Мальчик опустил взгляд. Ему не хотелось отвечать сразу. Не хотелось открывать все, что накопилось внутри за этот день, за прошлую ночь, за всю ту жизнь, от которой он убежал. Но молчание затягивалось, и в конце концов он тихо произнес.

— Я ушел из дома. Слова прозвучали глухо и тяжело, словно камень, брошенный в глубокую воду.

— Почему? — спросила она тут же. И после короткой паузы добавила: — И как тебя зовут?

В ее голосе было столько искреннего интереса, что Ингвар невольно насторожился еще сильнее. Она говорила так, будто давно не беседовала ни с кем живым. Или будто вовсе не знала, каково это — иметь рядом кого-то, кто отвечает тебе не из страха, а по желанию. Мальчик помедлил. Стоило ли вообще отвечать? Есть ли в этом хоть какой-то смысл? Но взгляд у нее был не требовательный, а терпеливый, и это неожиданно сбивало с толку.

— Айсер, — сказал он наконец. Произнес он это с заметным трепетом. Имя ему очень нравилось. Отец дал его не случайно. в честь одного из героев древности, последователя Арлея Жестокого — человека, который, по старым книгам, пытался защищать простых людей и за это был распят на столбе. Отец часто говорил, что имя — это не просто звук. Это память. Это то, что человек несет за собой всю жизнь.

— Красивое имя, — тихо отозвался призрак. — Ты остался один? Айсер неловко кивнул. Это было и так понятно. Если маленький ребенок сидит один в лесу, весь взъерошенный, в грязной одежде, с руками, сжатыми на палке, — тут уж не нужно быть мудрецом, чтобы догадаться, что с ним случилось нечто плохое. Сразу видно: или сирота, или беглец. А между этими двумя бедами, в сущности, не так уж и много разницы. Призрак медленно приблизилась и осторожно, словно боясь спугнуть, протянула руку к его голове. Пальцы прошли сквозь волосы, не коснувшись кожи, но движение было таким внимательным, что Айсер все равно ощутил странное тепло — не на теле, а где-то внутри, под ребрами.

— Хочешь пойти со мной? — спросила она.

Мальчик вскинул голову.

— Нет. — Мальчик вскинул голову.

— Почему же? — спросила она.

Он покусал губу, переминаясь с ноги на ногу.

— Я тебе не доверяю, — признался он наконец, стараясь говорить тише, чтобы не показаться грубым. — И не знаю, кто ты такая.

Призрак несколько мгновений молчала. В ее неподвижности чувствовалось, как она обдумывает ответ, будто и правда хотела убедить его, но не находила нужных слов. Наконец она мягко сказала.

— Как хочешь. Оставайся здесь, если желаешь. Только помни: скоро стемнеет. А в темноте этот лес становится совсем другим. Она чуть повернула голову, будто прислушиваясь к чему-то, что мальчик не мог услышать. Между деревьями уже сгущались длинные тени, и вечерний воздух холодел с каждой минутой. Где-то далеко, за гнилыми корнями и черными стволами, тоскливо ухнула птица. Призрак развернулась и сделала шаг в сторону, уводя за собой бледный след сырого воздуха. Айсер, сам не зная почему, не сводил с нее глаз. Она замолчала, выжидая. Ее бледные губы тронула едва заметная, почти лукавая тень улыбки. Она знала, что зерно сомнения уже пустило корни в душе ребенка. Айсер беспокойно огляделся: лес вокруг стремительно терял свои золотистые краски, превращаясь в нагромождение уродливых черных теней, пожирающих остатки света. Мальчик понимал — она права. Остаться здесь одному означало сдать на милость той тьме, что уже начала скрестись в корнях старых дубов.

— Ладно, — выдохнул он, делая первый шаг вслед за призрачным маревом ее платья.

Поравнявшись с ней, Айсер внезапно, словно повинувшись детскому порыву найти защиту, попытался схватить ее за руку. Его пальцы сжались, но встретили прохладную пустоту, будто он попытался поймать туман над утренней рекой. Мальчик вздрогнул и резко отдернул руку, пряча ее в складках своей грязной рубахи. Призрак обернулась и улыбнулась шире — ее маленькая манипуляция сработала безупречно. Живое существо всегда тянется к теплу, даже если это тепло исходит от мертвой души. Они двинулись вглубь чащи. Ноги Айсера утопали в ковре из прелой листвы, которая под его сапогами хрустела слишком громко в этой могильной тишине.

— Здесь... красиво, — спустя долгое время прошептал мальчик, скорее чтобы отогнать давящее безмолвие.

— Да, — отозвалась она, и ее голос прозвучал как шелест сухой травы. — Ты прав, Айсер. Красиво и невыносимо одиноко.

Мальчик несколько секунд шел молча, глядя на то, как ее босые ноги не задевают ни единой травинки. Любопытство, это единственное оружие детей против страха, взяло верх.

— А как так вышло, что ты стала... такой? — он замялся, подбирая слово. — Призраком?

Она остановилась и посмотрела на него так долго и пристально, что Айсеру захотелось стать еще меньше. В ее глазах не было зрачков — только бесконечная дымчатая бездна.

— Честно говоря... я не помню, — её плечи зябко дрогнули. — Ни своего имени, ни того, как оборвалась нить моей жизни. Ни даже того, что это за проклятое место. Просто однажды я проснулась здесь, и с тех пор время для меня остановилось.

Айсер задумался, пытаясь представить, каково это — забыть самого себя. Отвлечшись, он не заметил выпирающий из земли корень, зацепился носком сапога и с глухим вскриком повалился на землю. Девушка-призрак тут же кинулась к нему, ее руки судорожно дернулись, пытаясь подхватить, помочь подняться, но они лишь бессильно прошли сквозь его плечи. Она резко отпрянула. Тишину леса вспорол резкий, надрывный плач. Это было так неожиданно и жутко, что Айсер забыл о боли. Он быстро поднялся, отряхнул ладони от сырой земли, не обращая внимания на саднившие, ободранные колени. Сделав шаг к ней, он сел на корточки прямо напротив сотрясающейся от рыданий тени.

— Эй, ну ты чего? Не плачь. Слышишь? Мы... мы во всем разберемся, — он говорил это так уверенно, как мог только маленький мальчик, верящий в сказки об отважных героях.

Она попыталась стереть щеки прозрачными ладонями, и в ее глазах отразилось искреннее отчаяние: слезы текли по лицу, но она не могла их даже коснуться. Настоящая насмешка судьбы — сохранить способность страдать, но лишиться возможности утереть собственные слезы.

— Х-хорошо... — выдавила она, стараясь унять дрожь.

— Знаешь, — Айсер неловко улыбнулся, — ты сейчас чем-то похожа на мою маму. Когда она расстраивалась.

Призрак замерла. Это сравнение подействовало лучше любых уговоров; слезы в ее глазах подсохли, сменившись странным, теплым светом. Мальчик вдруг протянул ей руку, ладонью вверх. Он знал, что она не сможет ее взять, что это лишь жест, но хотел как-то ее поддержать. Девушка медленно, с опаской опустила свою руку на его ладонь. И вдруг оба замерли. В месте касания воздух словно загустел. Айсер почувствовал легкое покалывание, как от статического электричества, а она... она ощутила под пальцами твердость и живое тепло. Впервые за вечность она коснулась чего-то реального.

— Невероятно, — прошептала она, крепче сжимая его руку. — Я знаю, где в этом лесу растет Древо-Старейшина. Оно самое высокое, там мы будем в безопасности. Нам нужно туда.

Айсер послушно кивнул, и они пошли дальше, скованные этой странной, почти невозможной связью. Тем временем небо над Золотым лесом начало наливаться тяжелым свинцом. Тучи сгушались так стремительно, будто их подгонял чей-то злой умысел. Дождь был здесь редкостью, почти чудом — лес обычно сам хранил свою влагу и отпугивал непогоду. Но сейчас надвигалось нечто иное. Как говорили в Земрисе: *«Если небо чернеет над золотом крон — оно несет беду. Прячься, закрой все двери, ибо само провидение отвернулось от*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.